

ЛЕДИ БЕЗДНА

Лариса Володина

18+

Лариса Володина

Леди бездна

<https://litres.ru/74131753>

SelfPub; 2026

Аннотация

Оривна, пылающая ночь — так жители вечного мира называют черную субстанцию, в которой живут. В ней плавают словно мыльные пузыри, огромные острова, наполненные маленькими частицами, каждая из которых — вечность.

Острова — это высокие энергии, цивилизации богов. Остров делится на провинции, провинции состоят из скоплений физических и духовных миров, которые называют вечностью. Таких как наша. Вечность и ее вселенные являются источником пищи и энергии для островов. Эта энергия стекается в провинции, из провинций — к престолу Великого, правителя острова, совершенной формы жизни, существующей вне времени, формы и вечности.

Вечности и их множественность дают островам энергию и силу. Одна такая вечность как наша словно батарейка может питать небольшую провинцию на протяжении нескольких периодов.

Просто и совершенно. И убийственно страшно.

Кто бы мог подумать, что мы стоим в самом низу пищевой цепочки.

Это первая книга о Мастерской миров, основанная на дневниках автора и его астральном опыте

Содержание

Вместо пролога	6
Глава первая. Счастливый мир	11
Часть 1. Граница миров	11
Часть 2. Начало всех рек	16
Часть 3. Территория темноты	21
Часть 4. Завтрак	31
Часть 5. Библиотека	41
Часть 6. Розовые оригоны	47
Часть 7. Праздник преклонения	56
Часть 8. Светлая половина	66
Часть 9. Женское счастье	78
Часть 10. Лунный каприз	86
Комментарий к первой главе.	91
Глава вторая. Благословенный мир	96
Часть 1. Радужный мост	96
Часть 2. Голубая долина	103
Часть 3. Цветочная поляна	108
Часть 4. Пылающая ночь	116
Часть 5. Высший уровень	126
Часть 6. Хранители меча	132
Часть 7. Праздник даров	140
Часть 8. Возвращение домой	150
Часть 9. Последнее предупреждение	156

Часть 10. Фиолетовый угол	162
Комментарий к второй главе.	169
Глава третья. Заблудившиеся в пустоте	173
Часть 1. Остров Золотого света	173
Часть 2. Остров дождя	182
Часть 3. Алтарь жизни	191
Часть 4. Остров танцующих звезд	206
Часть 5. Подвалы	212
Часть 6. Увидеть рассвет и умереть	220
Конец ознакомительного фрагмента.	227

Лариса Володина

Леди бездна

Вместо пролога

—Для большой любви должен быть большой гроб, — сказал белый кролик и вытер мохнатой лапой пот со лба.

Над Вечным морем вставал рассвет. У кромки синей воды стоял большой восьмиугольный гроб с откинутой крышкой. Кролик озабоченно выбирал из песка маленькие серебряные гвозди и вбивал их по краю серой обивки с помощью огромного молотка с длинной ручкой. Рядом с ним суетились взъерошенный бобер и большой бурый медведь, на шее у которого, словно воротник, болтался удав.

—Что? — Кролик поднял на меня воспаленные красные глаза и перевел взгляд на внутренность гроба, где спокойно могли разместиться несколько человек. Она была без отделки. Простое белое дерево. —Какая любовь, такой и гроб.

Я потрясенно молчала.

—Эти гвоздики такие маленькие, — забубнил бобер, обращаясь к кролику. —Ты их будешь неизвестно сколько прибавать.

Кролик сердито насупился и протянул бобру горсть гвоздей. Тот обрадованно стал прокалывать ими обивку, вкручи-

вая словно шурупы.

—Неужели она вообще существовала, эта большая любовь? —пробасил медведь.

Сложив лапы на груди, он с интересом наблюдал за своими приятелями.

—Не знаю я никакой большой любви, —заявил бобер набычившись.

—Потому что ты думаешь своей нижней частью, —отрезал кролик, лупя молотком по гвоздям.

—Если моя нижняя часть ничего не чувствует, —заметил бобер напыщенно, —значит, и я ничего не чувствую.

—Неужели все сводится только к этому? —продолжал медведь задумчиво.

—Все начинается этим и заканчивается тоже этим, —ответил бобер.

Медведь удовлетворенно закивал, схватил удава за хвост и стал его головой вколачивать гвозди словно молотком. Удав даже не пикнул. Дело заспорилось, скоро и гроб, и крышка были готовы.

—Отлично! Отлично! —потер лапы кролик. —Теперь похороны!

Компания подтащила гроб к воде, и медведь куда-то убежал. Через минуту он вернулся с большой металлической тачкой, груженной всевозможным хламом—серебряными шариками, деревяшками и старыми тряпками. Кролик радостно подпрыгнул и стал озабоченно рыться в мусоре.

—Где же она? —приговаривал он, засунув голову в воюющую кучу. —Так... Это благодарность... Это печаль... Это прощение. —Серебряные шарики полетели во все стороны, застревая в белом песке. —Вот! —заорал кролик как ненормальный. —Нашел!

Схватив какой-то небольшой предмет, завернутый в кусок светлой, ткани, он развернул его и торжественно выпрямился.

Лохматые лапы держали за хвост дохлую крысу.

—Большая любовь, —заявил кролик тоном мажордома, объявляющего о прибытии короля.

Я уставилась на крысу с отчаянием, на которое, как мне казалось, была уже не способна, но промолчала.

—Пора, —сказал медведь горестно и похлопал кролика лапой по плечу, отчего тот едва не упал.

Кролик зарыдал, разбрызгивая слезы, и торжественно опустил крысу в гроб. Крышку закрыли и под вздохи провожающих и вопли кролика «на кого ты нас покинула» стали спускать гроб на воду.

Мы хоронили большую любовь...

Неужели это правда? Неужели все, во что я верила, о чем мечтала, только дохлый обман? Неужели она действительно умерла?

Я провожала большую любовь, высокое чувство чистоты и света словно хоронила умершего друга, а может, часть себя. Было так больно, словно вынимали сердце. И это чувство

потери чего-то гораздо более важного, чем просто идеалы, потрясло меня.

—Нет! —закричала я, и, оттолкнув провожающих, бросилась в воду.

Сорвав крышку, я схватиладохлую крысу и выскочила на берег. Лохматые головы дружно повернулись, и похоронная команда уставилась на меня с укором и жалостью. Я отступила, судорожно прижимая крысу к груди.

—Не надо, не жалеј, —сказал тихий голос, и за спинами зверей возник черный клоун. —Ты ее не спасешь. Она мертва. Некого спасать.

Я прижала крысу и громко заплакала, отрицательно мотая головой.

Похоронная команда сделала шаг вперед. Я отступила.

—Не отдам.

—Она мертва, —повторил клоун мягко, и черные губы на выбеленном лице тронула усмешка. —Давно мертва. Ее вообще никогда не существовало. Все твои романические представления о ней—всего лишь иллюзии. Пора научиться видеть реальность. И начинать жить в ней.

Вытирая слезы, я оторвала кусок ткани от подола платья и бережно завернула в нее крысу. Потом упала на песок, баюкая сверток словно ребенка.

—Я никуда не уйду отсюда, пока она не оживет.

Клоун тяжело вздохнул и опустился рядом со мной.

Я с нежностью обняла крысу и заплакала еще горше.

—Высокая чистая любовь, —бормотала я, словно в транс. —Большая. И прекрасная. Без ревности и злобы. Без зависти и ненависти. Без лжи. Без темноты. Только чистота. Только свет. Она существует. Я знаю, что она существует. Она не могла умереть.

Я подняла на клоуна глаза, до боли всматриваясь в холодное непроницаемое лицо, но он даже не обернулся.

— Ваш высокий мир, —говорила я.— В нем только пустота и холод. Я не стану, никогда не стану такой как вы. Не хочу быть похожей на вас. Я лучше умру, —продолжала я отчаянно. — Если потребуется, я все разрушу и буду строить заново. Но я не пойду дальше, пока не верну ее.

Чувство глубокого облегчения пришло вместе со слезами. Я вдруг совершенно отчетливо поняла, что не хочу и не стану другой. Даже если выгляжу смешной. Или глупой. Даже если стану несчастной или отверженной. Я останусь собой. И это освобождение сделало меня почти счастливой.

Потому я совсем не удивилась, когда крыса зашевелилась. Маленькие острые зубки укусили меня за палец. Я вскрикнула. Крыса вырвалась из моих рук и молнией рванула вдоль берега на запад.

—Ну что же, —отозвался клоун, вытирая ладонью мокрое от слез лицо. —Только чистота... Только свет...

Глава первая. Счастливый мир

Часть 1. Граница миров

Затрапезный маленький оркестр играл вальс. Старые литавры, потрескавшийся барабан, две скрипки, труба и свирель— странное сочетание и не менее странные музыканты. Медведь, зайцы, скунс, осел и даже тигр озабоченно свистели, дудели и тарахтели, надувая щеки от натуги. Но старые инструменты только печально вдыхали, у них давно уже не было сил на такие подвиги.

Площадка с музыкантами висела в чернильно-черной пустоте. Она переливалась прозрачными волнами, словно океан вдруг решил сменить окрас и социальную принадлежность, превратившись из принца в гробовщика. Я стояла на поверхности, которой не существовало, и волны мягко обхватывали мои ноги. Между мной и незадачливым оркестром была натянута розовая шелковая лента.

—Добро пожаловать в высокий мир! —завопил противный тенор. —Прошу вас, леди, перерезать ленточку! Торжественное открытие нового уровня сознания начинается!

Вокруг меня радостно запрыгали два кролика и осел. Кривляясь и заглядывая мне в глаза, белый кролик с черным ухом протянул мне маленькие ножницы, но торжественная

церемония прервалась самым вульгарным образом.

—Назад! —заревел голос с закрытой территории, и оркестр заскрежетал и смолк. —Леди должна ответить на вопрос! Такова цена входа в высокий мир.

—Какой еще вопрос?!—заверещал черный кролик с белым ухом. —Ты что, рехнулся?! Не видишь, кто перед тобой?! Ей не нужны никакие вопросы. Она и так войдет!

—Не положено! —На меня из-за ленточки уставились два больших черных глаза на огромной лоснящейся физиономии. Бегемот обиженно запыхтел и добавил: —Всем задают вопрос. Такие правила.

—Какие правила? Какие правила?!—засуетился слева от меня белый кролик с черным ухом.

Он прополз под лентой и, взглянув снизу вверх на бегемота, протянул ему в мохнатой лапе огромный круглый леденец на палочке.

—Не надо никаких вопросов! —затараторил справа черный кролик с белым ухом.

Пританцовывая и заглядывая в глаза бегемоту, он протянул ему второй леденец.

—Хм, —пробурчал бегемот. —Ну, если она все знает...

—Знает, знает, —закивали кролики, а осел радостно запрыгал на задних ногах с ножницами в передних.

—Ну, тогда ладно, —пробасил бегемот, засовывая оба леденца себе в пасть.

Оркестр тут же засвистел и запыхтел, скрипки, фальшивя,

заиграли вальс «На сопках Маньчжурии». Осел сунул мне в руки ножницы, и я перерезала ленту, кусочек, который тут же оказался упрятанным в синюю бархатную коробочку.

—Добро пожаловать в высокий мир! —проревел голос, и стало темно.

Я очнулась сидящей на стуле в маленькой плохо освещенной комнате с решетками на окнах, в которые сочилась глухая ночь. Передо мной за большим деревянным столом, развалившись, сидел хмурый мужчина в черной кожаной куртке, таких же брюках и высоких сапогах.

—Вы арестованы, —просипел он.

—За что? —возмутилась я.

—За контрабанду конфет, дачу взятки должностному лицу и нарушение правил перехода границы высокого мира.

—Это не контрабанда и не взятка, —ответила я, выгораживая кроликов. —А подарок.

—Тогда почему не ответили на вопрос? —спросил он, ехидно ухмыльнувшись.

—Могу ответить, если настаиваете.

—Ладно. —Он откинулся на спинку стула и спросил строго. —Вы умеете любить?

Пораженно уставившись на мужчину, я задумалась.

—Не умею, —ответила я, наконец, и потупилась. —То есть... понимаете... Я чувствую привязанность и любовь... Но я не уверена, что они настоящие.

—А жизнь за любимого человека вы готовы отдать?

—Да.

—А всем пожертвовать?

Я с тоской посмотрела в черные глаза.

—Нет, —ответила я отчаянно. —Не могу пожертвовать долгом и дорогой, по которой иду.

—Вы хотите сказать, что ваши мама и папа... и близкие люди... они вам не дороже дороги? То есть, дорога для вас превыше любви? —спросил он, нахмурившись, и в его глазах заплясало алое пламя.

Я тяжело вздохнула.

—Да.

—А если там ничего нет? —спросил он с болью, меняясь в лице. —В конце вашей дороги? Если там только темнота?

Что-то тяжелое сжало мне грудь, притаившись там, словно камень, но я ответила хмуро и устало:

—Я смогу это узнать, только когда дойду туда.

Мужчина смотрел молча, тяжело и долго. Его взгляд размазывал меня по стулу.

—Ну что ж, —выдавил он, наконец. —Добро пожаловать в высокий мир.

Он неохотно поднялся, вышел из-за стола и открыл дверь.

—Что там? —спросила я, с ужасом вглядываясь в непроглядный мрак.

—Пустота. —ответил он. —В ней плавают словно мыльные пузыри, огромные острова, наполненные маленькими частицами, каждая из которых—вечность. В них живут мо-

гучие боги, способные создавать богов. —Мужчина обернулся и посмотрел на меня. Его бледное лицо перекосило страдание. —Только любви ты здесь не найдешь. Единственной любовью, которая тебе будет доступна, станет та, что ты возьмешь с собой.

И исчез в темноте.

Часть 2. Начало всех рек

У берега на лазоревых волнах покачивалась лодка из темного дерева. Фигура, закутанная в черный плащ, сидела на носу и даже не пошевелилась, пока я устраивалась на дощаном сиденье. Едва я села, лодка тихо отошла от берега.

Нежные краски утра быстро увяли, закат потемнел, и скоро мы окунулись в темноту. Она была бескрайней. И такой глубокой, что я ощущала ее чистоту как суть. Мы плыли в ней, словно в хрустальной черной воде, в тишине и странном покое, которые росли вместе с угасанием остатков света. Наконец, тишина и покой поглотили маленькую лодку, и она утонула в них.

— Не бойся, — заговорил мой попутчик. — Это не зло. Это другая форма существования. Темнота — ее отражение, суть. Посмотри.

Резким движением он сбросил плащ, и я увидела, что он горит золотым глубоким светом. Контуры фигуры напоминали человеческие, но это было единственным сходством. Форма и только, за которой полыхало пламя.

— Посмотри на себя, — сказал он.

Взглянув на свои руки, я опешила — я горела таким же ровным золотым светом, как и он.

— Куда ты везешь меня? — спросила я с дрожью.

— К тому, кто спит, но сейчас проснулся, — ответил он.

Хрустальный черный свет переливался волнами вокруг нас, и я подумала, что никогда до конца не понимала, как это прекрасно—черное, как оно глубоко и нежно, как восхитительна эта яркая субстанция, в которой мы плыли словно в воде. Наконец, лодка остановилась. Лодочник встал во весь рост и произнес тихо и почтительно:

—Великий?

—Спасибо, Арус, —отозвался низкий мелодичный голос.
—Пусть она подойдет.

Лодочник повернулся ко мне и подал руку. Я прошла по дну лодки к носу, и он почтительно помог мне выйти из нее. Мне показалось, что это маленький остров. Суша выглядела более плотной, чем хрустальное море. Потом я подумала, что иду по телу живого существа, такой мягкой и теплой была поверхность. Я шла, пока темнота не сгустилась до ощущения присутствия.

—Я чувствую тебя, —сказала я тихо.

И в темноте открылись зеленые глаза. В них горел странный звездный свет, соединение страсти и холода. Они пронзали словно рентген, и все же были нежными и какими-то грустными.

—Ты чувствуешь тоску и потерянность, —сказал голос. Он разносился на километры пустоты, и я отчетливо понимала, что в ней никого нет—только я и он. —Тебе наскучил мир, в котором ты живешь?

—Не знаю, что со мной, —ответила я без всяких попы-

ток скрыть или исказить свои чувства. Что-то внутри меня приняло этот разговор и не противилось откровенности. — Мне кажется неправильным все, что я делаю. Я постоянно сомневаюсь, туда ли иду. Чувствую тревогу, иногда страх. И постоянно боюсь, что сбилась с дороги или выбрала неправильную. Я останавливаюсь, сверяюсь со своим внутренним «я», но оно не всегда отвечает мне.

—Ты растешь, и твои сомнения —признак роста, —отозвался голос. —Самоуверенность свойственна вырождающемуся, а не рождающему. Творец всегда должен сомневаться в том, что он делает. Это позволяет избежать ошибки и дает толчок для возрождения и движения вперед. —Голос помолчал и, обращаясь к лодочнику сказал: —Она готова, Арус.

—Я понял, Великий, —ответил тот тихо.

Наступила тишина, которая мягко обволакивала меня. Наконец, проглотив комок в горле, я спросила то, что мучило:

—Это ты меня создал?

—Да, я, —ответил голос.

—Зачем?

—Я создавал творца, —ответил он.

—Значит, это ты был в самом начале? В начале всего?

—Я и есть начало всего, —ответил он. —Мои глаза и моя форма—только дань твоему восприятию.

—А темнота вокруг?

—Это мои слезы. В чем может нуждаться бессметное существо, которое начало и конец всему, как не в товарище, который разделит его одиночество. Я создал творца, способного рождать свет, нечто противоположное тому, что есть я. Он получился ярким, нежным, чистым. Но он хотел ваять и строить. Поэтому я отпустил его. —Голос умолк. Потом продолжил: —Наигравшись, ты возвращаешься ко мне и на какое-то время, утомленная, засыпаешь в моих объятиях. Я баюкаю твой сон. Рассказываю тебя истории и сказки. Это единственные мгновения, когда я по-настоящему счастлив. Потом ты просыпаешься и убегаешь—и так до следующего раза. Когда ты просыпаешься, то словно начинаешь жить заново. Потому я слежу за этапами твоего взросления, чтобы помогать тебе и понимать, готова ли ты двигаться дальше, и как скоро вернешься ко мне.

—И твой слугитель привел меня, чтобы ты мог понять это.

—Да. Я не хочу, чтобы ты ошиблась или тебе был причинен малейший вред.

—А сейчас? Ты сказал, что я готова. К чему?

—К следующему этапу развития. Ты скоро все поймешь.

—А что происходит с мирами, которые я строю, когда я возвращаюсь к тебе?

—Они исчезают. Ничто не может жить во мне. Только ты.

—А кроме нас с тобой есть кто-то еще?

—Нет, никого. Только мои слугители. Но они— только

часть меня.

—А до тебя? Что было до тебя?

—Ничего.

—Я не хочу уходить, —пробормотала я, уютно устроившись в мягкой темноте. —Я хочу остаться с тобой.

—Ты не завершила цикл, —вдохнул Великий. —Это будет беспокоить и травмировать тебя. —Обняв меня, он молчал какое-то время. Потом добавил: —Это ничего. Я подожду.

Часть 3. Территория темноты

—Я знал, что ты вернешься, —сказал лодочник. —Потому и не уходил.

—Здравствуй, Арус.

Он жестом предложил мне сесть—и лодка понеслась по лазоревому морю.

Некоторое время мы просто плыли, наслаждаясь тишиной и мягким светом.

—Сейчас, —сказал Арус, вглядываясь в горизонт. —Держись крепче.

—Переход такой сложный?

—Разумеется, он сложный, —ответил он. —Это ведь не из мира в мир.

Точка на горизонте очень быстро увеличилась и превратилась в невероятных размерах серо-белую птицу. Она обхватила нашу лодку громадными лапами с загнутыми черными когтями и взмыла в небо.

Я подняла голову— и увидела мощные ноги и страшную голову с загнутым клювом, которая, склонившись, внимательно меня рассматривала.

—Не надо, Риу, ты испугаешь ее, —отозвался Арус, и птичья голова моментально исчезла.

Огромные крылья, каждая величиной со стадион, закрыли небо—мы взмыли в высоту.

Я ощутила перемену, потому что перестала на мгновение дышать. Свет вспыхнул и погас. Когда он снова загорелся, лодка качалась на темно-серых волнах. Пасмурное небо нависало над нами. Я неожиданно поняла, что это реальность, а не пустота. Воздух был наполнен запахами соли и водорослей. Я чувствовала свой вес и свое тело как нечто вещественное. Я ежилась от прохладного ветра. Опустив ладонь в воду, я ощутила ее прохладу и тягучую плотность.

—Здесь все немного не такое, как в твоём мире, —отозвался Арус, направляя лодку к темнеющему берегу. —Но настоящее.

—Где находится этот мир? —спросила я.

—Нигде, —ответил он.

Лодка уткнулась носом в серый песок, и Арус легко вытянул ее на берег. Рядом я заметила с десятков таких же лодок. Он привязал лодку к колышку, завернул цепь и припечатал огнем, который извлек из ладони, словно печатью.

—Зачем это? —удивилась я. —Кто-то ворует ваши лодки?

—Нет, —возразил он, улыбаясь. — Проказничают. Отвязывают лодку, и она уплывает. Приходишь—ее нет. Приходится делать новую. А иногда на это просто времени нет, если дело срочное. Идем.

Мы пошли по песку к далеким холмам. Когда впереди показались деревья и трава, меня что-то толкнуло в грудь. Я остановилась, прислушиваясь. Это мир был крохотным и за-

мкнутым на себя. Я чувствовала его предельность, за которой бушевало черное и прозрачное.

—Пожалуйста, подожди, —попросила я с волнением и пошла в сторону темнеющего воздуха.

Пройдя немного, я положила руку на невидимую преграду, ощущая слабую пульсацию бесконечного, теплого и живого. Вздохнув, я сползла по прозрачной стене и тихо заплакала. Странное, щемящее чувство ребенка, который хочет домой, сдавило мне грудь – и медленно выходило со слезами, не принося облегчения.

—Скучаешь за Ним? —Арус вздохнул. —Дети всегда так. Сначала говорят своим родителям: «Я хочу самостоятельности, буду жить отдельно, я справлюсь», а потом тихонько плачут в подушку за домом, за теплотой и заботой, которые оставили, чтобы стать взрослыми. Потом возвращаются домой, в свою постель, сворачиваются клубочком на кровати в старой милой комнате, и засыпают, счастливые, под родительским крылом. Разве это не есть счастье?

Я вытерла слезы, и он помог мне подняться. В молчании мы пошли дальше. Когда впереди показались очертания строений, я подумала, что брежу.

—Я же тебе говорил, это место не похоже ни на что, —сказал Арус, заметив на мое удивление.

У домов города не было стен и крыш. И все же город существовал. Помещения или здания рождались, как только я думала о них. Они не имели ни одного острого угла и напо-

минали формой овал. Их очертания все время менялись, а краски струились и мерцали, прозрачные и неяркие, от темно-серой до бледно-голубой. Мы вошли в город словно в живое существо, материнскую утробу.

—Здравствуй, Великая, — сказал голос, и я увидела такое же сияющее существо как мой спутник.

—Здравствуй, — ответила я, потом спросила тихо Арус: —Почему он так странно называет меня?

—Разве ты не Его дочь? —отозвался он спокойно.

—Здравствуй, здравствуй, —неслось со всех сторон.

—Здравствуйте, —шептала я, совершенно растерявшись.

Это мир, такой необычный, не казался мне чужим. Я принимала его, хотя мне и тяжело дышалось в нем.

—Нам надо поторопиться. —Арус посмотрел на меня обеспокоено. —Мы слишком далеко от твоей физической оболочки—она может разрушиться. Пойдем.

Он ввел меня в небольшой овал, наполненный бледно-розовым светом, где собрались, вероятно, все жители удивительного города.

—Сколько вас? —спросила я.

—Двенадцать, —ответил кто-то. —Когда Великий спит, наша основная забота—ты. Мы следим, чтобы ты ни в чем не нуждалась, наблюдаем за твоими передвижениями, тем, как ты растешь. Когда приходит срок, мы провожаем тебя домой. Когда ты засыпаешь, просыпается Великий, и тогда работы у нас гораздо больше. Мы устраняем все последствия твоих

игр, восстанавливаем нарушение сути, если это происходит, выполняем другие поручения Великого.

—Почему мы спим по очереди? Когда же мы бываем вместе?

—Вы проводите вместе какое-то время, но недолго, чтобы не устать друг от друга. Такой режим выработался на протяжении длительного времени. И он удобен для вас обоих. Стань сюда.

В центре комнаты появился сияющий круг.

—Настало время восстановить вашу связь, —сказал кто-то. —Теперь ты всегда будешь чувствовать Его.

Сияющие фигуры сомкнулись вокруг меня, вспыхнул свет— я моя жизнь изменилась кардинально...

Я чувствовала темноту. Как нечто вещественное. То, что составляет суть. Она не давила и не пугала. Ее прозрачная структура напоминала черный алмаз, глубокая, чистая. Живая.

Потом я увидела каменные колонны, украшенные барельефами терракотового цвета и лепными фигурами людей, зверей и других существ. Я висела в центре чего-то круглого и большого. Был ли это зал? Я не знала—просто не ощущала его стен, хотя отчетливо чувствовала пол и потолок.

—Это изображения живых существ, обитающих в мирах Великого, твоего Отца, —сказал женский голос. —Великий сам выбирает, кто достоин чести быть изображенным. Колонны все время прибавляются—мы никогда не знаем,

сколько их на самом деле.

Рядом со мной плавало сине-фиолетовое прозрачное облачко, невесомое и подвижное.

—У тебя нет формы, — сказала я.

—Да, я так выгляжу. Тебе это мешает?

Облачко замерцало и превратилось в молодую женщину в строгом коричневом костюме с короткими черными волосами. Настоящий синий чулок. Или работница музея.

—Так лучше? —спросила она, поправляя большие очки в роговой оправе.

—Нет, —ответила я.

Она снова превратилась в облачко.

—Это зал очень красив, —заговорила я, помолчав.

—Это не зал. Поскольку у него нет стен, —ответила она.

Я пролетела чуть дальше, маневрируя между колонн, и наткнулась на широкую лестницу, которая вела вниз, в темноту.

—Нам нужно спуститься? —спросила я с некоторым беспокойством.

—Разумеется, мы спустимся, но не сейчас, —ответила женщина.

—Что это за место?

—Твой дворец.

—Мой дворец, —протянула я с иронией.

—Да, твой дворец. Посмотри сюда.

Облачко подлетело к краю лестницы, я последовала за

ним. Площадка с колоннами составляла центр композиции. Она поднималась над огромными залами, словно башня. От нее вниз расходились лестницы, перед одной из которых я сейчас стояла. Залы сменялись красивыми зданиями, площадями, крытыми переходами, перемешиваясь в причудливый дворцовый комплекс. Он освещался холодным белесым светом и исчезал за горизонтом—я не могла ни понять, ни принять его размеров.

—Дворец очень большой, —пробормотала я.

—Нет, не очень, величиной примерно в планету. Хочешь посмотреть что-нибудь?

—Да, только не очень большое.

Колонны и площадка растворились—мы висели в центре огромного продолговатого зала, словно вылитого из куска прозрачного серого льда.

—Это столовая, —сказала женщина.

—Столовая?

—Да, она небольшая. Всего на восемь миллионов персон. Обычно ты собираешь здесь своих друзей и братьев.

—У меня есть братья?

—Те, что созданы Великим, —ответила женщина, —считают его своим Отцом. Но родил он только тебя одну. Ты—его единственный ребенок.

Сглотнув комок в горле, я промолчала. Потом спросила:

—Вероятно, чтобы обслуживать такой огромный дворец, требуется большой штат.

—Слуг и помощников всего двадцать миллиардов, — ответил голос бесстрастно. Потом женщина добавила: — Это немного. Великий собирался добавить штат, но ты не захотела.

—Этот мир очень велик, — вздохнула я. — Сколько в нем жителей?

—Мы не знаем, — голос женщины на мгновение дрогнул.

—Как не знаете?

—Мы не знаем, сколько живых существ создает Великий. Но их очень много. Наш мир необычайно многочисленен.

—И я что же, живу в этом дворце?

—Время от времени, когда возвращаешься из своих путешествий, — ответила она. — Обычно ты засыпаешь здесь, а потом Великий переносит тебя к себе—он любит наблюдать как ты спишь. Никому не доверяет присматривать за тобой, делает это сам.

—Кажется, у меня непоседливый характер, — пробормотала я.

Женщина промолчала.

—Все это слишком для одного раза. — Я задумалась. — Отнеси меня куда-нибудь — я хочу побыть одна.

Облачко замерцало—и столовая сменилась залом, светлые стены которого украшали картины и неяркая роспись. Одна стена зала отсутствовала—ее заменяли белые резные колонны. За ними плавала темнота, подсвеченная неясными огнями, которые прихотливо переплетались и двигались— в

этом мире шла своя невидимая жизнь.

—Это твоя гостиная, —пояснила женщина и оставила меня.

Опустившись на переливающийся пол, я обхватила колени руками и задумалась.

Огромный дворец... Неисчислимое количество живущих в нем... Словно вымысел, сон...

Неожиданно что-то изменилось—темнота за колоннами замерцала искристым бледным золотом, стала густой и живой.

—Осматриваешься? —спросил голос ласково.

—Как-то все это слишком для меня, —вздохнула я. —Я ничего не помню.

—Это не страшно, —отозвался голос. —Просто знакомься со всем, поговори с жителями, узнай, как они живут, о чем думают. Память вернется в свое время.

—Зачем мне это делать, если память вернется?

—Свежий взгляд иногда дает возможность видеть обычные вещи совсем иначе. Подойди ко мне.

Я поднялась с пола и встала между колонн. Золото мягко перекатывалось. Я чувствовала его любовь, нежность и странную печаль взрослого, который смотрит на шаловливого ребенка, доставляющего ему множество хлопот.

—Обними меня, —попросила я стыдливо— и утонула в мягких объятиях.

—Твой мир такой огромный, —заговорила я, барахтаясь

в нежности. —И темный.

—Темнота—это удобное состояние, —ответил Великий.
—Она не лучше и не хуже света. Но в темноте живущим хорошо видно, когда я иду. И как ты сияешь. Мои дети называют наш мир Терри-аха-Ра или Счастливым миром. И все же он надоедает тебе. —Он помолчал. —Мне постоянно приходится менять живущих, потому что тебе они становятся скучными. Ты так мало проводишь времени со мной. Только когда набегаясь и ложишься отдохнуть.

—Прости. Кажется, у меня отвратительный характер, —вздохнула я.

—Это ты, —ответил он с такой добротой, что во мне все перевернулось. —Ты—мое дитя. И я люблю тебя. Все остальное неважно.

—Может быть, я стану лучше после того, что испытала.

—Ты действительно изменилась.

—Но если я вспомню, то снова стану такой как прежде?

—Нет. Память здесь ни при чем. Ты изменилась внутренне, стала мягче и спокойнее, нежнее. Но мне кажется, для первого раза достаточно. Твой человеческий экземпляр нуждается в отдыхе. И, кажется, у него еще сегодня много дел. Беги.

—Я не хочу.

—Нельзя же все бросить, не завершив то, что начала. Это несерьезно.

Я вздохнула и выскользнула в привычную вечность.

Часть 4. Завтрак

Розовый свиной пяточок приняхался и поморщился. Он делал это как собака, которая потеряла след. Я никак не могла понять, где нахожусь—светло-голубая шелковистая ткань стояла у меня перед глазами вместе с мордочкой, покрытой ярко-синим пухом. Существо, ростом я пятилетнего ребенка, могло сойти за медвежонка, если бы не пяточок и синяя шерсть. Оно подняло на меня круглые темно-синие глаза и смешно сморщилось.

—Не нравится запах? —спросила я.—Поменяй, что мучаться.

Существо поморгало —и рывком вытянуло из-под меня простыню. Я скатилась на пол, покрытый теплыми темно-синими плитами, не больно ударившись плечом.

—За что? —спросила я обиженно.

—Лучше сидеть на чистом полу, чем на грязной простыне, —ответило существо низким хриловатым голосом.

Через мгновение хрустящая простынь была застелена, и меня водворили на огромную кровать под темно-синим бархатным балдахинном. Возвышение, на котором она стояла, напоминало верхушку египетской пирамиды—со всех сторон от нее вниз вели ступени. Огромный зал утопал в голубоватых сумерках. Где-то на границе видимости существовали окна, закрытые такими же бархатными шторами, но снаружи

не проникало ни лучика света. Источник голубоватого свечения, если он был, находился где-то внутри помещения.

—Где я? —спросила я удивленно.

—В своей спальне, —ответил синий пух.

—Она слишком большая, —отозвалась я. —Ты уверен, что я не скачусь по этим ступенькам? Они чересчур крутые.

—Они не для тебя, —ответил пух. —Ты ими никогда не пользуешься. Это для слуг, которые следят за постелью.

—А чем я пользуюсь?

—Ничем. Ты летаешь. Тебе не нужны ступени.

—Я никогда не бывала в этой спальне, —возразила я.

Он фыркнул.

—Ты спишь здесь каждый день.

—Не сплю. Я бы запомнила.

—Твоя жизнь делится на отрезки, —ответил он. —Некоторые ты просто не помнишь, вот и все.

—И как эти отрезки распределяются?

—Примерно поровну. Половину своей человеческой жизни ты проводишь здесь.

—И чем я занимаюсь?

—По больше части спишь. Ты очень устаешь. —Он помолчал, сверля меня глазами. Маленькие шестипалые руки, поросшие синим пухом, поправили складку на простыне. —Твой Отец всегда проводит это время с тобой—он любит смотреть как ты спишь. Поэтому сюда почти никто не входит.

—Но почему спальня такая большая?

—Чтобы разместить твое одиночество. И свет, который, ты излучаешь. Когда ты сияешь, мы прячемся—для этого существуют специальные помещения под этой башней.

—И долго прячетесь?

—Как когда. Иногда несколько часов. Или несколько дней. У башни стены сделаны из специального материала, который выдерживает силу света.

Я сползла с высокой постели и, легко оттолкнувшись, полетела к располагающимся на уровне кровати окнам. Отодвинув штору, я долго всматривалась в темноту, слушая негромкий шорох—кажется, мой голубой приятель снова решил перестелить постель.

—Если это спальня, то должна быть и ванная комната, — сказала я.

—Умывальня здесь, —отозвался служитель, и в противоположной стене открылась дверь, из которой полился яркий свет.

Я полетела к ней—и упала в лето. Я стояла на берегу маленького синего озера. В шаге от меня шумел небольшой водопад. Берега озера покрывала густая ярко-зеленая трава с россыпью белых, очень душистых, цветов.

—Это что, умывальня? —проговорила я потрясенно.

—Умывальня, умывальня, —отозвался служитель и потянул меня за платье. —Снимай эти вонючие тряпки.

—Они не вонючие!

—Ты их вчера одевала, —ответил он и, не дождавшись помощи, вместе с подоспевшими, такими же, как он, пушистыми помощниками, ловко избавил меня от одежды.

Затем они осторожно намылили меня с ног до головы чем-то золотистым, душистым и сильно пенящимся.

—Окунись в озеро, —сказал кто-то.

—Но оно от пены загрязнится, —возразила я.

—Ничего с ним не будет, —ответил тот же голос, и меня столкнули в воду.

Вынырнув, я в самом деле не заметила никаким признаков пены на поверхности.

—Что теперь? —спросила я, устав сопротивляться.

—Ступай в водопад.

Вода в водопаде оказалась теплой и чистой, и, на удивление, вышла я из него уже совершенно сухой.

—Какое сегодня наденем платье? —зашушукались маленькие мучители. —Может, бледно-желтое?

Я стояла столбом, пока меня одевали в длинное золотистое платье с узкими рукавами. Удовлетворенно осмотрев меня со всех сторон и сто раз обнюхав, от меня, наконец, отстали. Но ненадолго.

Едва я вылетела из умывальни, меня потянул за край платья другой синий медведь. Он оказался на голову выше предыдущих и еще более недовольный, чем они. Пока я летела вниз, он резво скакал по ступенькам. Через несколько минут мы уж стояли в столовой.

Этот зал я видела вчера. Сегодня его центр занимал длинный стол, застланный белоснежной, с золотой вышивкой, скатертью. Белый с золотыми разводами фарфор мягко мерцал в желтом пламени свечей. В чашечках белых цветов, похожих на лилии, дрожал золотистый свет.

Я замерла на пороге— все высокие белые стулья, обтянутые парчой, были заняты, кроме одного, во главе стола. На лицах, сидящих танцевали причудливые тени от высоких серебряных подсвечников. Это были мужчины и женщины разного возраста и внешности, некоторые с детьми, красивые, одетые просто, но изысканно.

—Кто это такие? —зашептала я ошарашено.

—Ваши братья, —ответило сердитое синее существо.

—У меня нет братьев.

—Это ваши братья, —прошипел слугитель. —Дети Великого, созданные им. Ваше ближайшее окружение, и их семьи.

—И сколько у меня братьев?

—Восемьдесят девять. Идите уже, сядьте.

—Я не пойду. Я их не знаю.

—Так распорядился ваш отец.

Делать нечего. Подумав, что я потом во всем разберусь, я молча прошла к свободному стулу и села на него. Мои так называемые родственники сидели очень тихо. Я не знала, начался завтрак или нет, но судя по стоящему передо мной блюду, так оно и было. На нем лежали три полупрозрачных

круглых олады, по виду напоминающие застывший холодец. Я растеряно уставилась на них, не представляя, как это едят.

—Что, сестричка, — раздался пронзительный, полный сарказма, голос с левой половины стола, —совсем голова набекрень? Забыла, как едят голилу?

—Забыла, —ответила я резко, поднимая голову. —И вас всех тоже забыла. И мне доставляет мало радости эта ситуация. Как и необходимость сидеть с вами за одним столом.

—Заткнись! —заорал другой голос, низкий, тяжелый, хриплый. —Полукровка! —Зазвенел брошенный прибор, который, вероятно, мужчина с силой швырнул на стол. — Это нас! Нас угнетает необходимость срываться с места, бросать все дела, чтобы присутствовать на твоём завтраке!

Я молча выбралась из-за и стола покинула столовую. Пробежав, не знаю сколько, огромных словно стадионы, залов, каким-то чудом я нашла свою спальню и рванула дверь в умывальню. Упав на траву, я горько заплакала. Я не понимала, что здесь делаю. Почему не могу никак вернуться домой. Почему не прерывается это странное затянувшееся навязание.

Мягкий золотистый свет окутал меня, добрый, жалостливый.

—Ну что с тобой, радость моя? —спросил Великий. — Почему ты плачешь?

—Я не умею есть эту...

—Голилу? Нужно взять левой рукой маленький крючок,

подцепить на него лепешку. Потом в правую руку взять палочку, наколоть на нее лепешку и положить в рот.

—А жевать можно? —спросила хриплым от слез голосом.

—Не нужно. Она сама растает во рту.

—Они меня ненавидят, —сказала я и снова заплакала.

—Они тебя не любят, —ответил он. —Они—правители миров, с громадной неограниченной властью, неисчислимыми армиями и слугами, привыкшие, что малейшее их желание тут же исполняется— и девочка, почти ребенок, к которой они вынуждены являться по первому зову.

—Я их не звала, они мне не нужны, —заплакала я. —Мне ничего не нужно. Ни этот дворец. Ни дурацкая огромная спальня.

—Где же ты будешь жить, дитя мое?

—В умывальне.

—В умывальне...—Он помолчал. —Давай-ка лучше я отнесу тебя в сад. Там такие красивые цветы, такие душистые. Хочешь посмотреть?

—Не знаю.

Воздух вокруг меня заструился и задрожал—и зеленый луг сменился цветущей оранжереей, в глубине которой, среди огромных зеленых кустарников и розовых цветов раскачивались серебряные качели. Я легла на парчовые подушки и закрыла глаза.

—Он назвал меня полукровкой, —сказала я глухо. —Что он хотел сказать? Это звучало как оскорбление.

—Не думай об этом, —ответил свет ласково. —Я с этим разберусь.

—Я какая-то неправильная? Зачем я тебе?

—Потому что я люблю тебя, —ответил свет. —Так же сильно как любил твою маму. Ты очень на нее похожа.

—Она умерла?

—Через мгновение после того, как ты родилась. Посмотрела на тебя—и умерла. Она отдала тебе всю свою силу, весь свет. Теперь ты—источник жизни и надежды.

—Но почему?

—Так вы устроены. Вам нельзя иметь детей. Если рождается ребенок, мать отдает ему все, что имеет, а сама умирает.

—Зачем же тогда она сделала это?

—Мы очень любили друг друга. Она непременно хотела подарить мне ребенка. Так она решила.

—Она была не такая как ты?

—Не такая. Она вспыхнула словно звезда, когда появилась в нашем мире. Я очень скучаю за ней.

Он ласково баюкал меня, и я совсем успокоилась.

—Тебе надо вернуться в столовую и попробовать голилу, —сказал он. —Она очень вкусная. Тебе обязательно понравится.

—Но я...

—Ты здесь хозяйка. И об этом следует помнить всем. Давай. Я помогу тебе.

Без всяких усилий я снова оказалась в столовой. Кажется,

никто даже не пошевелился с тех пор, как я выскочила за дверь. Золотистый свет, который стоял за моей спиной, усадил меня за стол. Я почувствовала холодный ужас, который волнами разливался от присутствующих.

—Великий, Великий, —неслось вдоль стола.

Свет ласково наклонился надо мной.

—Вот так. —Мою левую руку нежно обняли. —Берешь крючок. —Длинная серебряная палочка заканчивалась крючком. —Теперь поддевай лепешку. —Я легко приподняла ее край. —Теперь палочкой. —Такой же серебряный стержень, но без крючка, оказался в моей правой руке. Я проколола им лепешку. —Теперь клади в рот.

Неожиданно движения стали почти автоматическими, словно я сто раз это делала. Я ловко положила лепешку в рот. Она растаяла, оставляя привкус свежей ежевики и мяты.

—Ну как, вкусно? —вздохнуло облачко у моего плеча.

—Очень.

Закончив кормить меня, Великий выпрямился за моей спиной. Не знаю, что видели сидящие за столом, но я чувствовала их страх так отчетливо, словно он стал вещественным.

В ледящей тишине темный прозрачный сгусток отделился от Великого и направился в сторону мужчины, который первым задел меня.

—Великий, я..., —прошептал он. —Я не хотел...

—Разумеется, ты хотел, Верилий, —ответил холодный

негромкий голос, который я с трудом узнала— и мужчины не стало.

Женщина и сидящая рядом с нею девочка лет четырнадцати даже не пошевелились. Сгусток поплыл над столом, не касаясь свечей, к мужчине с хриплым голосом, который молча закрыл глаза. Его не стало через мгновение после того, как к нему прикоснулось темное ничто.

—Я надеюсь, —сказал Великий. —Вы запомните этот завтрак.

Присутствие исчезло. Я довольно ловко доела свою голилу и встала из-за стола.

Часть 5. Библиотека

В зале танцевали пары. Мужчины в серебристых камзолах и женщины в длинных, зауженных в талии, платьях из светлой парчи, плавно и неторопливо кланялись и поворачивались, составляя сложные фигуры. Я словно попала в манерный шестнадцатый век ко дворцу какого-то французского короля. Я замерла у входа, осторожно заглядывая в зал, чтобы меня не заметили.

— Не хочешь присоединиться? — спросил насмешливый голос.

Отпрянув от двери, я облокотилась спиной от серо-голубую, в прихотливых узорах кружев, стену и подняла глаза. Владелец голоса стоял, опираясь локтем о колонну, в живописной позе отдыхающего денди. Это был, головы на две выше меня, мужчина лет тридцати, в парчовом белом камзоле, узких брюках, белой рубашке и белой бабочке. Русые, с рыжинкой, кудрявые волосы, откинутае с бледного лба, падали на широкие плечи, а голубые глаза смотрели холодно и враждебно.

— Праздник длится уже целый день, а ты только соизволила присоединиться к нам, — продолжал он. — По меньшей мере, это неприлично.

— Я никого не приглашала.

— Это распоряжение Великого, — ответил он. — Есть ты,

нет тебя, мы обязаны присутствовать и праздновать, пока он не решил иначе. —Он помолчал, буравя меня глазами. — А ты изменилась. Грудь сформировалась. Стала красивее и взрослее.

—Тебя это не касается, —отрезала я, покраснев.

—Разумеется, меня это касается, раз я твой брат. —Он сложил руки на груди, и его глаза блеснули. —Этот парень, который постоянно околачивается рядом с тобой, он очень inferнальный. Тебе такие нравятся?

Я не ответила.

—Ты вечно где-то пропадаешь, —гнул он свое. —То в детской, то в игровой, то вообще неизвестно где. Иногда тебя нет так долго, что мы думаем, что ты умерла. И очень надеемся, что так оно и есть.

Я вспыхнула. Мои глаза наполнились слезами.

—Ты подписал себе смертный приговор, братец, —раздался голос слева от меня, и из-за колонны вышел парень. Он был почти точной копией первого с поправкой на цвет глаз и волос—они у него были темнее. —Тебе ведь прекрасно известны правила — Великий запретил обижать или устраивать ее.

Светловолосый парень побледнел, но ничего не ответил.

—Тебе стоит все же пройти в зал, —обратился ко мне темноволосый.

Я шагнула в зал и остановилась у порога. Музыка смолкла. Танцующие молча уставились на меня.

—Вы свободны, — сказала я, глотая слезы. — Праздник закончен. — В гробовом молчании я добавила: — Тоже устали от меня? Ждете, когда я, наконец, умру? — Потом добавила тихо. — Уйдите, пожалуйста.

Резко развернувшись, я вышла из зала и, как могла спокойно пошла прочь. Я пришла в себя на площадке, похожей на верхушку пирамиды.

— Все еще не можешь привыкнуть? — спросил темноволосый парень, материализовавшись рядом со мной. — Я помогу. Вот. Смотри. Это твои покои, спальни и гостиные. — Он плавно двигал рукой, поворачивая меня слева направо по часовой стрелке. — Дальше столовые и банкетные залы. Вон там — залы для приемов. А это дома твоих слуг и учителей.

Мы осмотрели уже половину окружности, поворачиваясь вслед за его рукой. Внизу, занимая огромные пространства, поднимались здания и дворцы, составляя живописный комплекс, центром которого была башня.

— Здесь — библиотека. За ней — залы для тренировок силы и занятий. А это игровые и детские, там ты проводишь большую часть времени. Что бы ты хотела посмотреть?

— Я никому ничего не сделала плохого, — ответила я, вглядываясь в фантастическое зрелище огромных дворцов, составляющих единое целое с пирамидальной башней. — Мне не нужны ваши дворцы и праздники. И ваш мир тоже не нужен. Я не собираюсь жить в нем.

— Раньше ты думала иначе, — отозвался он с удивлением.

—И выглядела по-другому. Ты изменилась. Стала нежнее и спокойнее. Твой свет... Он такой яркий и чистый... Что с тобой случилось? Где ты была?

—Со мной случилось много плохого. И много хорошего. И со мной случилась любовь, которая вам недоступна, —ответила я с горечью.

—Напрасно ты так говоришь, —отвечал он глухо. —Мы разные. Но, да, многие ненавидят тебя. Но это ничего не значит в таком мире как наш, где всем правит Великий.

—Отнеси меня в библиотеку, —сказала я, и добавила, заметив его удивление: —Что не так?

—Ты бываешь в библиотеке? Никогда бы не подумал, —ответил он.

Через мгновение мы стояли в громадном мрачном помещении, уставленном исчезающими в высоте шкафами, битком забитыми книгами в тяжелых переплетах. Я осторожно пошла по проходу, замирая от восхищения—мне хотелось прочесть все эти книги, и начать прямо сейчас. Я чувствовала удивление моего спутника, такое глубокое, что оно казалось почти болезненным. Нам навстречу выскочил маленький человечек в черном сюртуке, похожий на таракана, и я подумала, что, вероятно, кроме синих ворчливых медведей в дворце обитают и другие виды живых существ.

—Великая. —Он задрожал и низко поклонился. —Господин. —Еще один поклон моему спутнику. —Чем могу помочь?

—Мне хочется прочесть все ваши книги, — сказала я с восхищением. —Но прежде всего, не могли бы вы подобрать мне книгу об истории Счастливого мира.

—Они все о Счастливом мире, госпожа моя.

—Тогда о том, как он начинался. Что было в самом начале.

Он кивнул и ловко стал взбираться на незаметной лестнице, которая крепилась по краю одного из шкафов. Скоро его фигура совсем исчезла в темноте. Его не было довольно долго. Наконец, он спустился, держа в руках большую тяжелую книгу. Уложив ее на небольшой постамент, он позвал меня к себе.

—Наши книги не такие, как в мире, где вы сейчас находитесь, — сказал он тихо и вежливо. —Когда вы откроете книгу, то увидите и почувствуете то, что она содержит в себе. Прошу вас.

Он усадил меня на высокий табурет напротив книги и отошел.

Я открыла книгу с содроганием, но была благодарна за то, что он предупредил меня.

—Великий—начало всего, —говорила книга. —И все меркнет в величии его прихода.

Я увидела, как в непроглядном мраке вспыхнули багровые облака. Как они закружились и взорвались огненной лавой и дождем. Невероятный грохот, ни с чем не сравнимые по мощи звук и рев, от которого у меня внутри все похоло-

дело, рванулся со страниц книги и поглотил мой мир и меня вместе с ним. Под обломками моего сознания осталось только зрение.

И я увидела.

Внутри огненной лавы вспыхнула ослепительная белая точка. Она превратилась в пульсирующий столб белого пламени. Из пламени раздался голос— и я умерла.

Когда я очнулась, служитель закрывал книгу, поглядывая на меня с восхищением и страхом. Я не понимала причины столь странных чувств, да мне было и все равно в тот момент. Перед моими глазами пульсировало белое пламя, и я подумала, что совсем не знаю то ласковое существо, которое обнимало меня. Что не знаю его мира, законов и правил, что должна понять причину столь глубинного ужаса, который охватывает живущих при одном упоминании имени Великого. Почему я здесь? Неужели это и есть конец моей дороги?

Я сползла со стула и молча вышла из библиотеки.

Часть 6. Розовые оригоны

—Это обязательно делать? —спросил голос. —Стоять в пыли? Это как-то не сообразуется с твоим положением.

Дорогу покрывала мелкая белая пыль. Мои ноги утопали в ней по щиколотки. По обе стороны тянулись вспаханные поля с едва пробивающимися зелеными всходами. Странно, но я не ощущала движения воздуха, как будто этот мир был нарисованным. Впрочем, может так оно и было.

Голос доносился из прекрасной резной кареты, в которую были впряжены две гнедые лошади. Сам владелец голоса высунулся из окошка и приветливо улыбнулся.

—Может, составишь мне компанию и прокатишься со мной?

—Я тебя не знаю, —ответила я. —Вдруг ты разбойник.

—Конечно, я разбойник, —рассмеялся он. —Здесь другие и не водятся.

Открыв дверь кареты, он легко соскочил с верхней ступеньки, поднимая облачко белой пыли. Это был мужчина среднего роста, моложавый и крепкий, в старинном парчовом костюме—расшитом золотом камзоле и узких кюлотах, белых гетрах и белых туфлях. Образ дополняли белый завитый парик и тросточка с серебряным набалдашником.

—Ты —житель темной территории, —сказала я, внимательно всматриваясь в беспокойные карие глаза.

—Почему ты так решила? —парировал он.

—Твоя энергия другая, не такая как в вечности, гораздо сильнее. Кто ты такой? Мой брат?

—Твой брат, —согласился он. —Может пройдемся? —
Получив утвердительный кивок, он зашагал рядом со мной по пустынной дороге, словно по танцевальному залу. —
Впрочем, брат здесь понятие относительное. Мой отец—
Вечный. Он создал меня и таких как я. А у тебя есть еще мать, которая родила тебя. Так что наше родство довольно поверхностное.

—Как тебя зовут?

—Амин, можно называть наоборот. Мы отзываемся на оба имени.

—Нима? —Он кивнул. —Мне больше нравится Амин.

Он сдвинул на затылок парик и вздохнув, вытер пот со лба.

—Зачем ты во все это вырядился? —спросила я.

—Протокол, —ответил он. —Нам предписано встречать тебя в полном параде, хорошем настроении и с улыбкой на лице.

—А в этом протоколе не написано, должна ли я тоже быть в полном параде и с улыбкой? — Я посмотрела на него с сочувствием. —Это довольно обременительно. Можешь снять свой парик, я никому не скажу.

—Что ты, —ужаснулся он. —Великий требует неукоснительного исполнения своих указаний. Он очень строг и бы-

вает жесток.

—Ты, как и все мои братья, управляешь территорией? — спросила я, косясь на золоченые пуговицы его камзола.

—Управляет всем Вечный, — ответил он. —Я—распорядитель провинции, той части территории—мы называем ее Счастливым миром— которую он мне доверил. Это очень-очень высокая должность и большая честь.

—И какая часть Счастливого мира под твоим контролем?

—Одна восьмидесятая. Территория разделена на восемьдесят четыре провинции. Каждой провинцией управляет кто-то из детей Великого.

—Равные части?

—Нет. —Он остановился, вытирая пот белым кружевным платком. —Фу, жарко как. Моя провинция в несколько раз больше остальных. Великий доволен моей работой. Некоторые провинции сейчас не имеют распорядителей. —Он покосился на меня. —В связи с некоторыми событиями. Вероятно, их возьмет под свой контроль кто-то из сыновей Великого. Может быть, довольно уже этой иллюзии?

Он обвел рукой дорогу с кусочком неба и полями.

—Ты сам ее создал, —ответила я.

—Хотел, чтобы тебе было уютно. Так что?

—Довольно уже.

Он облегченно вздохнул—и поле растаяло. Мы стояли в центре огромного зала величиной со стадион. Его суровую мрачную красоту немного оживлял замысловатый рисунок

всех оттенков серого, который покрывал полированные плиты пола. Серые колонны могли вполне служить башнями и разместить внутри целое войско.

—Мой дом, —сказал Распорядитель. —Подожди, пожалуйста, мне надо привести себя в порядок. Я не могу представлять тебя в таком растрепанном виде.

Пока он поправлял парик и застегивал пуговицы на камзоле, я попыталась осмотреться, но ничего не увидела кроме бесконечного пола и колонн, которые плавали в рассеянном белесом свете.

—У вас довольно светло, —отозвалась я негромко. —Я думала, в ваших домах так же темно, как и снаружи.

—Темнота —понятие относительное, дитя, —отозвался Распорядитель. —Она властвует в мире, где мы живем, окружает нас, мы плаваем в ней, словно рыбы, но никогда не касаемся ее.

—Не понимаю.

—Темнота за стенами, —пояснил он. —Она враждебна и смертельна для нас. Мы в ней плаваем в таких прозрачных коконах, похожих на пузыри. Понимаешь? Кокон для живого существа. Кокон для города и страны. Для вселенной. Для вечности.

—Вечности?

—Ты же не думаешь, что твоя вечность—единственная? —усмехнулся он. —Ну вот, мы пришли. Сейчас я познакомлю тебя со своими домашними.

Он толкнул высокую резную дверь, в которую мог бы пройти великан, и мы оказались в белом теплом зале, украшенном цветами. Большие хрустальные люстры освещали зрелище столь же изысканное, сколь и непривычное—я словно попала ко двору какого-то короля, может быть, Филиппа Красивого? Женщины в роскошных длинных платьях, до ужаса утянутых в талии, мужчины в парчовых костюмах, париках и перчатках. Даже дети были одеты и затынуты. Разодетая толпа почтительно склонилась.

Амин выпрямил спину и повел меня вдоль выстроившихся в два ряда родственников.

—Моя жена, Лилли, —представил он невысокую, довольно худую и желчную, женщину, которая изо всех сил пыталась улыбнуться. —Это мои сыновья, их жены и дети. —Он называл имена высоких статных мужчин, за спинами которых маячили женщины и дети. —А это мои дочери, их мужья и дети. Мои дети, —продолжал он, —контролируют отделения, на которые делится провинция.

—Простите, —сказала я растеряно. —Мне понадобится время, чтобы запомнить ваши имена. Поэтому прошу простить меня за возможные оплошности.

—Что, умишко слабый? — отозвался надменно молодой мужчина в серебряном камзоле, который стоял в первом ряду и, вероятно, был сыном Амина.

Я вспыхнула от обиды, а Распорядитель поперхнулся. Пытаясь сгладить неловкую ситуацию, я спросила:

—А остальные жители не имеют на это право? На такую должность?

—Что, прости? —удивился Амин.

—Если кто-то имеет талант, силу, способности, —продолжала я, останавливаясь рядом с нарушителем спокойствия, —может ли он надеяться продвинутся вверх и достичь какой-то должности в управлении Счастливым миром?

—Мы и есть—сосредоточение ума, таланта и способностей, —ответил мне мой обидчик, сверкая глазами. —Что, ума не хватает понять это?

—Мне кажется, я вас ничем не задела, —ответила я с досадой, —чтобы выслушивать от вас подобные комментарии.

—А то, что мы здесь, тебе недостаточно? —вспыхнул он. —Срываемся с места, натягивая не себя это барахло, чтобы надлежащим образом встретить тебя и поулыбаться тебе. —Он неожиданно сорвался и закричал: —Курица бестолковая! Ты что, не понимаешь? Тебя же все ненавидят! Все ждут не дождутся, чтобы с тобой что-нибудь случилось, чтобы избавиться от тебя раз и навсегда!

В зале кто-то тихо охнул. Жена Амина бросилась ко мне, но ничего не успела сказать— в дверях зала появились два огромных черных воина, сверкающие металлизированной чешуей доспехов.

—Оскорбление госпожи! —завопил один из великанов громоподобным голосом—и зал в то же мгновение опустел.

Ошеломленная, я посмотрела по сторонам—в неярком

свете плавали витые колонны, но не было ни одного живого существа.

—Не стоит так беспокоиться, госпожа моя, —раздался негромкий спокойный голос, и за моей спиной вырос мужчина.

Он был высок и хорошо сложен, в черных доспехах, напоминающих те, что носили великаны. Белые густые волосы были стянуты на затылке в хвост серебряной лентой. На его суровом лице не отражалось ни единой эмоции. Он улыбнулся, но это было еще более странно, чем его холодность—его улыбка не успокаивала, а пугала.

—Кто вы такой?

—Я —новый Распорядитель этой провинции.

—И давно?

—Великий только что меня назначил.

—А что случилось с предыдущим Распорядителем и членами его семьи?

Серые глаза уставились на меня спокойно и безмятежно.

—Вам не стоит беспокоиться об этом. Что бы вы хотели посмотреть? Я с удовольствием покажу вам.

—Ничего, —ответила я хмуро.

—Ну, что вы, здесь прекрасный сад. Сейчас цветут розовые оригоны. Прекрасные цветы, единственные в своем роде. Они произрастают только здесь. Прошу вас.

Розовые цветы напоминали земные лилии, только они достигали высотой около трех метров, а в чашечках можно бы-

ло жить небольшой семье. Они пахли так нежно и сладко, что я на какое-то время забыла обо всем, погрузившись в очарование странных цветов.

Когда я опомнилась, то поняла, что сижу на белой мраморной скамье. Молчаливый Распорядитель находился рядом. Облокотившись о высокую спинку, он закрыл глаза, погрузившись в свои мысли, вероятно, хорошие, потому что на губах у него играла мечтательная улыбка. Почувствовал мой взгляд, он открыл глаза.

—Я могу попросить у вас за Амина и его семью? —спросила я.—Чтобы их не наказывали. Молодой человек не хотел меня обидеть. Я уверена, он сказал это сгоряча.

—Госпожа моя, —отозвался Распорядитель, и в его глазах проскользнуло что-то, похожее на сочувствие. — Решения Великого никто никогда не оспаривает. Вы, вероятно, могли бы сами попросить его—с некоторых пор он вам ни в чем не отказывает. Что же касается нарушителей. —Он посмотрел в просвет между колоннами, откуда сочилась темнота. — Уже слишком поздно. Великий суров и безжалостен к нарушителям его воли.

—Почему вы сказали «с некоторых пор»? —спросила я, помолчав.

—До недавнего времени ваш отец не был так покладист с вами, —ответил он. —Но сейчас все изменилось. —Он посмотрел на меня с интересом. —Вам лучше меня известна причина.

—Почему меня так все ненавидят? —спросила я.—Из-за моей матери? Она чужая здесь?

—Ваша мать —из другого мира. —ответил он, продолжая смотреть в темноту. —Мы называем его территорией света. Она сами называют свой остров Равви-а-ру, что означает Благословенный мир.

—Моя мама из Равви-а- ру? —изумилась я.

Он повернулся и посмотрел на меня спокойно и холодно.

—Да. Ваша мама оттуда. Представьте себе бесконечное пространство, пустое и безжизненное, в котором плавают два огромных острова. Они идут разными дорогами, и эти дороги никогда—слышите, никогда! —не пересекаются. Они чужие друг другу. Их жители не понимают и не принимают друг друга. Мы не воюем, не поддерживаем контакты, не взаимодействуем. Мы живем изолированно друг от друга, и наши жизненные принципы и устои совершенно различны.

—Это пространство, оно действительно безжизненное?

—Просто черное ничто, пустота, в которой нет ни начала, ни конца. —Он помолчал. Потом добавил: —Не надо пытаться изменить устои общества, которое гораздо старше вечности, в которой вы сейчас находитесь. Наши законы и обычаи сложились задолго до того, как вы появились. Все решения Великого выполняются неукоснительно и незамедлительно. Запомните это.

Часть 7. Праздник преклонения

Шагах в десяти от берега плавал кусок дерева, на котором находился кто-то живой. Мохнатое существо опустило обросшую синим пухом человеческую руку в голубую воду, ловко схватило темную длинную рыбешку и засунуло себе в рот. Заметив меня, оно на мгновение окаменело, словно смутилось.

—Мне надо еще парочку, —произнес виновато мужской бархатный голос.

Я сидела на границе сухого и мокрого песка, терпеливо дожидаясь, пока существо закончит рыбную ловлю. Поймав еще несколько рыбок и засунув их в рот, оно, ловко маневрируя бревном, подплыло к берегу и, легко соскочив с него, подошло ко мне. Теперь я могла как следует рассмотреть его.

Это был высокий красивый парень лет двадцати пяти с ног до головы покрытый густой и длинной шелковистой синей шерстью. А, может, волосами. Только участок вокруг глаз и треугольник носогубной складки позволяли видеть бледную, почти человеческую кожу. Черты лица, уши, губы выглядели вполне по-человечески. Странно, мне совсем не мешала его растительность. Он был красив, строен и хорошо сложен, этот странный абориген неизвестного мира.

—Они никогда не подплывают к берегу, —сказал он, опускаясь на теплый песок рядом со мной и поглядывая

на розовеющий горизонт. —Приходится заходить поглубже, чтобы поймать.

—Почему ты ешь их сырыми? —спросила я.—Вы так питаетесь?

—Нет. —Он вздохнул. —Просто голодаю. Мой господин плохо кормит нас, мы постоянно хотим есть.

—А кем ты у него служишь?

—В гареме. —Он стеснительно показал мне на золотистую витую ниточку на уровне пупка. —Я не очень-то и мужчина теперь. Они перевязали мои семенники, чтобы я смог выполнять свои обязанности.

—Зачем же ты согласился?

—Меня никто и не спрашивал. —Он вдохнул. —Я красивый. Женщинам приятно видеть красивого слугу.

—Что это за место?

—Моя планета. —Он замолчал. —Скоро рассвет.

—У вас какого цвета солнце? Белое, желтое или голубое?

—Что такое солнце?

—Это звезда, которая освещает и согревает ваш мир.

—А, сомури. У нас их два. И обе желтые. Они вращаются вокруг друг друга по замкнутой спирали.

—А другие миры? Вы знаете, как все устроено?

—Разумеется. —Он обхватил руками колени совсем человеческим жестом. —Наш мир и наши сомури входят в миры нашего создателя. Наш создатель вместе с другими создателями живут в большом красивом бесконечном мире.

—Вечности?

—Наверное. Можно его так назвать. Так вот эта...

—Вечность.

—Эта вечность, мы называем ее ячейка, вместе с другими ячейками входит в состав провинции огромного мира, который мы называем Терри-аха-ра.

—Прости как?

Мне показались звука кашляющими, в их речи вообще много таких кашляющих звуков.

—Терри-аха-ра, Счастливый мир. Провинцией управляет распорядитель. —Он вздохнул. —О, это очень высокая должность. Раньше распорядители были выборной единицей, но они слишком возгордились, и Великий их всех убил. Теперь распорядителями могут быть только его сыновья, которых Великий сам создает. Или члены из семей. —Он снова вздохнул. —Нам никогда не увидеть этого прекрасного мира. Мы —низшие существа и можем только мечтать об этом.

—Но ваша планета... она же живет, развивается? У вас есть страны и города...большие поселения?

Он покачал головой.

—Это только вечность, в которой ты живешь, получила право на самостоятельность. —Он стеснительно покосился на меня. —Потому что ты дочь Великого. Остальные низшие миры заняты удовлетворением потребностей провинции. Распорядитель определяет, чем им заниматься. Мы, например, выращиваем сладкоголосых птиц. У них очень неж-

ный и звучный голос.

Я задумалась. Этот странный парень нравился мне. Он был добрый и чистый, как его море.

—Как тебя зовут? —спросила я.

—Орр, госпожа, —ответил он.

—У тебя есть семья?

—Два брата и две сестры, —ответил он. —Мы еще молоды. Не так давно отпочковались и еще не создали свои семьи.

—Он помрачнел. —Но сегодня мою сестру выдают замуж.

—Что с тобой? —спросила я.—Она не любит своего жениха?

—Он старый, —ответил Орр, опуская голову. —Берет ее в свой гарем. А она такая юная и беззащитная. —Он вскинул на меня огромные серо-голубые, полные слез глаза, и добавил с горячностью: —Она самая прекрасная девушка в нашем мире!

Я уже все решила. Потому встала с песка.

—Пойдем, —сказала я хмуро. —Сорвем эту свадьбу. —Потом посмотрела на него искоса: —Если, конечно, ты захочешь вместе со своими братьями и сестрами жить в моем дворце в Счастливом мире. И быть моим помощником.

—О, —выдохнул он. —В Соликаме, верховном городе Счастливого мира! Во дворце дочери Великого! Помощником!

Он залился слезами, вскочил, снова сел, обхватив голову руками. Потом подхватился и быстро побежал вглубь белого

континента. Я поспешила за ним.

Этот мир оказался довольно холодным при своих двух солнцах. И полностью покрытым белым песком. Город выглядел как обычный южный город Земли. Он стоял на берегу моря, со всех сторон окруженный пустыней. Высокое здание, в которое мы почти вбежали, напоминало своими разноцветными витражами и внешней отделкой восточный дворец. Судя по всему, это было помещение для проведения ритуалов. Перед маленьким сморщенным человеком, обросшим седым мехом, стояло огромное толстое лохматое существо с сине-зеленой шерстью. Оно держало за руку высокую красивую девушку. Ее белоснежной короткий пух отливал серебром. Такое же чистое серебро сияло в больших заплаканных глазах. Она была так прекрасна, что я неожиданно подумала, что отсутствие растительности на теле — это скорее недостаток, чем достоинство.

—Нет, Лун! —закричал ее брат и, рванувшись к алтарю, вырвал руку девушки из огромной лапы ее жениха.

Заполненное разноцветными фигурами здание испуганно притихло. Я молча прошла сквозь толпу синих, зеленых, голубых и серых существ, мимолетно подумав, что, вероятно, цвет пуха— это как для нас цвет волос.

—Великая! —раздался голос седого существа, и весь зал склонил головы.

Не обращая внимания на присутствующих, я подошла к девушке, все больше поражаясь ее красоте. Как стран-

но... Мы прячемся за одеждой, скрывая свои недостатки или выпячивая достоинства. Но насколько было бы приятнее и честнее не носить ее вообще. Девушке одежда была не нужна. Ее тело покрывал серебристо-белый пух, словно самая изысканная шуба. Нежные тонкие руки, пухлые губы, ласковые глаза. идеальное тело—она действительно была прекрасна.

—Ты хочешь замуж? —спросила я, не вникая в детали странной свадьбы.

—Говори, Лин, говори, — бормотал ее брат, сжимая ей руку.

—Нет, госпожа, —ответила она чистым звонким голосом. —Меня насильно принуждают.

—Значит, свадьбы не будет.

—Вы не можете лишить меня жены! —заорал несостоявшийся жених. —Я требую отступного! Я буду жаловаться Распорядителю!

—Жалуйся, —ответила я безразлично. Если у меня, как все считают, такой стервозный характер, то, вероятно, никто не удивится моей выходке. Потом повернулась к Орру. —Где твои родственники?

—Они здесь, госпожа, —вскрикнул Орт, указывая на стоящие у стены две синие и одну белую фигуры.

Я снова удивилась—в его семье женщины носили белый пух. Потом кое-что вспомнила и повернулась к седому мужчине, который вероятно, был жрецом или священником того

мира.

—Снимите с Орра то, что перевязывает его семенники.

Я сильно рисковала. В чужом мире, не зная законов и правил... Но все, что происходило здесь, под этими чужими солнцами было до боли знакомым. И это потрясло меня сильнее, чем внешность покрытых разноцветным пухом незнакомых существ. Неужели все низшие миры создаются похожими друг на друга, по одному трафарету, словно близнецы?

Толпа беспокойно загудела, но, к счастью, никто не сдвинулся с места. Я уже начала опасаться за последствия своего безрассудного поступка, когда седой мужчина в высоком головном уборе, который проводил обряд, махнул кому-то, и к Орру подскочило сине-зеленое лохматое чудовище с огромными ножницами. Я испугалась, что оно тут же начнет в нем делать дырку, но все оказалось гораздо проще—золотистую ленту просто перерезали, и она упала на пол.

—Я свободен! —закричал Опп. —Я снова мужчина! Я—помощник Великой! Мы будем жить в ее дворце! В Соликаме!

Опасаясь взрыва, я быстро открыла проход и втащила в него своих новых, так сказать, помощников, совершенно не представляя, что с ними буду делать.

Портал открылся рядом с моей спальней. Я попросила маленьких лохматых синих существ, которые тут же сбежались со всех сторон, позвать самого главного управителя дворца,

и через мгновение к нам уже спешил высокий ярко-синий управляющий. Он был другой породы, чем мои новые помощники, даже шерсть у них была разного цвета, длины и плотности. Но в целом, я подумала, что они вполне впишутся во дворец. Выслушав мою историю, он поклонился.

—Я обо всем позабочусь, госпожа моя. —сказал он тихим низким голосом. —Их устроят рядом с вашими покоями, умоют и накормят. Но им придется многому научиться, прежде чем они будут допущены до служения. —Он задумчиво покосился на испуганно жмущееся друг к другу семейство, в глазах которых страх смешивался с восторгом. —Они очень красивы. Особенно девушка с серебряными глазами. Думаю, они очень быстро найдут себе пару.

Выслушав управителя, я подошла к свои новым приятелям, еще не зная, что скажу. Я это поняла, когда заглянула в глаза Орру.

—Если вам здесь не понравится, и вы захотите вернуться домой, —заговорила я, — просто скажите.

—О, нет, что вы! —задохнулся он. —Мы даже не мечтали когда-нибудь оказаться здесь. Мы будем очень стараться.

—Госпожа, —заговорил управляющий. —Если ваши слуги вам не нужны, я бы хотел показать им их комнаты.

—Они не слуги, —возразила я, и управитель вздрогнул. —Мои помощники.

—О, госпожа, —зашептал Орт. —Я теперь выше, чем распорядитель нашей провинции.

Я рассмеялась. Это было забавно и грустно одновременно.

—Обзаводишься привязанностями? —раздался над моим ухом насмешливый голос. Обернувшись, я наткнулась на сияющие глаза Ариэля. —Это хорошо. Твои привязанности крепче любых цепей.

—Что ты здесь делаешь?

—Великий, твой отец, просил меня проследить за тем, как твой дворец украшают к празднику. —ответил он. —Кроме того, не далее, как сегодня утром в Терри-аха-Ра было объявлено, что я —его естественный преемник.

Оставив меня переваривать эту новость, он, сверкнув глазами, удалился в сопровождении управителя. Ухватив пробегающее мимо синее пушистое существо, я спросила:

—К какому праздник все готовятся?

—К празднику преклонения, госпожа моя, —ответил слугитель.

—А что это за праздник?

—День и час, когда Счастливый мир впервые лицезрел Великого и преклонил перед ним колени, —отвечал он, восторженно сияя глазами. —В былые времена Счастливым миром управляли распорядители провинций. У нас не было единого главы. Но распорядители постоянно ссорились и воевали между собой, пока дело не дошло до полномасштабной войны. Тогда Великий явил себя. Он пришел в сиянии света и пламени, и убил всех зачинщиков войны. С тех пор он правит нами, и мы счастливы. День, час и минуту его по-

явления мы все опускаемся на колени и славим Великого за
благоденствия, которые он дарит Счастливому миру.

Существо вывернулось из мои рук и улизнуло, оставив меня в задумчивости.

Преклонять колена? Я решила, что подумаю об этом потом.

Часть 8. Светлая половина

—Тебя ждут, —сказал Отец.

Я посмотрела на берег Вечного моря, но не увидела лодки.

—Я думала...

—Иди вдоль берега.

Я пошла по линии прибоя. Скоро в тихое утро, прозрачное и светлое, вплелась высокая мужская фигура в белом с золотой ниткой костюме. Мужчина неподвижно стоял, глядя на море, и обернулся на мои неслышные шаги. Он был темноволосым, с живыми черными глазами, в глубине которых светились золотистые искорки. Его суровое надменное лицо и роскошный наряд совсем не подходили для прогулки по берегу моря, о чем я ему и сказала. Усмехнувшись, он, церемонно поклонившись, предложил мне руку, и мы пошли, словно пара отдыхающих со старинных открыток.

—Я как раз собирался пригласить вас посетить мою провинцию, —отвечал он негромким мягким голосом. —Сорок седьмая, если точнее. Лучшая провинция Счастливого мира. Великий очень доволен моими трудами.

—Вы мой брат, —пробормотала я, глядя под ноги.

—В какой-то мере, —ответил он. —Вы же знаете...

—Не затрудняйте себя объяснениями, —вздохнула я.—Я помню.

—Тогда, прошу.

Он раздвинул вечность—и ввел меня в небольшой роскошный зал, украшенный картинами и цветами. Высокие потолки, расписанные зеленым и бежевым, те же приглушенные тона в ромбовидных плитках пола, неяркий золотистый свет—ничего не раздражало и не кричало в этом зале, спокойном и размытом, словно краски акварели.

—Моя семья не очень велика, —говорил спокойный голос, —у меня трое сыновей и одна дочь. Вот, прошу, моя жена Лилли.

Я с удивлением оторвала взгляд от темноволосой красивой женщины в парчовом платье, которое, вероятно, понравилось бы российской императрице, и посмотрела на Распорядителя

—Обычай нашего рода. —Он улыбнулся уголками губ. —Все женщины, выходя замуж, берут это имя. К нему добавляется имя мужа, так что мою жену зовут Лилли Тэн. Ведь женщина —это только часть мужчины, разве не так?

Я могла бы поспорить, но промолчала. Мы двинулись дальше вдоль строя родственников. Великолепные мужчины, молодые и красивые, молча склонялись, пока отец представлял их. Так же молчаливо вели себя остальные домочадцы—кажется, мое последнее фееричное посещение соседней провинции ни для кого не было секретом, потому все предпочитали благоразумно помалкивать.

—Моя дочь Лин, —представил Координатор Тен. —Она еще не замужем.

Девушка была темноволосой, как и ее отец, но какой-то необычайно светлой. Широкие дугообразные брови, высоко приподнятые у висков, придавали смуглому лицу чуть удивленное выражение. Смешливые лукавые огоньки вспыхнули в черных бархатных глазах и она, чуть присев, сказала звонким голосом:

—Потому что мне не нравятся мужчины, которых мне предлагают в мужья.

Отец вспыхнул, но промолчал.

—А какого бы мужчину ты хотела? —спросила я, с признью поглядывая на тонкую фигурку, изящную и легкую.

—Твоего, —ответила она, ничуть на смущаясь.

Я посмотрела на нее с иронией и печалью.

—Темный правитель могуч и прекрасен, —продолжала она, вздернув подбородок. —Когда он идет, мир вокруг вспыхивает и пылает. Он силен и мужествен. И нет мужчины красивее его.

—Все женщины в него влюблены, —ответила я, улыбаясь ее горячности. —Но так за чем же дело стало?

—Он любит тебя—вот за чем, —ответила она, покраснев, и все вокруг заулыбались.

—Но ведь жизнь долгая, —парировала я.—В ней все может случиться.

Девушка посмотрела на меня с интересом.

—А ты ...занимательная. —сказала она, и все вокруг снова рассмеялись.

Я повернулась с Распорядителю.

—Вы не будете против, если Лин мне все тут покажет?

—Разумеется, —кажется, он был доволен таким поворотом дел.

Девушка схватила меня за руку и быстро потащила прочь из зала. Быстрая как ветер, она пронеслась через несколько таких же роскошных помещений. Подхватив в небольшой, обшитой синим шелком, комнате, продолговатое приспособление, похожее на доску для серфинга, она вскочила не него, поставила меня рядом— и мы выскользнули в окно.

Нас тут же окружила черная бедна, глубокая и плотная, словно вода. Вокруг доски ярко сиял золотистый кокон, и мы понесись как тысячи других, таких же ярких, шаров, мимо сверкающих, окруженных золотым свечением, дворцов и зданий. Меня захватил этот странный полет. В нем было столько воздуха и свободы, что мне не хотелось останавливаться, но доска уже пошла на снижение.

Я увидела под золотистым куполом совершенно земной маленький остров, окруженный ярко-синей водой и голубым небом. Мы приземлились на покрытом белым песком пляже, где в тени роскошных пальм отдыхала небольшая компания.

Уютно устроившись на обычных деревянных шезлонгах, трое юношей и девушка загорали под ослепительным белым солнцем. Их тела ничем не отличались от человеческих, разве что более совершенными пропорциями. Ровный золотистый загар только подчеркивал легкое свечение их кожи—

они казались небожителями, юными богами, сошедшими с небес. И действительно были ими.

—Что-то ты быстро, —раздался хрипловатый баритон из-под белой широкополой шляпы. —Или она опять что-то выкинула и прием отменили?

Лин молчала, давась от смеха. Не получив ответа, юноша с ближайшего к нам шезлонга отодвинул с глаз шляпу — и увидел нас. То, что он произнес, кажется, не поддается переводу—вероятно, какое-то местное ругательство. Проробмотав его, он резко поднялся и сел. Его приятели зашевелились и тоже стали медленно подниматься. Скоро вся компания уже сгрудилась вокруг нас.

Отвесив что-то похожее на поклоны, юноши стали бесцеремонно рассматривать меня. Светловолосая и светлоглазая девушка, нежная и юная, пряталась за спинами и казалась самой стеснительной из всех.

—Позвольте мне.

Первым подошел невысокий светловолосый кудрявый парень с раскосыми темно-синими глазами.

—Это Тин, —представила его Лин, смеясь. —Его отец — Распорядитель тридцать седьмой провинции. Это очень высокий уровень. Он имеет большую власть.

—Позвольте?

Юноша протянул руку и легко сжал мою ладонь. Потом неожиданно вздрогнул и поднял на меня свои невероятные глаза.

—О, —протянул он. —Словно электрический ток. Это прикосновение бьет наповал по моему достоинству. Меня просто в жар бросило.

—Простите, —ответила я смущенно, с трудом забирая руку.

—А это Тау, —представила мне Лин очень высокого темноволосого юношу постарше, смуглого, темноглазого и очень красивого.

Он холодно поклонился и осторожно коснулся моей руки. Когда он выпрямился, что-то задрожало в его глазах, теплое, живое и настоящее. Этот свет чем-то очень смутил окружающих, словно они заглянули в потаенное, личное. Лин вспыхнула и отвернулась. Юноша продолжал держать меня за руку, но так и не произнес ни слова.

—Ну, довольно уже, Тау. Приди в себя,

Лин освободила мою руку, и юноша отступил.

—А я не стану, пожалуй, касаться вас, —произнес холодный голос, и невысокий юноша с белыми волосами, ироничный и насмешливый, легко поклонился мне. —Не хочу, знаете ли, попадать в зависимость и думать о вас бессонными ночами.

Тау вспыхнул, но ничего не сказал.

—Он самый рациональный и расчетливый среди нас, —заметил Тин, — Точно знает чего хочет и неукоснительно этого добивается.

—А вы разве не такие? —спросила я, поглядывая на де-

вушку, которую, вероятно, мне никто не собирался представлять.

—Мы? Мы не такие. Ну, почти не такие, —отозвался Тин, опускаясь на шезлонг. —Не хочешь позагорать немного с нами? —Остальные тоже стали устраиваться кто где, держа меня в пределах видимости. —Может, снимешь платье? Хочется увидеть тебя без него.

—Если я это сделаю, Темный правитель придет и убьет вас, —ответила я без тени иронии.

Они, ничуть не удивившись, молча закивали.

—Я же говорю, он невероятен, —пробормотала Лин, падая на шезлонг рядом с Тау.

Вся компания негромко рассмеялась.

—Лин его поклонница, —отозвался холодный голос с крайнего шезлонга, где улегся парень, который на захотел со мной знакомиться. —Постоянно говорит о нем. Тем более сейчас, когда Великий объявил его своим естественным приемником.

—А вы чем собираетесь заниматься в жизни? —спросила я компанию.

—А чем мы можем заниматься? —Тин заложил руки, а голову и посмотрел в небо. —Получим со временем какую-нибудь провинцию и будем важно надувать щеки, эксплуатируя ее убогих жителей.

—Я думала, провинций ограниченное число, —заметила я.—А ваши семьи очень большие.

Отказавшись от предложенного Тином шезлонга, я села на доску Лин и, погрузив руку в горячий песок, стала смотреть на розовую дымку на горизонте.

—Всегда что-то происходит, —ответил Тау. — Великий очень суров, и распорядители часто меняются. Кроме того. —Он помялся. —Раньше ты не особо церемонилась с ними,

—Говорят, ты в самом деле изменилась, —отозвалась светловолосая девушка. —Неужели человеческая жизнь так сильно отразилась на твоём характере?

Я просеяла песок сквозь пальцы и задумалась.

—Человек живет короткую и мучительную жизнь. Он должен добывать себе пищу и воду, чтобы не умереть, крышу над головой и одежду, чтобы не страдать от холода или жары. Ему необходимо бороться за место среди таких же как он. Когда приходит старость, он болеет и дряхлеет, и ему приходится мириться с тем, что жизнь подходит к концу, и он скоро умрет. Потом он умирает, его зарывают в землю, и о нем все забывают. —Я помолчала. —И все же это прекрасная жизнь, полная чувств и желаний, красоты и восторга. И еще печали и боли потерь.

—Ты так об этом говоришь, что мне самому захотелось побыть человеком, —отозвался парень с белыми волосами с ноткой легкого удивления. —Судя по всему это прекрасный опыт взросления и повод для раздумий.

—Каус у нас философ, — съязвила Лин. —Быть человеком—что может быть скучнее. Толчешься на маленькой пла-

нете, не успеешь опомниться— и уже умирать пора.

—Тебе бы только приключение найти, —вздыхнул Тау, и все вокруг рассмеялись.

—Нам пора возвращаться. — Я посмотрела на Лин. — Твой отец...

—О, да. —Она вскочила. —Нам и вправду пора.

Парни молча понялись с шезлонгов и сгрудись вокруг меня. Девушка мягко улыбнулась и спросила:

—Мы еще увидимся?

—Не знаю, —вздыхнула я.—Я не совсем свободна в своих передвижениях.

—Мы не так плохи, как тебе могло показаться на первый взгляд, —улыбнулся Тин. —Кроме того, рано ил поздно наши отцы захотят заполучить тебя к себе на прием. — Он тряхнул головой и рассмеялся. —Мы и так теперь звезды территории!

—Конечно, —съязвила Лин. —Ты же держал ее за руку. Теперь будешь светить как она.

Парень покосился на нее, но ничего не сказал.

—Ты им понравилась, —сказала Лин, когда мы, попрощавшись, полетели обратно. —Странно, им никто никогда не нравится.

—Они твои друзья?

—Мы родственники, —ответила она. —Наши отцы— братья, сыновья Великого.

—Вы поддерживаете отношения с другими провинция-

ми?

— Не особо близкие, — ответила она. — Распорядители вечно враждуют за первенство, но нам еще нечего делить. Кроме того, женщины в нашем мире всегда находятся в тени своих мужей, потому со мной они мирятся.

Мы влетели в комнату с синими стенами. Разговор прервался. Лин быстро протаскала меня в обратном направлении, и я увидела обеспокоенное лицо ее отца.

— Все в порядке, — протараторила она, выпуская мою руку.

— Пора садиться за стол.

Распорядитель держался спокойно, но в глазах плясала тревога.

— Лин показала мне много интересного, — улыбнулась я, и все успокоилось.

Меня посадили во главе стола, но я даже не успела приронуться к золоченому блюду — чья-то огромная рука убрала его и гулкий голос произнес:

— Это нельзя. Госпожа не ест живое.

Прислуживающий за столом мужчина в белом сюртуке побледнел не смотря на смуглый цвет кожи.

— Простите, — прошептал он, — Но мне никто...

— Все в порядке, — улыбнулась я человеку. — Вы не могли этого знать. И вас никто ни в чем не обвиняет.

В конце концов я получила три медузоподобных кусочка, и уже знакомая с правилами, подцепила один крючком слева,

наколочла палочкой справа и благополучно отправила в рот.

Сидящие за столом, с беспокойством наблюдая, как я справлюсь, облегченно вздохнули и занялись своими тарелками. Через какое-то время я отложила прибор и посмотрела на Распорядителя, который сидел рядом со мной.

—Простите, но мне уже давно пора, —сказала я тихо. Он отодвинул салфетку, но я осторожно взяла его за руку. — Прошу вас. Мне бы не хотелось, чтобы обед прерывался. Если это возможно, Лин проводит меня.

Девушка радостно вспыхнула, но не двинулась с места. Ее отец молча кивнул, встал из-за стола и поцеловал мне руку. Скоро мы уже шли по берегу Вечного моря.

—Как здесь красиво, —завздыхала Лин. —Женщины не так свободны в перемещениях по Счастливому миру, как мужчины. Мне редко удается побывать где-то за пределами провинции моего отца. —Оно помолчала. —Того и гляди, чтобы приструнить меня, он выдаст меня замуж за первого встречного-поперечного.

—А твоя мать? —спросила я.

—Мама умерла, —ответила она просто. —Как и твоя.

—Неужели ты...? —застыла я, пораженная догадкой.

—Полукровка, как и ты. —Она посмотрел на меня с печалью. —Меня тоже сразу потянуло к тебе.

—Твоя мать...?

—Раввианка, как и твоя. Женщины Равви-а-ру умирают, рожая дочерей. Отдают им все, что имеют. —Она остано-

лась, и, отвернувшись, стала смотреть на нежные краски рассвета, — Наши миры очень далеки друг от друга. Это даже не вражда, что-то большее. Полное неприятие. Не знаю, уж как получилось, что моя мать оказалась здесь. Террианские мужчины очень привлекательны, и женщины всегда влюбляются. Как бы то ни было, она осталась, и родилась я.

—А раввианцы знают о твоём существовании?

—Разумеется, —ответила она глухо. —Согласно договору между островами, я обязана жить там, где родилась, пока не определюсь, в каком из миров хочу остаться.

—А ты еще не решила?

—Нет. —Она убрала с лица прядь кудрявых волос, которые падали густой волной ниже пояса. —Раввианцы очень строги, у них куча правил и ограничений. Террианцы проще. Но здесь я буду замкнута в семье, рядом с мужем.

—Может быть, ты полюбишь его, и замкнутость будет тебе не в тягость. —Я подумала о молодом человек с черными волосами. —Тау...

Он вспыхнула, но ничего не ответила.

—Тебе пора возвращаться, —сказала я.

—Как ты думаешь, —спросила она робко, трогательно глядя мне в глаза, —мы смогли бы подружиться?

Часть 9. Женское счастье

Где-то рядом пела птица. Густые заросли необычных растений стояли стеной, переплетаясь ветвями и листьями. В этом мире виться было гораздо комфортнее, чем просто расти. Оранжерея тянулась на сотни метров, огибая здание — вероятно, в нее был выход из всех комнат дворца. За хрустальными стенами плавала ночь.

—Неожиданно. — Голос был женским, холодным и язвительным. — Что ты там прячешься, словно грихт?

Оторвавшись от разглядывания больших белых цветов, которые обвивали лохматый ствол дерева, я посмотрела в проход.

Невысокая молодая женщина стояла, обхватив руками большой живот, под деревом похожим на пальму. Смуглая кожа, небольшая грудь, худощавое тело—собственно, ее можно было бы принять за землянку, если бы не огромные черные глаза. Глубокие, мерцающие, насмешливые, они очень украшали неприметное лицо. Тряхнув короткими смоляными волосами, она добавила низким бархатным голосом:

—Что ты здесь забыла? Ты же никогда не общалась с нами.

—Почему?

Она хмыкнула и осторожно опустилась на низкую скамью,

обтянутую серебряной тканью. Ее короткое легкое платье приподнялось, обнажая острые колени и очень худые ноги, обутые в плетеные светлые сандалии.

—Третий сын координатора провинции—это слишком низко для тебя.

—Ты кто? —спросила я недоуменно.

—Лиллиана Фрей, жена третьего сына правителя двадцать седьмой провинции Счастливого мира, —протарахтела она, чуть приподнявшись и склонившись.

—Ты что, беременна?

—Тебя это удивляет?

В голосе прозвучала насмешка.

—Я просто не думала, что ...

—Боги размножаются? Так кажется в том мире, где ты живешь, называют высших? Да, я беременна. И живородящая. Ну, не совсем так, как на Земле. Это. —Она коснулась рукой живота. —Словно большая сумка, понимаешь? Ребенок в ней растет и выходит уже полностью сформировавшимся, способным самостоятельно ходить и говорить, с набором знаний и умений. Пока он со мной, я его всему учу.

—И сколько длится беременность?

—Два года.

Я помолчала, переваривая информацию. Это напоминало сумку кенгуру, где ребенок растет, пока не станет самостоятельным. Потом спросила:

—А остальные координаторы не так рожают детей?

—Все мы разные. Великий экспериментировал с различными вариантами воспроизводства. Живородящие только мы. Нам, как правило, тяжело подыскать пару, потому что приходится выбирать только внутри своего вида.

—Мальчик или девочка?

—Хвала Великому, мальчик! —ответила жена с гордостью. —Теперь младшие жены остальных братьев утрутся!

—Утрутся?

—У них только девочки, значит мой ребенок станет наследником Распорядителя провинции.

—Я не понимаю. Почему не один из его сыновей?

—Таковы традиции. Мы слишком долго живем. Не факт, что мой сын когда-нибудь наследует провинцию, но может стать правой рукой распорядителя.

—Твой муж, вероятно, будет рад мальчику.

—Мой муж..., —протянула женщина, и уголки губ дрогнули. —Мы не так часто с ним видимся, чтобы я могла проследить его реакцию.

—Я не понимаю.

—Женщину отдают замуж не потому, что она хочет, а потому что так требует закон, установленный Великим. По достижении возраста принятия решений она должна быть выдана замуж, и никто не интересуется, нравится ли ей ее муж.

—А как же... любовь?

—Я люблю своих детей.

—А мужа? У тебя есть какие-то чувства к мужу?

—Чувства? —Она посмотрела на меня с интересом. —Ты и правда странная. Ты всегда была необычна, но сейчас... это вообще что-то немыслимое. Какие чувства? Какая любовь? Он проводит время со своими рабынями, сейчас их у него три. Когда рабыни надоедают, он выдает их замуж за сановников пониже рангом с огромным обеспечением и находит себе новых. Но я.—Она гордо вскинула голову, и в глазах загорелся злой огонек. —Его единственная жена. И все рабыни слушаются и подчиняются мне. А теперь, когда у меня родится сын, я получу еще больше власти.

Я задумчиво посмотрела на маленькую худенькую женщину.

—Все это так странно. Неужели женщин устаивает роль... свиноматки...

—Прости кого?

—Производительницы детей. Разве у нее нет права на собственную жизнь? У вас даже имени своего нет. Как же можно так жить?

—Счастливый мир — это мужской мир, —ответила она холодно. —Здесь все решают мужчины, и у женщины нет права голоса. Мы всегда в тени своих мужей и только приставка к их имени.

—Это выглядит отвратительно.

—Все же ты действительно очень странная. —Лиллиана Фрей погладила живот. —И всегда была такой. Помнится, ты устроила целый скандал, когда распорядитель седьмой про-

винции ударил грихта.

—Кто такие грихты?

—Прислужники. Отличные управляющие для высоких домов.

—Это такие сердитые с синим пухом?

—Волосами. После того случая они теперь служат только в твоём дворце. А жаль. Они очень исполнительные и ответственные. У них всегда был порядок. Другие расы не так хороши.

Она снова зашевелилась и посмотрела на свой живот.

—Кажется, начинаются роды, — сказала она спокойно.

—Как начинаются? — Я заметалась вокруг нее. — Кого мне позвать? Какого-то доктора? Или твоего мужа?

В ее глазах мелькнуло что-то странное, жалящее и беспомощное.

—Никого не надо, — ответила она тихо. — Просто лови.

—Кого ловить?

—Ребенка.

Она легко поднялась в воздух и зависла метрах в двух от поверхности оранжереи. Вокруг нее засиял ровный золотой свет, и она совершенно скрылась в нем. Неожиданно ее живот раскрылся словно цветок и оттуда выплыл мальчик по виду лет пяти, совершенно сформировавшийся. Я думала, он закричит, но он молчал, уставившись на меня пронзительными черными глазами. Вокруг него горел все тот же золотистый свет.

—Иди ко мне, —прошептала я потрясенно и протянула руки.

Поколебавшись немного, он стал спускаться, теряя остатки света, и когда я прижала его к груди, превратился в обычного мальчика со светлой кожей и черными волосами.

Женщина облегченно вздохнула, но не спешила спускаться вниз. Она словно чего-то ждала. Через минуту в оранжерею вбежали несколько взволнованных женщин в простых серых платьях и передниках, и забрали у меня мальчика. Засияло—и рядом с ними материализовался светловолосый мужчина с глазами цвета грозового неба. Он внимательно осмотрел мальчика и сказал надменно:

—Это не мой ребенок.

—Разумеется, не твой. —ответил холодный голос сверху.

Я с удивлением уставилась на женщину. После нашего разговора ее признание показалось мне невероятным.

—И кто он? —спросил мужчина спокойно.

—Твой отец.

Я упала на лавку. У меня не было слов.

Снова засияло, и в оранжерее появился высокий очень красивый мужчина по виду лет пятидесяти в расшитом золотом белом камзоле и белой шелковой рубашке, отвороты которой украшало тонкое кружево.

—Мальчик, —пророкотал он. —Отлично. Мой наследник.

—Но отец! —возмутился светловолосый мужчина.

—Что, отец? —Распорядитель холодно посмотрел на сына. —Ты игнорировал свою жену, проводил время с рабынями. Ты не посещал ее как того требовал закон. Я выполнил предписание закона. Разве не сказано, что если муж не входит к жене, то его отец обязан сделать это за него?

Я сидела как мышка, проглатывая информацию. Похоже, этот мир еще более безумен, чем мне показалось вначале.

—И теперь он наследует за мной.

—Мой...брат?

—Сын младшей невестки, —отрезал отец. —Как того требует закон. Новый Великий распорядился сохранить его в неизменном виде.

Холодно кивнув служанкам, распорядитель вышел, ребенка понесли следом. Муж женщины, зло сверкнув глазами, растворился в сиянии света. Облегченно вздохнув, женщина стала спускаться вниз. Я не заметила в ней никаких перемен за исключением того, что живот стал плоским. Словно она и не рожала вовсе.

Опустившись рядом со мной на скамью, она задумалась.

—Не воспринимай это как общепринятую норму, —заговорила она, и впервые в ее голосе зазвучала горечь. —Судьба женщины тяжела в нашем мире. Муж всегда может избавиться от нее и ребенка. Особенно если ребенок девочка. Отослать на какую-нибудь окраину, дать маленькую вечность для пропитания, и живи там, мучайся. Теперь я мать наследника провинции, и меня никто не сможет выгнать.

Она закрыла глаза. Одинокая слезинка покати­лась по щеке. Она незаметно вытерла ее, вздернула подбородок, по­смотрела на меня гордо и холодно— и вышла из оранжереи.

Часть 10. Лунный каприз

—Раз, два, три, —неслось из света, —раз, два, три. Повнимательнее, леди. Не позорьте род Верроу.

Музыка была легкой и в то же время более медленной, чем наш вальс. Но более страстной что ли. Из голубоватых сумерек выплыл большой зал. Несколько пар вальсировали, отражаясь в зеркалах во всю стену и гладком полупрозрачном полу, похожему на лед. Совсем как на Земле.

—Подбородок, леди, держим не параллельно полу, а чуть вздернутым. Вот так. Спина! Спина прямая.

Невысокий тоненький мужчина в голубом с волнистыми седыми волосами, обрамляющими нежное лицо шестидесятилетнего ребенка, сосредоточенно хмурился, равномерно размахивая коротенькой тростью. Он периодически безжалостно бил ею по спинам юношей в белых смокингах и девушек в воздушных белых платьях.

—Что вы в него так вцепились? —сердился он. —К мужчине нужно прикасаться как к очень хрупкой вазе, которая старше вас раз в сто. Бережнее, бережнее! Едва касаясь пальчиками! И порхайте, порхайте! Что вы топаете как на параде! Легче, легче! Вы безнадёжны, леди!

Учитель девушек обреченно вздохнул и устало опустил голову.

—А мне кажется, они прекрасны, —произнесла я негром-

ко, и музыка смолкла.

Семь пар глаз уставились на меня с восторгом и ожиданием.

—О, госпожа моя! —вскликнул несчастный балетмейстер и, сорвавшись с места, тут же оказался рядом со мной. —
Прошу вас! Составьте мне пару! Покажем этим неуклюжим леди, что такое лунный вальс!

—Ну что вы, маэстро, —потупилась я.—Я не умею. Боюсь, вы будете разочарованы!

—Моя дорогая, это невозможно! —воскликнул он страстно. —Это же вальс вашей мамы! Вы рождены с этим знанием!

—Я не ...

—Сегодня ведь праздник, Лунный каприз. Великий учредил его в честь вашей мамы. Говорят, она была беременна вами и захотела во что бы то ни стало потанцевать при лунном свете. Поэтому Великий повесил в нашем небе луну. В этот день она всегда появляется. Юноши и девушки в этот праздник собираются на самой большой площади Соликама чтобы потанцевать лунный вальс. По традиции в этот день ищут свою пару или делают предложение. Прошу вас.

Он осторожно взял меня за руку.

—Просто прислушайтесь к себе, —заговорил он мягко, и бархатные карие глаза засияли. —Лунный вальс танцуют не в трехмерной, а в двенадцатимерной проекции, в нескольких реальностях сразу. Просто расслабьтесь и ничего не бойтесь.

Музыка, нежная и страстная, полилась ниоткуда, и мои ноги сами понесли меня. Мы заскользили по прозрачному полу. Пространство развернулось как цветок, раскрылось жемчужными красками, стало глубоким и бездонным. Музыка теперь звучала в моей голове. Она лилась словно река. Она была частью волшебства, белой дверью, которая открывалась в нечто очень личное, почти мистическое.

—Благодарю вас, маэстро, но дальше я сам, —произнес тихий голос, и сильные руки мягко подхватили меня.

Ариэль в белом смокинге, узких панталонах, тонкой кружевной рубашке, холодный и сдержанный, нежно сжал мои пальцы. Он танцевал иначе, легко, но в то же время властно. Если маэстро скользил словно свет, то Ариэль мчался как огненный дождь. В нем было больше страсти, желания и нежности. Более личное, глубокое, давящее сверкало в его прозрачных глазах.

Неожиданно он остановился, и музыка смолкла.

—Ну что же, —произнес он хрипло. —Кажется, мы готовы встретить Лунный каприз

С трудом переведя дыхание, я отвела глаза. Он молча сжал мою руку и повел прочь из дворца.

Мир за стенами стал другим. В чернильно-черной бездне висела огромная белая планета, раз в десять больше нашей Луны. Она заливала парящие в пустоте дворцы призрачным белым светом полнолуния. От каждого дворца к центру города тянулись лунные тоннели, по которым неторопливо

двигались фигурки в белом и серебряном. В центре города, освещенная луной, плавала большая белая площадь.

Ариэль положил мою руку на сгиб своего локтя, и мы заскользили по одной из лунных дорог. Нам вдогонку понеслась тихая музыка, незнакомая и страстная.

Мне в лицо ударил яркий холодный свет.

Сотни пар танцевали лунный вальс. Он напоминал отдельными движениями земной вальс, но содержал очень много от танго. Соединение нежности, легкости и страсти ошеломляло. Вокруг скользящих по площади пар разгоралось жемчужное сияние. Нежные краски пастели вспыхивали и гасли, осыпая танцующих сверкающими брызгами.

—Идем, — сказал Ариэль мягко и ввел меня на площадь.

Мимо нас проносились пары. Кто-то целовался. Мужчины стояли на коленях, протягивая своим девушкам кольца и драгоценные браслеты. Кто-то плакал, кто-то смеялся. Над всем этим торжественно и ярко полыхало голубое пламя лунного света.

Руки сжали мою талию, и мир растворился в прохладном зыбком сне.

—Эта музыка, — говорил Ариэль. — В ней любовь. Твой отец очень любил твою маму. — Он сжал мою руку. — Я хочу, чтобы ты всегда была со мной. Я не потеряю тебя, как он потерял ее.

—Я...

—Молчи, — палец ласково прижался к моим губам. — Не

говори ничего. Сегодня не нужны слова.

Музыка раскрылась, вспыхнула разноцветными красками. Закружились, не сдерживаемые силой притяжения, форма и размер. Пространство разворачивалось, становилось бесконечным и глубоким. Больше не связанное стенами, оно вспыхнуло и превратилось в пылающую ночь, вместившую в себя все.

—Твоя мама принесла в этот мир любовь, —шептал голос. —Я думал, что он холоден и рационален... Эти его гаремы... Десятой жене никто уже не делает предложение, стоя на коленях... Мне казалось, этот мир утонул в прагматизме и скуке. Но этот праздник... —Он прижал мою голову к своей груди и вздохнул, легко и с облегчением. —Любовь пришла и осталась. Вместе с памятью о лунном капризе женщины, породившей ее...

Комментарий к первой главе.

—Не хочу показаться грубым, но с чего ты взяла, что я хочу говорить об этом мире? Это мир Великого, твоего отца. Вернее, теперь им управляет Разрушитель, Ариэль, новый Великий, разве не так? Вот с ним и поговори об этом.

—Не хочу. Он неразговорчив, когда речь заходит о Терри-аха-Ра, Счастливом мире.

—Его можно понять. Он только принял свою должность, поэтому как любой политик и опытный управленец, присматривается, ищет друзей и врагов, лояльных и не очень, заговорщиков, пиратов и бармалеев, которые станут покушаться на его власть и его право сидеть на троне такой огромной цивилизации. Ведь она огромна так ли?

—Кажется, это самый большой остров в пылающей ночи.

—Я об этом и говорю. Цивилизация богов. Остров делится на провинции, провинции состоят из скоплений вечностей, таких как наша. Вечности состоят из вечноживущих существ. Вечноживущие существа—основа, строители. Они создают вселенные, которые являются источником пищи и энергии для всего остального мира. Эта энергия стекается в провинции, из провинций —к престолу Великого.

Просто и совершенно. И убийственно страшно.

Никогда не думал, что мы стоим в самом низу пищевой цепочки.

—Но ведь вы этого никогда не чувствовали?

—Что мы — часть чего-то настолько огромного, что даже мне трудно вообразить? Нет. И что нас доят, тоже не чувствовали. Это может означать, что плата мизерная и не влияет ни на нашу жизнедеятельность, ни на наши чувства и желания. Думаю, со временем вечность угасает именно по этой причине—энергия не циркулирует в ней, а уходит дальше, не восполняясь, постепенно все процессы затухают, и вечность умирает. Ну, я бы сказал, нижняя вечность, так будет правильнее. Верхние миры как раз процветают, создают новые сегменты, новые ячейки в своих провинциях, словно колхозные поля с кукурузой. Урожай собирается. Часть отдается суверену. Остальное делится между вассалами.

—Гадость какая.

—Все на самом деле зависит от отношения. Ты же не думаешь, что ко мне не стекается энергия из вселенных, которые я создаю? Я не дою их как дойных коров всухую, но все же какую-то толику энергии собираю. Она дает мне жизнь и рост. А как ты хотела? Энергия во мне не пополняется, сколько получил при рождении, столько и имею. Созданные вселенные—такие же поля с кукурузой, только местечкового масштаба. Так что весь процесс сдвигания энергии обретает четкую картинку и смысл.

—Когда ты говорил об отношении, ты имел в виду лояльность землепашца к своим посевам?

—Разумеется, за полями надо ухаживать, а растения лю-

бить. А как же иначе. Можно, конечно, в тупую превратить землю в безжизненное поле, не ухаживая и не удобряя ее, не поливать растения и не подкармливать их. Только результат будет соответствующим. И кому нужен такой нерадивый фермер, скажи на милость? Хозяин земли найдет кого-то более добросовестного и работающего. У хозяина ведь тоже нет другой земли, понимаешь? Остров он и есть остров.

—Кажется, мой отец, Великий, был довольно суров.

—Он был жесток, об этом все говорят. Он держал свои миры в ежовых рукавицах. Они дрожали только при одном упоминании о нем. Разумеется, это приносило результат. Идеальный порядок, идеально выверенная структура. Кстати, о структуре. Что ты знаешь о ней?

—Не очень много. Во главе провинций стоят сыновья Великого. Не рожденные, а созданные им. Распорядители управляют провинциями, и, вероятно, эта должность передается по наследству кому-то из сыновей. Женщины у них в подчиненном положении, они даже не имеют имени, пока не выйдут замуж. Всех девушек называют одинаково. При Великом есть еще какие-то структуры, но я не вникала в них.

—А следовало. Теперь островом управляет Темный правитель. И он постарается, чтобы тебе было уютно в этом мире.

—Разумеется.

—Ты немногословна, дитя мое.

—Мне не нравится думать об этом. У них очень насыщен-

ная жизнь, балы и приемы, постоянные склоки. Не хочу вникать в это.

—Бедный мой цыпленок. Ты никогда не любила шумных сборищ.

—Он старается избавить меня от необходимости бывать на них.

—А дворцы?

—Там заправляют слуги и управители. Они из другогословия, даже, вероятно, сословия разные. Но одного вида. Покрытые синей или голубой шерстью.

—Вероятно, специально выведенная порода.

—Я не удивлюсь. Они очень преданные и невероятно злые, и жестокие, если кто-то из остальных слуг им перечит. Их все боятся.

—Ну, это же дворцовые слуги, приближенная к престолу раса. А воины?

—Воины... О, это что-то! Их называют рыцарями черного рассвета. Боги, помешанные на войне. Они поклоняются черному солнцу. Они невероятно могучи и сильны. У них есть семьи и дети. Мальчиков всегда призывают на службу черному солнцу. Что бывает с девочками, я не знаю. Но кажется, их с удовольствием принимают в другие семьи, потому что рыцари черного рассвета — элита этого мира.

—Я слышал, что Темный правитель сумел подчинить их себе.

—Да. Теперь он снова носит черное со знаками этих войск

—черное солнце в золотом треугольнике. Странно, я даже не думала, что замечала столько мелочей.

—Ну, ты мне рассказала сегодня больше, чем я тебе. С тех пор как твои родители умерли, ты теперь снова осталась одна на попечении Разрушителя.

—По их законам я еще не вступила в возраст принятия решений.

—То есть еще маленькая для того, чтобы он мог жениться на тебе.

—Да.

—Он терпелив. Кроме того, у тебя теперь за спиной стоят слуги идеала. Кажется, мы скоро вступим в темные времена.

—Есть еще Равви-а-ру.

—Благословенный мир? Что будет дальше, понятно даже простофиле.

Война.

Глава вторая. Благословенный мир

Часть 1. Радужный мост

—Руку! Давай руку!

Голос пытался перекричать грохот бури и шум дождя. Я барахталась в серых волнах, рискуя каждое мгновение не выплыть. Шторм разошелся не на шутку.

Что я здесь делаю?

Я ухватила за руку как за соломинку, и через минуту лежала, словно дохлая рыба, на палубе. Судно выглядело небольшим, но крепким. Но даже ему трудно было балансировать между взбесившимся небом и морем. Вечное море..., да они сошли с ума!

Не знаю, кто из нас смотрел с большим негодованием— я на пятерых здоровяков в дождевиках или они на меня. Дождь хлестал как ненормальный, но мне было уже все равно— на мне давно не осталось сухой нитки.

—Ты рехнулась! —заорал один из мужчин. —Что ты здесь делаешь?

—Это вы рехнулись! —прокричала я. —Что вы забыли в Вечном море?

Возмущенный мужчина резко дернул меня и поднял на ноги. Протащив по палубе, он бросил меня под небольшой

навес, который не защищал от холода, но хотя бы немного —от дождя. Здесь было немного суше и тише. Вглядевшись в сверкающие глаза цвета меди, я поразила еще больше.

—Юные Вечные!

Они рассмеялись, показывая белоснежные зубы.

—Здорово, правда?!—отозвался темноволосый вечный.

—Отличное приключение!

—Что вы здесь делаете?

Гром тарарахнул так громко, что у меня заложило уши, потому я не услышала, а почувствовала ответ.

—Ищем потерянную надежду. Дорогу в Равви-а-Ру, прекрасную страну, где текут реки меда, а на деревьях растут сдобные булки.

Они снова заливисто рассмеялись.

—Туда нет дороги. Эта страна закрыта для посещения.

—Мы знаем.

—Как вы собирались искать ее? Она лежит нигде и никогда.

—Говорят, Вечное море может выбросить на ее берега.

Я опустилась на деревянную палубу и посмотрела на них с удивлением.

—Это очень опасно. Вы рискуете не вернуться обратно.

Они не жалуют непрошенных гостей.

—Тебе лучше знать, —отозвался один из парней. —Это ведь твой мир.

—Я люблю этот мир, —ответила я. —Но он не мой.

—Разве они не приняли тебя в свою семью? Так все говорят.

Я промолчала. Потом сказала:

—Да, это так. Но это было очень тяжело. Испытания слишком трудные и не всем под силу. Вы можете умереть.

—За мечту стоить умереть, —ответил светловолосый и светлоглазый Вечный.

Тяжело вздохнув, я встала с палубы и вышла в дождь. Я знала дорогу, они нет. Я знала, что никто их них может не вернуться, они это тоже знали. Все было честно.

Я подняла голову к небу и позвала.

Дождь прекратился в то же мгновение. Над ясной чистой водой пролег радужный мост. Прекрасный белый город с крышами, покрытыми радугой, возник в пустоте, словно мираж. Он переливался в волнах голубого и белого света, словно драгоценный камень. Вечные высыпали на палубу, сбрасывая дождевики, и замерли, очарованные.

Радуга спустилась с неба, превратившись в дорогу. На ней возникла белая точка. Она стала медленно приближаться, превращаясь в высокого седого старика в ослепительно белых одеждах. Он не сошел с радуги, а остановился шагах в пяти от перил.

В полном молчании я шагнула на радугу.

—Здравствуй, —сказал он приветливо, обнимая меня. —Рады снова видеть тебя. Давно к нам не заглядывала.

—Прости, —ответила я виновато. —Ты же знаешь...

—Знаю. Ты можешь войти, они —нет.

—Это юные Вечные. Они ищут потерянный смысл. И потерянную надежду.

—Смысл искать бесполезно, —ответчал старик. —Его не существует. Надежду—может быть. Разве в вечности она исчезла?

—А вы не знаете?

Он пожал плечами.

—Нас мало интересует эта вечность. Как и другие вечности. Мы живем вне вечности, вне времени, вне всего. Равви-а-Ру—совершенный образец, созданный жизнью. Каждый из нас может создать вечность, если захочет. Мы ищем совершенства во всем, что встречаем, и нас мало интересует вечные существа, которые что-то там потеряли.

—Один из них сказал, что ему не жалко отдать жизнь за мечту, —отозвалась я.

Старик поднял на меня мерцающие глаза и на мгновение погрузился в меня словно рентген.

—Ну, хорошо, —произнес он, наконец.

Немного отодвинувшись от меня, он обратился к Вечным.

—Вы проделали трудный путь, чтобы увидеть Равви-а-Ру, —сказал он холодно. —И вы увидели его. Он не мираж, не легенда. Он действительно существует. Чего вы хотите?

—Войти в твою страну, —ответил Вечный, который выглядел старше остальных. —Познать ее. Вернуть надежду и смысл жизни, который мы потеряли.

—Глупо искать то, чего не существует, —ответил старик надменно. —Единственный смысл живого существа— в том, чтобы жить. Если вы только за этим проделали свой путь, то вы старались напрасно.

—Мы ищем мечту, —сказал тихо светловолосый юноша. —То, что дает способность летать, делает счастливым. То прекрасное, что исчезло из нашего мира или растоптано им.

Старик внимательно посмотрел на него и продолжил:

—Вы можете войти. Но прежде, чем это сделать, подумайте. Испытания, которые вам предстоят, очень тяжелые. Тот, кто их не выдерживает, оказывается в пустоте и гибнет в ней безвозвратно. Если вы вступите на дорогу из радуги, вы не сможете передумать и вернуться обратно.

Вечные переглянулись. Двое из них отступили и обратились к своим товарищам:

—Мы остаемся. Подождем вас здесь.

Остальные трое—мужчина постарше и двое юношей, черноволосый и светловолосый —легко вскочили на радугу. Дорога взмыла вверх. Через мгновение море и кораблик растаяли, и все вокруг залил радужный свет.

Мы все оказались в небольшой прямоугольной комнате, совершенно пустой. За большими полукруглыми окнами сияла волшебная страна, сказочный мир моих снов, место, о котором я плачу, за которым скучаю, куда мечтаю вернуться хотя бы на мгновение. Мне сдавило грудь, и я, сдерживая слезы, посмотрела на претендентов, желающих стать ее жи-

телями. Они достигли в своем мире всего, чего только можно желать. Какая тоска, жажда, какое отчаяние заставили их бросить все и отправиться на поиски мира, который существует только в легендах вечности?

Дверь открылась, и в комнату вошла молодая девушка. Она была так прекрасна, что мужчины невольно вздрогнули и уставились на нее во все глаза. Легко ступая, она расстелила перед ними длинное белое полотно.

—Если вы считаете себя достойными жить в нашей стране, чувствуете, что можете принести ей пользу, новые знания, новую мечту, —сказал старик, —встаньте на плотно.

Мужчины колебались всего мгновение. Затем мужчина постарше и черноволосый шагнули на плотно. Светловолосый юноша, опустив голову, остался стоять неподвижно. Мне стало жаль его. Он нравился мне больше всех.

То, что произошло дальше, стало для меня неожиданно. Полотно замерцало—и стоящие на нем исчезли. Девушка неторопливо свернула ткань— и вышла из комнаты.

—Ну, что же, парень, —обратился старик к светловолосому юноше. —Ты можешь остаться.

Юный Вечный поднял глаза и посмотрел на него с удивлением.

—Неуверенность в себе и своих силах—обязательное качество творца, —продолжал старик. —Нас не интересуют самоуверенные гордецы, которые все о себе знают и ни в чем не сомневаются. Творец должен сомневаться всегда, только

так он застрахован от ошибки. Если ты готов, то можем начинать. Испытания тяжелые, нет никакой гарантии, что ты выдержишь их.

—Где мои братья? —спросил Вечный.

—В пустоте, —ответил старик сурово.

—Я готов рискнуть, —сказал юноша тихо.

Старик кивнул. В комнату вошли две высоких отливающих серебром фигуры и увели Вечного.

—Ну, что же. —Вся суровость сползла с лица старика как ненужная одежда, —Ступай, поздоровайся. Драконы уже всю траву истоптали, тебя дожидаясь.

Он тепло улыбнулся и ласково потрепал меня по голове. Я рванулась к двери, уже ничего не соображая от радости—и упала в сверкающий радужный мир. Где все счастливы. Где нет боли. Где рассвет и закат одинаково радостны. Я плакала и не замечая этого. Слезы—только награда этому миру. Слезы счастья. Ими полны реки и моря. Они падают как дождь. Они — его основа.

—Старейшины думают, что ты можешь написать о Равви-а-Ру в своей книге, —сказал старик, когда я немного успокоилась.

—Я не могу. Не хочу, —ответила я. —Равви-а-Ру только мой мир. Он часть меня и принадлежит мне одной. Я никого никогда не пущу в него.

— Слова сами сложатся, —ответил старик. —Не все еще кончено.

Часть 2. Голубая долина

Меня окружили девичьи лица. И вода, прозрачная, темно-синяя. Девушки, весело смеясь, стали снимать с меня одежду. Я не сопротивлялась—она все равно давно была мокрая. Юные, очень красивые, с серебристыми глазами и русыми, с серебряным отливом, длинными волосами, они напоминали русалок. Но с ногами у них было все в порядке—весело взбивая воду, они стали окунать меня в озеро.

Потом что-то произошло. Они перестали смеяться и замолчали—вокруг меня по воде расползались черные и темно-красные пятна.

—Бедняжка, —шептали они. —Сколько боли. Тебе надо к матушке.

Они увлекли меня к темно-синему водовороту, который раскручивался в центре озера. Я только мельком успела заметить, что его окружают высокие серые скалы, словно оправа для драгоценного сапфира. Не успела я вдохнуть пахнувший ландышами воздух, как уже летела куда-то с бешеной скоростью. Темнота поглотила меня—и я потеряла сознание.

Я очнулась в высокой темной пещере. Черные необработанные стены подходили почти вплотную к непрозрачной темной воде. Пройдя по каменному карнизу, я оказалась на небольшой площадке, напоминающей купальню. Несколько ступенек вели вниз, к воде, а у дальней стены на невысоком

каменном возвышении кто-то сидел.

—Давно ты не была у нас, дитя мое. —Мелодичный женский голос прозвенел словно звоночек. —Подойди.

—Матушка. —Осторожно ступая, я подошла к высокой, с гордой осанкой, женщине в длинной золотистой накидке. —Я помню это место.

—Ты здесь проходила обряд посвящения. —На меня взглянули огромные золотые глаза. —Конечно, ты помнишь. Иначе как бы ты попала сюда. Ступай в воду.

Я без возражений вошла в темную густую воду. Что-то тяжелое, давящее, стало рваться из меня наружу, и я закричала, сначала отчаянно и громко, потом тихо и жалобно. Наконец, лопнула какая-то струна, и все, что болело, вышло из меня. Темная вода беззвучно поглотила мою боль.

—Теперь ты чиста, —сказала женщина. —Но чужая темная любовь тяготит тебя. Это требует рассмотрения. Ничто не должно мешать тебе расти. Придется нам вмешаться и приструнить Темного правителя.

—Но я...

—Иди ко мне, дитя мое.

Я вышла из воды и остановилась недалеко от ступеней, ожидая, что потоки воды станут стекать с меня—но увидела, что совершенно сухая.

—Ты помнишь где находишься? —спросила она.

—Чувствую. Это Равви-а -Ру. Мне кажется, это пещера.

Они кивнула.

—Это место закрыто для всех. Здесь находится Голубая долина, сердце раввианцев.

—Она поднялась с каменного ложа, и золотые волосы облаком взметнулись вокруг гордой головы. Она казалась намного старше девушек, но я не заметила ни увядшей кожи, ни морщинок вокруг глаз. Я ощущала ее зрелость и возраст как нечто необходимое, закономерное и важное. За ними стояли опыт и мудрость, рядом с которыми я чувствовала себя ребенком. Какое-то время она молча рассматривала меня, без напряжения или любопытства. Она искала что-то, ей одной известное. И, вероятно, нашла, потому что сказала:

—Иди за мной.

Шурша золочеными одеждами, она скрылась в темном проеме, ведущем в глубину пещеры. Чувствуя свою обнаженность, я, немного смущаясь, последовала за ней. Мы прошли сквозь огромную, залитую бледным голубым светом, пещеру, в которой росли хрустальные цветы, и она открыла небольшую темную дверь в стене.

Меня залил спящий белый свет, и я моментально ослепла.

—Поставь ее на алтарь, —сказал тихий голос, —и оставь нас.

Женщина взяла меня за руку, помогла подняться на невысокой овальный белый камень и исчезла. Я молча стояла, не чувствуя ничего, кроме давящего белого света, который ложился на плечи неподъемным грузом. Потом услышала ти-

хое шуршание. Большое тяжелое тело ползало вокруг камня.

—В Голубую долину нет дороги, —зашелестел голос, и мягкие тонкие паутинки стали опутывать меня. —Каждый находит ее сам.

—Не опутывай меня. — попросила я беспомощно и тихо. —Если я превращусь в кокон, как же я вернусь домой.

Я уже не могла пошевелить ни руками, ни ногами. Из света показалась голова громадной белой гусеницы, ярко-зеленые глаза уставились мне в лицо.

—Конечно, ты не вернешься домой, —прошептала гусеница. —По крайней мере, такой, как сейчас.

И моя голова скрылась под белыми нитями.

Теперь свет стал мягким и бледно-голубым. Сначала ничего не происходило. Потом я почувствовала, как плавлюсь, растекаюсь словно воск— и увидела голубые облака.

Я стояла среди голубого рассвета, нежного словно акварель. Краски, размытые и неяркие, создавали ощущение сна или миража. Темно-синяя трава и голубые цветы, похожие на колокольчики, плавали в этой голубизне. Я ничего больше не видела, да мне ничего и не нужно было.

Что-то дрогнуло внутри —и лопнуло, словно большой воздушный шар. Я почувствовала, как с меня сползает мое тело, словно лягушачья шкурка—и ощутила такую свободу, что рассмеялась, поднялась в воздух и вспыхнула. Из меня рванулся яркий синий свет. Я была солнцем. Я сияла. Я пела. Я жила.

Не знаю, сколько это продолжалось. Когда я пришла в себя, то увидела, что стою рядом с белым камнем в залитой светом комнате. Рядом лежал белый кокон. То, что находилось внутри него, когда-то было мной. Теперь оно сжималось и морщилось словно шагреневая кожа.

—Девочка пробудилась, —сказал голос женщины. —Радость-то какая! Нужно срочно рассказать всем.

Часть 3. Цветочная поляна

Розовые лепестки танцевали и кружились. Из них складывались руки, женское лицо и бледно-розовое платье.

—Ты красивая, —сказала я розовой метели.

—Ты красивее. — Женщина улыбнулась, тряхнув белоснежными кудрями, и протянула мне узкую ладонь, обдав тонким розовым ароматом. —Пойдем со мной.

Я потянулась к ее руке, но замерла в миллиметре от изящных пальцев, так и не коснувшись—мне почудились темнота и холод. Неосознанно я убрала руку. Лепестки стали темнеть, поднялся серый холодный ветер, и я, отшатнувшись, осталась стоять на месте.

—Ладно, —вмешался мужской нахальный голос. —Попробуем по-другому.

Их серых лепестков вынырнул клоун в рыжем парике и серебристом комбинезоне. Скривив ярко-красный рот, он рванулся ко мне, но наткнулся на невидимую стену. Больно ударившись, он завопил противным скрипучим голосом:

—Ах, вот ты как! Ну, ладно!

Вытащив откуда-то из-за спины огромную, раз в десять больше его самого, дрель, он стал сверлить ею стену, рассыпая вокруг веер огненных искр.

Я села на пол в голубой дымке и молча стала наблюдать, как он скачет со своим несуразным инструментом. Забросив

дрель, он схватил огромный молоток и стал лупить им по стене с таким грохотом, что лепестки на женщине, которая стояла у него за спиной, осыпались и взлетали от каждого удара. Поскольку молоток тоже не помог, клоун, гримасничая и кривляясь, подошел к стене и стал биться о нее, словно живой таран.

Мне стало страшно, очень страшно. Но я продолжала молчать, не предпринимая никаких попыток убежать—это бесполезно, все равно найдет, лучше уже решить сейчас. Навсегда. Нахмурившись, я поднялась на ноги и встала в шаге от безумного кривляющегося существа.

—Что тебе надо? —прошипела я.

—Чтобы ты смотрела, куда идешь! —заорал он. —Какого черта ты тянешь руки, куда попало?! Неужели нельзя сначала подумать и прочувствовать того, кто зовет тебя за собой?!

—Но я же не пошла за ней. —Ошеломленная, я уставилась в выпученные глаза. —Я же остановилась.

—В самый последний момент! —заорал он. —Она могла схватить тебя, если бы захотела!

—Ну, довольно уже, Томми, —сказала спокойно женщина, и, совершенно обалдев, я вытаращилась на нее.

Она постояла среди танцующих розовых лепестков, сияющая и прекрасная, с улыбкой на лице, потом повернулась и неторопливо пошла вглубь переливающегося всеми красками летнего утра.

—Ты думаешь, я ее достаточно напугал? —спросил клоун

озабоченно.

—Вполне достаточно, —ответила женщина, не оборачиваясь.

Клоун уставился на меня и спросил:

—Ты тоже так думаешь?

—Еще бы, —ответила я.—Испугалась на всю оставшуюся жизнь.

—Правда? —обрадовался клоун. —Не будешь тянуть руки к чему попало?

—Теперь точно не буду, —вдохнула я.

—Ну, хорошо, тогда входи.

Стена между нами растаяла. Воздух волшебного мира, теплый и сладкий, ударил мне в грудь, и мое сердце защемило от восторга и счастья.

—Равви-а-Ру! —позвала я негромко, надеясь и не веря.

Страна вдохнула—и впустила меня. Я ступила на зеленую траву как на мраморный пол великолепного дворца. Две фигурки уже давно растаяли в розово-голубой дымке, плавающей между темными деревьями. Передо мной был только зеленый луг, полный высокой травы и разноцветных диких цветов. Пройдя немного вперед, я опустилась на землю и, подставив лицо теплему ветру и золотому свету, закрыла глаза.

—Ты выглядишь очень усталой, —сказал низкий мягкий голос. —Открыв глаза, я увидела сиреневый цветок, похожий на лилию. Он рос у небольшого круглого камня. —И

бледной.

Головка склонилась, и я увидела на одном из лепестков прозрачную каплю.

—Это тебе.

Капля упала мне в ладонь. Я уже собралась выпить ее, но вспомнив жестокую, но действенную, шутку клоуна, остановилась на полпути.

—Я не могу, прости.

—Давай я возьму, —раздался голос у меня над головой, и капля переключилась в небольшой хрустальный флакон, который держал в руке высокий седой старик с длинной белой бородой.

—Это не для тебя, Николас, —возразил цветок. —Это для девочки. Она нуждается в поддержке и заботе, а не ты. Видишь, какая она бледная.

—Я напою ее позднее, —отозвался старик.

—Нет, —настаивал цветок. —Верни ей.

—Как скажешь.

Флакон перевернулся, и мне в ладонь упала капля. Больше не раздумывая я проглотила ее. Душистый сладкий нектар прожег мне внутренности.

—Ну как ты? —спросил цветок.

—Горько и сладко, —ответила я хрипло.

—Это хорошо, —закивал цветок. Потом спросил: —Тебе нравится этот луг? Достаточно солнечный?

—Он прекрасен, —ответила я. —В вашей стране много

замечательных мест. Жаль, что ты не можешь их увидеть.

—Почему ты так думаешь?

—Ты ведь цветок, растешь всегда в одном месте.

—Глупости, —возразил цветок. — Я могу перейти куда мне нравится. Видишь? —Из-за камня показались маленькие корешки, которые, словно паучьи лапки, легко перенесли цветок ближе ко мне. —Просто мне не хочется уходить отсюда.

—Почему?

—Понимаешь. —Цветок смущенно замолчал. —Тут у меня зазноба. Она мне очень нравится. Вон там, видишь?

Головка повернулась в сторону белого цветка, похожего на розу, который рос в густой траве шагах в десяти от нас.

—Почему же ты не подойдешь к ней и не поговоришь?

—Стесняюсь, —ответил цветок тихо. —А вдруг я ей не понравлюсь? Я этого не переживу.

—Давай я попробую, —предложила я и встала с земли.

Старик все это время молча наблюдал за нашим разговором, не вмешиваясь. Он оказался довольно высоким и статным, с суровым красивым лицом. Белые волосы и широкие белые одежды развивались на ветру, но ветер не обижал цветы—он носился по верхушкам деревьев и выше уровня травы. Покосившись на старика, я подошла к белой розе и опустилась рядом с ней.

—Здравствуйте, —сказала я.

—Здравствуйте, —ответила роза тихим нежным голосом.

—Моему другу вы очень нравитесь, —продолжала я несмело. —Но он стеснительный и не может подойти к вам сам. Мне бы хотелось узнать, как вы отнесетесь к возможности немного поговорить с ним.

—А кто ваш друг? —спросила роза.

—Вон тот прекрасный сиреневый цветок, —ответила я, указывая на поникшую головку.

Роза вздохнула, и ее белоснежные лепестки порозовели от смущения.

—Ваш друг может подойти, —сказала она ласково и покраснела еще больше.

Обрадованная, я побежала обратно. Мой приятель тут же выпустил свои корни-ножки, но я подумала, что он будет довольно долго добираться.

—Можно я помогу? —спросила я и, получив согласие, подставила ладонь.

Сиреневый цветок взобрался на нее, уцепившись своими ножками за мои пальцы. Несколько шагов—и он уже устраивался рядом с белой розой.

Как зачарованная, я наблюдала за разливающимся по обеим цветкам румянцем. Потом они застенчиво склонились навстречу друг другу, и я подумала, что не видела ничего более прекрасного. Вздохнув, я тихо ушла.

Старик ждал меня там, где я его оставила.

—Не хочешь прогуляться в город? —спросил он.

—Нет, не сегодня, —ответила я. —Если ты не против, мы

можем просто посидеть под теми деревьями. —Я указала на границу, за которой начинались деревья.

Николас согласно кивнул. Мы прошли чуть дальше в лес и остановились у пенистой быстрой реки с темной водой. Старик опустил ся под деревом недалеко от берега.

—Сними свою одежду и ступай в реку, —сказал он.

—Но она такая быстрая.

—Река не обидит тебя.

Действительно, едва мои босые ноги коснулись мокрых камней, часть реки успокоилась, превратившись в стоячий пруд. Я вошла в прохладную воду—и она утянула меня на дно. Совершенно не удивившись, я долго лежала на дне, наблюдая как из меня выходит черное, серое и красное. Наконец, вычистив меня до самой глубины, река вытолкнула меня на берег.

—Тебе необходимо периодически очищать себя, —заговорил старик. —Ничего страшного, но верхние оболочки загрязняются от соприкосновения с различными существами. —Он помолчал. —Один Темный правитель чего стоит.

—Он меня любит.

—Разумеется, и болезненной любовью. Но еще ревнует. И часто сердится по пустякам.

Я вздохнула, устраиваясь рядом с ним.

—Мы хотим многому научить тебя, —продолжал старик. —Многое рассказать. Томми кажется нам самой подходящей кандидатурой. Он молод и порывист. И несколько экс-

травагантен.

—Беспредельщик, —пробормотала я.

—Есть немного, —отозвался старик. —Но его методы действенны и всегда дают ожидаемый результат.

—Это точно. —Я вздохнула. — Запомню на всю жизнь. —Немного помолчав, я спросила испуганно: —Мне что, снова придется проходить посвящение? Ваши законы и методы очень суровы, не уверена, что выдержу.

—Ты его уже прошла. Разве ты забыла?

—Нет, —содрогнулась я.—Я помню.

Старик неторопливо поднялся.

—Тебе нужно возвращаться, —сказал он.

—Но я...

—Ступай. Пора отдохнуть.

Часть 4. Пылающая ночь

—Простите, —сказал тихий голос, —можно мне пройти здесь?

Я сидела посреди луга, поросшего разнотравьем. Сиреневые, желтые и розовые цветы переплетались с колосками высокой травы почти над моей головой. Стойкий аромат меда и легкой горечи смешивался с запахами нагретой земли и далекой воды. Полуденное марево, золотое, а не белое, размывало картину, делало ее дрожащей и зыбкой. Очнувшись от своих мыслей, я посмотрела по сторонам в поисках владельца голоса, но никого не увидела, кроме муравья, забравшегося на мою ногу. Муравей поднял голову и добавил:

—Это самая коротая дорога.

—Простите? —удивилась я, —Я что, сижу на вашей дороге к муравейнику? Я сейчас уйду.

—О, нет, —вздыхнул муравей. —Я ищу не дорогу к муравейнику.

—А что?

—Смысл жизни.

—Разве смысл вашей жизни не в обеспечении муравейника всем необходимым, чтобы он процветал? —спросила я, наблюдая как муравей миновал мою ногу и теперь направлялся к большому белому камню.

Неторопливо перебираясь с камешка на камешек, он взо-

брался на верхушку камня и, облегченно вздохнув, ответил:

—Ах, нет. Я тут подумал... Каждый день одно и то же, одно и то же... И так что, всю жизнь?

—А чего же вы хотите?

Я посмотрела на него с интересом.

—Увидеть мир, понять как он устроен. Ведь муравейник и кусочек луга —это не весь мир, разве не так? За ним есть еще много интересного. Я чувствую, этот мир гораздо больше, чем я себе представлял.

—Да, он большой и прекрасный, —отвечала я.—В нем много разнообразных существ. Но они гораздо больше и сильнее, и могут убить вас одним только движением.

—Но разве найти смысл и понять его —это не стоит жизни? —спросил муравей. —Я готов отдать ее за это мгновение.

Пораженная, я замолчала. Потом спросила:

—А как вы собираетесь путешествовать? Я могла бы отнести вас, если хотите, за пределы луга.

—Ах, нет, благодарю вас, —отозвался муравей. —Я бы хотел попросить бабочку. Но она так недолго живет, что мои усилия будут растрачены впустую. Поэтому я договорился с птицей. А вот и она.

Маленькая ярко-голубая птичка с живыми глазками и красными лапками опустилась на камень.

—Ну что, —спросила птичка муравья. —Ты готов?

—Да, —обрадовался муравей.

Я с восхищением наблюдала, как муравей надел на лапку птичке что-то наподобие маленькой авоськи, сплетенной из травинки, и забрался внутрь. Уцепившись лапками за небольшие ячейки, он замер. Я буквально чувствовала его восторг. Я восхищалась им. И боялась за него. Такой маленький. Такой отчаянный. Такой прекрасный. Птичка чирикнула—и унеслась в небо.

—Ну вот, даже муравей умней тебя, —сказал голос над моей головой, и я увидела старика, с которым встречалась накануне. —Ищет смысл жизни, пока ты тут рассиживаешься в траве.

—И что, по-твоему, я должна делать? —спросила я довольно резко.

—Для начала подняться, —ответил Николас. —Я думаю, в твоём случае нужен гнедой конь.

Он кивнул в сторону поднимающегося на западе леса, куда вела белая проселочная дорога. На дороге, нетерпеливо перебирая стройными ногами, стоял невероятной красоты конь. Кожа цвета меди переливалась в лучах полуденного солнца, а хвост и грива горели рыжим и золотым. Я встала с земли и, отряхнувшись, подошла к нему. Старик последовал за мной.

—И куда, по-твоему, я должна отправиться? —спросила я Николаса, всматриваясь в теплые бархатные глаза своего транспортного средства.

—В запретный лес, разумеется, —ответил он.

—Почему он запретный?

—Потому что туда никто не ходит. Конь—самый подходящий способ добраться туда.

Раздосадованная, я погладила спину, никогда не знавшую седла, и через мгновение уже неслась в сторону высоких деревьев, стоящих стеной на западе. Белый песок дороги скоро сменился камнем, и копыта застучали по вполне приличному покрытию. Но это продолжалось недолго—дорога исчезла, едва мы углубились в лес. Мне он показался совершенно обычным. Свет сочился сквозь густые кроны. Внизу было сумрачно и тихо. Конь осторожно шагал по мягкому шару из травы и листьев.

Неожиданно на меня навалилась такая тоска, что хоть вешайся. Она придавила меня, словно стопудовая гиря.

—Напрасно ты, — сказала я неизвестно кому. —Тоска—мое обычное состояние. Я с ней так давно живу, что меня ею не проймешь.

Тогда из моей памяти стали всплывать и мучать картинки моих поражений и нелицеприятных дел.

—Вина и раскаяние, — покраснела я.—Некрасиво с твоей стороны. Но с ними я и не расставалась. Я все это и без тебя переживаю и помню. Если хочешь чем-то пронять меня, то возьми вот это.

Я бросила в чашу свои воспоминания. Мама и папа. Мандарины под елкой. Нежные любящие глаза. Сильные руки, обнимающие меня. Проглотив горький комок в горле, я ска-

зала:

—Те, кого я потеряла. Это бьет наповал.

—Я не могу победить любовь, —отозвался негромкий мягкий голос. —Ее ничто не способно победить. —Голос вздохнул: —Входи.

Деревья расступились. Мы въехали на залитую солнечным светом поляну, посреди которой стоял высокий долговязый человек в темно-сером сюртуке и шляпе. Соскочив на землю, я взяла коня под уздцы, и мы зашагали вглубь леса. Какое-то время мы шли молча, и это не мешало мне—я слушала тишину и наслаждалась неслышным дыханием леса и покоем, царившим среди огромных корней. Я заговорила первой:

—Почему этот лес никто не посещает?

—Потому что я этого не хочу. Посетители мешают мне сосредоточиться.

—А чем ты занят?

—Я думаю о смысле жизни.

—Как интересно, —отозвалась я задумчиво. —Я встретила муравья. Он сказал, что ему надоело каждый день делать одно и то же. Что он хочет понять, как устроен мир, увидеть, как он велик и прекрасен. И готов жизнь отдать за мгновение прозрения.

Мой странный знакомый резко остановился и уставился на меня подернутыми дымкой темно-серыми глазами.

—В самом деле? Он говорил с тобой?

—Да, он улетел верхом на птице, —ответила я, и почему-то мне стало грустно. —Кажется, он умнее меня. По крайней мере, у него есть мечта. А я свою потеряла.

—Нельзя жить без мечты, —сказал незнакомец. —Человек без мечты превращается в животное. А вечноживущее существо становится обузой для мира, в котором живет. Разве тебя больше не интересует твоя дорога, та, по которой ты идешь?

—Я иду по ней, —ответила я.—Но в том нет радости. Только усталость.

—Понимаю, —отвечал он. —Это нелегкая ноша. Но тебе ведь все равно придется нести ее.

—Разумеется. Но от этого не прибавляется радости.

Он ничего не ответил. Просто потянул меня вперед. Я сделала шаг—и оказалась совсем в другом мире. Он состоял из высоких гор, покрытых лесом, белых облаков и ярко-синего неба. В нескольких шагах от нас плескалось большое озеро с серой водой, в которое с шумом падал небольшой водопад. Вода казалась слишком тяжелой и почти не давала брызг—озеро молча вбирало ее в себя. На берегу, покрытому белым пеком и мелкими камнями, развалившись, лежал огромный дракон. Он был красив и соразмерен—иссиня-черная кожа переливалась под лучами невидимого солнца, бугрились мышцы, красиво очерченные лапы с остро заточенными когтями расслаблено просеивали песок. Почувствовав наше приближение, дракон поднял голову и на нас

установились малахитовые глаза.

—Здорово, приятель, —сказал мой странный спутник.

—И тебе на болеть, —ответил дракон, не сводя с меня глаз. —Что она здесь делает?

—Представляешь, она повстречала муравья, который ищет смысл жизни, —продолжал мой мужчина, не отвечая. —Он улетел верхом на птице.

—Да ну? —восхитился дракон. —Вот это здорово! —Он легко подхватился с песка и уселся на хвост, возвышаясь над нами метров на пять. —Я тоже здесь не скучаю.

Он вскочил и понесся в сторону большого сада, начинающегося за линией прибрежного песка. Мой приятель кивнул мне, и я, оставив коня на берегу, пошла следом.

—Вот, посмотри, —сказал дракон с гордостью. —Конфетное дерево.

На небольшом кривоватом деревце, похожем на яблоню, висели вместо плодов крученые, словно в конфетной обертке, зеленые конфеты.

—Конфеты не растут на деревьях, —ответила я.

—Ну, это не совсем конфеты, —протянул дракон, сияя глазами. —Это плоды, завернутые в обертку, ну как стручки зеленого горошка, понимаешь? Только вкус у горошин всегда разный—лимона, или клубники, или яблока. Возьми, попробуй.

Он сорвал одну конфетку и протянул мне. Я осторожно развернула листик и нашла внутри ярко-розовую горошину.

Дракон и его приятель внимательно следили за мной, словно за подопытной свинкой. Я положила горошину в рот.

—О, —пробормотала я, задыхаясь от восторга. —Невероятно вкусная! И сладкая!

Приятели радостно переглянулись.

—Отлично, отлично! —развеселился дракон, приплясывая вокруг меня. —Надо еще попробовать вырастить со вкусом мяты.

—А чем вы еще занимаетесь, кроме того, что ты выращиваешь конфеты, а твой приятель размышляет о смысле жизни? —спросила я. —И, кстати, где находится это место?

—Это один из уровней Равви-а-Ру, —ответил мужчина в шляпе. —Наша страна многоуровневая. Мы даже толком не знаем, сколько их. И она очень большая.

—Очень, очень большая, —согласился дракон. —Поэтому мы строим ракету.

—Ракету? Зачем?

—Чтобы облететь ее, разумеется, —ответил дракон жизнерадостно. —Увидеть ее. Проследить ее очертания. Понять, как она велика. Посмотреть, как она величало плывет в орывне.

—Что это—оривна?

—Оривна, пылающая ночь —так мы называет ту черную прозрачную субстанцию, в которой плавает наш мир, —отвечал дракон. —Никто из нас не может находиться в ней—она все сжигает. —Он задумчиво покосился на меня. —Ты

могла бы помочь нам.

—Чем?

—Ну, тебе-то орывна не страшна, можешь испытать материал, из которого мы собираемся строить ракету. —Дракон помолчал, блестя глазами. —Мы сейчас находимся на стадии разработки материала для ракеты. Он должен быть прочным, не плавиться в орывне, чтобы в такой ракете можно было путешествовать, понятно тебе?

—Понятно, —закивала я.—Ну, и как успехи?

—Пока не очень, —жизнерадостно отвечал дракон. —Но уже есть некоторые подвижки. Ну так как, поможешь?

—Конечно.

—Отлично, —воодушевился дракон и куда-то ускакал.

Через минуту он вернулся, неся в лапах кусочек серебряного материала, похожего на пластик.

—Мы нашли место, откуда можно попасть в орывну, —вмешался мой знакомый, ищущий смысл жизни, и прочертил в воздухе огненный зигзаг.

Приятеля умолкли, глядявываясь в перекатывающиеся в открывшемся проеме черные волны очень плотного вещества, сверкающего изнутри яркими радужными брызгами.

—Пылающая ночь, —в голосе дракона звучали благоволение и ужас.

Я сжала кусочек материала в ладони и шагнула в проем. Сразу стало темно. Таинственный прозрачный мир мягко обнял меня и отпустил, узнавая. Не чувствуя никакой нелов-

кости или скованности, я глубоко вдохнула то, что должно было быть воздухом. Плающая ночь пахла мятой и лимоном, и немного горьким дымом.

—Ну как? —спросил издалека обеспокоенный голос, и я вернулась с небес на землю.

Материал в моих руках продержался секунд двадцать. Потом он начал течь и таять, стекая с моих рук. Минута— и от него ничего не осталось. Я подняла глаза и увидела круглом проеме две изумленных физиономии—человеческую и драконью.

—Похоже, надо еще попробовать, —сказала я огорченно, и шагнула обратно.

—Двадцать секунд—это успех! —воодушевленно вскричал дракон, наворачивая вокруг меня круги. —На пять секунд больше, чем в прошлый раз!

Он бросился вглубь сада и затарахтел там железками и колбочками. Выскочив с маленьким кусочком пергамента, он стал что-то строчить в нем, потом перенес формулу в воздух и стал перечеркивать огненные цифры и буквы и писать новые.

—А что вы будете делать, когда облетите вокруг Равви-а-Ру? —спросила я. —Когда покорите плающую ночь?

—Ну, до этого пока далеко, —ответил мой странный приятель. —Но, если глобально—придумаем себе новую сумасшедшую мечту. Она должна казаться недостижимой, понимаешь? Как же можно жить без мечты и без надежды?

Часть 5. Высший уровень

—Ну что же ты, лети, не бойся. Это всего лишь вода.

Я висела над синей гладью озера, почти касаясь его поверхности. Вокруг расцветала весна во всем ее великолепии. Краски, живые, насыщенные, еще не знающей пыли, дождя, ветра и палящего солнца, не резали глаз. Серебристая дымка окутывала цветущую белым и розовым долину, густея над поверхностью озера прозрачным туманом.

—Почему ты со мной? Ты же говорил, что теперь у меня будет другой учитель, забыла его имя?

Николас не ответил. Просто взял меня за руку, и мы полетели над спокойной водой в сторону синеющих гор.

—Этот мир кажется таким настоящим, —заговорила я, восхищенно оглядываясь по сторонам.

—Он и есть настоящий. Равви-а-Ру —многоуровневый мир. Сейчас ты видишь самый нижний его уровень. В нем живет основная часть жителей.

—А на других уровнях?

—Выше уровнем живут учителя. Еще выше—аскеты, те, кого в человеческом мире называют монахами. Они посвятили себя изучению смысла и природы разумности и духовности. На самом высшем уровне живут старейшины, которые управляют нашим миром. У нас нет единого правителя, как у террианцев. Все решения принимаются совместно ста-

рейшинами. —Он помолчал. —Они как раз хотели поговорить с тобой.

Мы стремительно приближались в высокой каменной стене, но мой провожатый и не подумал замедляться. Еще мгновение —и мы врежемся. Я испуганно зажмурилась—но ничего не произошло.

Мы стояли в большом прохладном зале, одну из стен которого заменяли белые колонны. За колоннами далеко внизу синел океан. Почти такого же цвета небо без единого облачка наводило на мысль о раннем утре, но я не видела солнца. Ровный белый свет лился ниоткуда, освещая дом с белыми колоннами, широкие террасы, спускающиеся уступами к океану, и одинокую белую гору в месте, где встречались вода и небо.

Покинув сумрачный зал, мы спустились широкими ступенями на террасу, где стояла каменная беседка. У перил в плетеном кресле сидел старец в простом белом балахоне. Перед ним на небольшом резном столике лежала раскрытая книга с пожелтевшими страницами. Ветер с моря нес прохладу, запах соли и диких цветов. Он растрепал длинные снежные волосы и бороду старика, но он был так занят чтением, что не обращал ни на что внимания. Как не легки были наши шаги, он все же услышал их и поднял голову.

Он был очень стар. Глубокие морщины покрывали щеки и исчезали в пушистой бороде. Продольная морщинка пересекала переносицу. Худое обветренное лицо покрывал лег-

кий загар. Маленькие, со вздувшимися венами, руки отложили книгу, и на меня взглянули выцветшие голубые глаза, спокойные и ясные.

— Очень рад, что ты смогла прийти, дитя мое, — сказал он негромко, приветливо указывая на плетенное кресло рядом с собой. — Остальные сейчас появятся, раз ты уже здесь.

Меня усадили у белой колонны, и передо мной тут же появилась небольшая пиала, наполненная белой жидкостью, похожей на молоко.

— Угощайся, — сказал старик приветливо.

Мой прожатый молча сел рядом со мной. Через мгновение еще одно кресло оказалось занято — в нем возник очень старый человек в бледно-голубом плаще и маленькой шапочке, которая каким-то чудом держалась у него на затылке. За мужчиной в шапочке появилось еще двое в белых накидках, тоже очень старые, белоголовые и белобородые. Только бороды у них были в два раза короче, чем у первых двух. Больше никто не появился.

— Вы — старейшины этого мира? — спросила я. Они молча закивали. — Вас всего четверо?

— Пятеро, вместе с Николасом, — отозвался старик, который читал книгу.

— На этом уровне больше никто не живет?

— Нет, — отвечал он. — Только мы.

Некоторое время мы молчали, потом старик с книгой заговорил:

—Мы хотели обсудить с тобой, дитя, очень важные вопросы. События последних дней... Они заставили нас поторопиться с принятием решения. И это решение мы хотим тебе сообщить. —Поскольку я промолчала, он продолжил. —Мы нашли тебе мужа.

Ошеломленная, я откинулась на спинку кресла и уставилась на старейшин.

—Я не собираюсь выходить замуж. Тем более за мужчину, которого вы мне выбрали.

—И все же тебе придется это сделать, —отвечал старик. —Это произойдет не сейчас, не немедленно. По нашим законам ты еще не достигла возраста принятия решения. Ты пока познакомишься с ним, и мы надеемся, у него будет время заставить тебя изменить свое мнение о нем.

—Почему мы вообще это обсуждаем?

—Твоя мать—раввианка, —отвечал он. —А отец—террианец. По достижении возраста принятия решения ты должна будешь выбрать, в каком мире жить. Женщина в обеих наших мирах в этом возрасте выходит замуж. Это обязательное правило. И это не осуждается. Не беспокойся, это очень достойная кандидатура. Он верховный хранитель меча.

—Верховный хранитель меча? Какого меча?

—Хранители меча —это высшее сословие нашего мира. Они стоят в стороне от всех остальных сословий. Они служат мечу и только ему подчиняются.

—Меч—наша традиция и наша история, —отозвался старик в синей шапочке. —Он принадлежал первому раввианцу, который основал наш мир. Это произошло очень давно. Наш предок был воином, который покинул Счастливым мир, не желая мириться с царящими там жестокостью и безразличием. Он ушел в пылающую ночь, бесконечную темноту. Скоро его силы стали иссякать. Он понимал, что скоро умрет. Тогда он воткнул свой меч в черное ничто—и начал молиться. Он призывал своего творца. Он молился о том, чтобы после его смерти свет, доброта и чистота перешли в этот меч, чтобы они не сгнули безвозвратно, потому что нигде в мире им нет больше места. И тогда пылающая ночь расступилась, от меча полился свет, он развернулся огромной прекрасной страной, которая стала нашим миром. Меч все еще здесь. —Старик кивнул на далекую белую гору.

—Хранители меча—сильные и отважные воины, — продолжал Николас, —они защищают наш мир и оберегают его. Они могучи и нет предела из мощи, которую они черпают из меча. Мужчина, которого мы тебе выбрали—их предводитель.

—Мой отец очень приблизил Темного правителя, —сказала я, помолчав. —Они не обрадуются вашему решению. Думаю, у них совершенно другие планы.

—Мы знаем, —отвечал Николас. —И вместе с тем, решение уже объявлено. Кроме того, мы направляем эмиссаров в вечность, где ты живешь. И во вселенную, где находится

твоя физическая оболочка. Никто не может нам запретить сделать это—таковы законы сосуществования между нашими мирами. Твоим обучением теперь займется Николас—мы посчитали это наиболее разумным решением.

Они замолчали. Я не знала, что мне делать. Мне нечего было им сказать.

—Иди, —сказал Николас, —спустись к воде.

Он кивнул в сторону синего океана. У кромки воды стоял высокий светловолосый мужчина. Короткие волнистые волосы с серебряными нитями, сверкающая серебром кольчуга, волевое суровое лицо. Что-то зашевелилось во мне, какое-то давнее воспоминание. Когда он шагнул мне навстречу и протянул руку, я уже была совершенно уверена, что знаю его.

—Я думала, ты только мой сон, —сказала я.

—Ты ошибалась, —ответил он негромко. —Давай прогуляемся.

Мы неторопливо пошли вдоль берега. Сияла вода, от песка шло тепло, свежий ветер бил в лицо. Я не знала, что будет дальше. Я плыла по течению, и оно уносила меня черт знает куда. Но в одном была совершенно уверена—никто и никогда не посмеет заставить меня сделать то, что я не хочу. Я переросла свою покорность, как и детскость.

Тот, кому я верила всецело и кому доверяла—этим человеком была я сама.

Часть 6. Хранители меча

—Мы ведь можем просто поговорить?

Мужчина стоял, опираясь спиной о ствол дерева и смотрел, как я бреду по залитому солнцем лугу. Где-то высоко в небе запела птица.

—Похоже на жаворонка.

Я остановилась, глядя на него сквозь заросли высокой травы и сиреневых цветов.

—Похоже, но не он.

Сегодня Верховный хранитель меча был без своих доспехов. Ему очень шел пушистый белый свитер, казавшийся слишком теплым для этого мира, но вскоре я и сама почувствовала —легкий ветер был прохладным, дразнящим. Пьянящий чистый воздух подошел бы скорее ранней осени, чем летнему полдню.

—Как тебя зовут? —спросила я.

—Мое имя переводится как Том, можешь называть меня так, —ответил он.

Я посмотрела на него с укором.

—Зачем тебе все то? Я ничего к тебе не чувствую. Это решение старейшин... Мне кажется все это напрасно...

—Давай прогуляемся, —сказал он и двинулся мне навстречу.

Остановившись рядом, он внимательно и спокойно по-

смотрел на меня сверху вниз—он был головы на три выше меня—и протянул мне руку. Я молча вложила свою ладонь, и он сжал ее железными пальцами. Мне показалось, он не знает, что это такое—женская рука, что она нежнее и слабее, но ничего не сказала. Кажется, он почувствовал мое состояние и, немного ослабив хватку, повел меня сквозь цветущий луг в сторону поднимающихся на горизонте белых скал.

—Я не собираюсь оспаривать решение старейшин, —заговорил он негромко, пока на нас обрушивался чистый яркий мир с паутинками, капельками росы, солнцем, светом, запахами земли и цветов. —Ни тебя, ни меня никто не может принудить к чему-либо. Но почему нам не попробовать немного узнать друг друга? В этом ведь нет ничего предосудительного.

—Ничего, —ответила я.

На лугу молодой мужчина, совсем мальчик, и маленькая собачка гонялись за бабочкой. Бабочка была большой, красно-коричневой, собачка —беленькой и пушистой, словно облачко, с длинными смешными ушами и курносым носом. Мужчина, высокий, загорелый, с короткими светло-русыми волосами, в свободных белых брюках и белой майке, обтягивающей могучий торс, носился словно ребенок, размахивая руками и заливаясь смехом. Собачка звонко лаяла и подпрыгивала. Золотистый свет дрожал и искрился. В этом было столько неприкрытой радости и чистоты, что я невольно замерла, залюбовавшись веселой парочкой.

—Это Звоночек, мы его так назвали из-за его голоса, — пояснил Том, улыбаясь. —Мы подобрали его на Земле. Его сбила машина, и он умирал. Он у нас всеобщий любимец.

Завидев нас, пушистый пес бросил бабочку и радостно лая и махая хвостом, бросился к Тому. Подпрыгнув и получив положенную, по его мнению, долю внимания от Тома, он уставился на меня черными веселыми глазками и с разбегу ткнулся в мои ноги, радостно обнюхивая. Я наклонилась погладить вертлявый комок, который повизгивал и тыкался носом в мои ладони, когда услышала голос.

—Это ничего не значит, — произнес парень, который играл с собачкой. Подняв голову, я наткнулась на ледяной взгляд прозрачных зеленоватых глаз. —Посмотрим, какое решение примет гора.

Подхватив собачонку, парень развернулся и исчез среди деревьев.

—Мы не привыкли к гостям, — сказал Том. —Собственно, у нас их вообще не бывает.

—Белая гора? —спросила я. —Место, где находится Меч?

—Она.

Метрах в пятидесяти начиналось предгорье, которое переходило в настоящую горную страну. Стало еще холоднее. На склонах гор лежал снег, а вершины были полностью покрыты льдом.

—Это целый мир, —ответил Том. —Он может развора-

чиваться сколько нам угодно, мы можем найти в нем все, что нам нравится. Он изолирован от остальных уровней Благословенного мира и принадлежит только рыцарям меча. Здесь никто никогда не бывает кроме нас.

—Я надеялась увидеть белую гору.

—Мы к ней как раз и идем. Здесь только один путь.

Мы прошли предгорье и стали подниматься, маневрируя между обломков острых камней, льда и снега. Стало очень холодно, пошел снег, все утонуло в метели. Теперь мы шли по сплошной ледяной корке. Тропинка стала очень узкой и скоро пропала совсем. Том поднимался первым, он шел вполоборота, следя, чтобы я не оступилась, и не выпускал моей руки. Поэтому мы двигались довольно медленно. Наконец, я почувствовала, что меня со всех сторон обдувает ветер, и подняла глаза.

—Эта самая высокая вершина, —сказал Том и добавил негромко: —Вот она, Белая гора.

Мы стояли на небольшой площадке среди бело-голубой бездны. Горная гряда окружала ее со всех сторон словно ожерелье из зубов дракона. В центре бездны парил призрак белой горы. Она существовала не здесь, где-то в другом месте и времени. Она не была, а только казалась. Прозрачная и зыбкая, она почти растворялась в голубом мареве и солнечном свете.

Том выпустил мою руку и замер на краешке скалы, всматриваясь в завораживающую картину. Я чувствовала его обо-

жание, восторг и нежность, и подумала, что это любовь. Любовь фанатичная и всепоглощающая.

—Тебе придется самой пройти через это, —сказал он, не глядя на меня. —Гора либо примет тебя, либо нет.

Не сопротивляясь, я шагнула в голубую пустоту. Честно говоря, меня мало интересовал Том. И вообще не интересовали рыцари меча. Меня сейчас не волновало ничего, кроме Белой горы, таинственной и волшебной горы, в которой была скрыта тайна этого мира. Пройдя по воздуху как по упругой резине, я коснулась белого камня—и потеряла сознание.

Я очнулась на хрустальном в полу маленькой пещеры. Или подумала, что очнулась. В моей голове плавал голубой туман, все образы казались размытыми и зыбкими.

—Том прекрасный мужчина, —сказал нежный женский голос, —честный и добрый. Разве тебе этого мало, чтобы он стал хорошим мужем?

—А как же любовь? —спросила я.

—Любовь..., —отозвалась женщина задумчиво. —Зачем тебе любовь? Разве ты сама понимаешь, что это такое? Разве ты любишь кого-то настолько сильно, чтобы забыть о своем долге, предназначении? Так к чему же тогда требовать любви от другого?

—Я ничего и не требую, —отвечала я.—Потому и не хочу себя связывать никакими узами. Все равно рано или поздно...

—Придется разорвать их? —закончила мою мысль жен-

щина. — Это произойдет неизбежно, какое бы решение ты не приняла. Эти два мира обречены на войну, которая приведет к их полному уничтожению. Они слишком долго сторонились друг друга, избегали друг друга. Но противоречия, как от них не убегай, рано или поздно приводят к столкновению. Иначе как по-другому может двигаться жизнь вперед.

— Ты так спокойно говоришь об этом. Неужели тебе безразлична их судьба?

— Я служитель идеала, — отвечала женщина. — И все, что я делаю, отвечает интересам идеала, и только им. — Она помолчала. — Разумеется, мне небезразлична судьба этой страны и ее народа. Я, некоторым образом, ответственна за нее. И стояла у истоков ее рождения. Рыцари меча — мои воины. Они следуют моим указаниям, охраняют и защищают Равви-а-Ру, как рыцари черного рассвета охраняют и защищают Терри-кха-Ра. Две эти армии, великие армии богов, мощные, сильные, могучие, столкнувшись, могут только уничтожить друг друга — слишком велика сила, которой они владеют.

— Но к чему доводить до этого? — спросила я, вздыхая и поднимаясь с пола.

— Некоторые вещи неизбежно происходят, — отвечала женщина. — Иди за мной.

Легкое голубое облачко повело меня вглубь коридоров, покрытых голубым и белым льдом. Сказочный мир, наполненный чистотой и каким-то мягким очарованием, искрился и переливался. Не знаю, сколько мы так блуждали. В моем

пограничном состоянии я видела только переливы голубого и белого.

Очнувшись, я поняла, что стою в большой пещере, потолок которой заменял ярко-голубой туман. В центре тумана, ничем не удерживаемый, висел серебряный меч. Он был огромным, раз в десять больше среднего человека, со сверкающим широким лезвием и рукоятью, украшенной синими и белыми камнями, от которых во все стороны брызгали яркие лучи.

—Встань на пьедестал, —сказал женщина мягко.

Я посмотрела на возвышение. Оно находилось непосредственно под лезвием. Если я на него встану, и меч упадет, от меня ничего не останется. Первое, что я почувствовала—это страх. Потом он сменился безразличием и печалью.

—Неплохое завершение жизни, —сказала гора. —Если меч тебя не примет, ты умрешь, и даже не заметишь этого.

—Ты ведь не гора, —отозвалась я, поднимаясь на пьедестал.

—Я—хранитель того мира, —ответила гора.

И меч упал вниз.

Я видела, как он опускался, огромный, сверкающий, смертоносный, но даже не закрыла глаза. Меч рухнул, пробив пьедестал, на котором я стояла. Он прошел сквозь меня, но даже не коснулся. Голубое вспыхнуло—и поглотила меня.

Я плавала в прозрачном мягком ничто. Оно обнимало и ласкало, страстно, трепетно, бережно. Это было сродни на-

слаждению от близости между мужчиной и женщиной в высшем его пике, когда теряешь себя, не ощущая ничего, кроме почти болезненного счастья.

—Твоим рыцарям не нужна женщина, —прошептала я, понимая и принимая. —У них есть ты и больше им никто не нужен.

—Я для них как невеста, —ответила она, и я почувствовала ее нежность и печаль.

Вспыхнул белый свет, и я засияла вместе с ним. Белое, голубое и золотое слились в одну точку—и я второй раз за сегодняшний день потеряла сознание. Когда я пришла в себя, то поняла, что стою на голубом льду, а за моей спиной смыкается белая гора.

Том встретил меня на границе камня и снега, и, ни слова не говоря, повел прочь. Мы молча дошли до предгорья. Когда потеплело и появилась трава, я заговорила:

—Она дает вам силу и свою нежность, —сказала я.—Вам никто не нужен, кроме нее.

—Она для нас словно невеста, —ответил Том.

Остановившись, я повернулась к нему и запрокинув голову, уставилась в холодные глаза.

—Тогда зачем тебе все это? Почему ты не откажешься?

—Я не знаю, не знаю, —отвечал он растеряно. —Ты тревожишь меня. И я не понимаю... Но хочу понять...

Я резко отвернулась и ушла, не оборачиваясь.

Часть 7. Праздник даров

—Что-то ты грустная.

Я сидела в высокой траве и молчала.

—Идешь на праздник даров?

Я посмотрела в сторону голоса, но не увидела никого.

—Я здесь. В траве.

Из зарослей показалась рогатая голова, и голубая улитка с серебряным спиралевидным домиком застенчиво уставилась на меня выпуклыми синими глазами.

—Ты не могла бы посадить меня вон на тот камень. — Маленькие рожки слегка пошевелились. — Хочу, знаешь ли, погреться на солнышке.

—Я думала, улитки любят сырость и прохладу, — ответила я, подставляя ей ладонь.

—Ну, не всегда, — протянула улитка, деликатно цепляясь за мои пальцы. — Иногда мне хочется тепла и света.

Я осторожно поднесла руку к плоскому белому камню, возвышающемуся над травой, и улитка неторопливо сползла с моей руки, потом облегченно вдохнула и закрыла на мгновение глаза.

—Как хорошо, — сказала она.

Негромкий голос вплетался в шепот высокой травы и шелест ветра. Солнце не палило, а гладило. Этот тихий чистый мир не торопил меня с ответами, но и не пытался отстра-

ниться от меня. Мне все равно было тяжело, но та тяжесть теперь затаилась где-то глубоко. Она вернется. Но не сейчас. Не здесь.

—Тебе нельзя идти туда, —заговорила улитка и я, оторвавшись от зрелища высоких синих гор, поднимающихся на горизонте, посмотрела на нее с недоумением. —Туда, в горы. Ты еще не готова. Лучше ступай на синее озеро. Это здесь, недалеко. Вода заберет твои печали и очистит сознание. Для того она и предназначена Я бы тоже хотела побывать на озере. —добавила она мечтательно.

—Если хочешь, я отнесу тебя, —предложила я.

—Если тебе это не будет неприятно, —ответила улитка. —Не все любят прикасаться ко мне. Но моя слизь, знаешь ли, целебна. —Она пошевелила рожками. —Коснись моих шариков.

—Может, не надо?

—Я же говорю, не всем приятно, —вздохнула улитка. —Тогда давай я проползу по твоей руке. Это правда очень полезно.

Я протянула руку, и она поползла по ней, оставляя светящийся голубой след, который тут же впитывался кожу. Закончив с рукой, она устроилась на моем плече, и я осторожно поднялась на ноги.

—Озеро вон там.

Рожки указывали на север, где ослепительно синел водоем, скорее похожий на маленькое море.

—Привет, —неожиданно раздался голос за моей спиной, и я испуганно дернулась.

Сильные руки не дали мне упасть. Обернувшись, я увидела группу молодых мужчин в белых расшитых золотыми узорами рубашках и свободных брюках, светловолосых и светлоглазых. Они были как на подбор, высокие, сильные и очень красивые. Тот, кто держал меня в своих объятиях, был постарше и отличался от остальных более мощным сложением и статью. И еще он был черноволосым. Необыкновенные темно-синие глаза смотрели пристально и серьезно. Они впитывали меня, и я исчезала в их глубине, отпечатываясь там навсегда.

—Рыцари меча, —произнесла я удивленно.

—Источник.

Мужчины поклонились, продолжая сверлить меня взглядами. В этом не было ни хамства, ни вражды, скорее многолетняя привычка все замечать и ничего не забывать.

—Что ты здесь делаешь? —спросил синеглазый, и, наконец, разжал руки.

—Мы с улиткой идем к озеру, —ответила я.

Он удивленно вскинул брови и внимательно посмотрел на мою подругу. В его глаза что-то дрогнуло, какое-то понимание, но он заговорил о другом:

—Нас пригласили на праздник даров. Предлагаем пойти с нами, а потом отправитесь на озеро.

—Я не уверена, —возразила я растеряно, —что улитка

хочет на праздник. Там слишкомлюдно и шумно для нее.

—О, я с удовольствием посмотрю, —отозвалась мягко улитка. —Там, наверное, будет много вкусного и интересно-го. А потом ты отнесешь меня на озеро.

Я нерешительно посмотрела на парней.

— Я вас не знаю.

—Это просто, —сказал синеглазый. — Меня зовут Антей.

Он поклонился, тряхнув кудрявыми волосами, которые мягко обрамляли суровое загорелое лицо.

—А что это за праздник? —Я почти сдалась.

—В честь Дерева даров.

Он взял меня за локоть и повел по зеленой траве. Парни, весело переговариваясь, обступили нас. Повернув на восток, мы стали спускаться пологими холмами в низину, где раскинулось небольшое селение с небольшими белыми домами, чистыми улицами и единственной большой площадью. В центре площади по лужайке росло раскидистое дерево с белой корой и очень густой шапкой темно-зеленых листьев.

—Один раз в году на Дереве вызревают плоды, —заговорил синеглазый. —Это особенные плоды. Получить их— большая честь. Дерево само решает, достоин ли проситель плода.

—А если не достоин?

Парни рассмеялись, только я не поняла, чему.

—А чем эти плоды особенные?

Мы уже давно двигались в потоке радостных жителей в

сторону площади. Отовсюду слышались разговоры и смех, где-то играла негромкая музыка. Больше всего это напоминало мне маевку, старый праздник советского времени, когда все весело отправлялись на природу, жгли костры, устраивали пикники, пели песни.

Праздник весны...Преддверие лета... Ожидание счастья...

Нам навстречу выскочила стайка сияющих девушек—кажется, парней здесь любили. Статный мужчина лет пятидесяти в голубой вышитой рубашке радостно приветствовал нас. Хранители меча оставили меня на белой скамье в тени большого куста с розовыми цветами, который рос у стены маленького дома. Я перенесла улитку на покрытый белой скатертью длинный стол и усадила рядом с большим блюдом с темно-фиолетовыми фруктами, похожими на наши яблоки.

Жители селения толпились перед деревом, росшим в центре площади. Вероятно, оно и было деревом плодов.

—Пошли. —Надо мной склонились улыбающееся лицо, и синие глаза заглянули мне просто в душу. —Попытаем счастья.

—А что означает полученный плод? —спросила я.

В это время парень из числа жителей селения сел под деревом, а остальные отошли в сторону. Они словно чего-то ждали. Неожиданно дерево зашумело, и парня окатило водой. Он подскочил под смех и крики собравшихся и смущенно отошел в сторону.

—Плод получает только тот, кто сделал что-то важное на пути, по которому идет, —ответил Антей, улыбаясь. — Достиг чего-то, нашел, открыл, исполнил. Плод—символ того, что этот год не прошел напрасно, понимаешь?

—Кажется, понимаю. Это как признание успехов на пути, по которому идешь. А вода?

—Что ты ленился или недостаточно старался.

—Или ошибся дорогой?

Он посмотрел на меня пристально и серьезно.

—Ты не можешь ошибиться дорогой, —сказал он. —Но можешь остановиться в пути, перестать стараться. Отчаяться, наконец. Дерево это видит и подает тебе знак.

В это время молоденькая девушка под восхищенный гул толпы получила маленький фиолетовый плод, который упал ей в руки. Смущенно улыбаясь, она крепко прижала его к груди и быстро убежала.

—Пойдем.

Парень схватил меня за руку и потащил за собой. Толпа расступилась, и меня посадили под деревом. Подняв голову, я увидела, как сквозь листья пробивается солнечный свет.

Они зашуршали—и меня окатило водой.

Вокруг все рассмеялись, а я только огорченно опустила голову. Но подняться так и не успела. Меня окутало фиолетовое сияние—и я переместилась под восторженный гул собравшихся...

В центре яркого белого поля, покрытого серебряной тра-

вой, росло дерево. Оно казалось все тем же, но все же выглядело иначе. Нечто царственное, величественное было в его серебристых листьях и ослепительно-белом стволе. Он прорастало сквозь Благословенный мир, и в этой другой реальности в нем не было ничего обыденного, простого.

—Подойди, —раздался у меня в голове низкий мелодичный голос.

Я прошла по лунной траве сквозь серебристое сияние и остановилась в шаге от дерева.

—Ты не получила плод, —сказало дерево. —Надеюсь, ты не обиделась на меня.

—Нет, —вдохнула я.—Я знаю, что мало занималась. Высокий мир слишком сложен. Столько событий и новых лиц. Я погрязла в суете. И забыла, что не это главное.

—Это не совсем так, —ответило дерево. —Дело не в знаниях, а в чувстве, которое в тебе горит. Ты бродишь одна в темноте, и вокруг тебя ее слишком много. И ты боишься сиять. Думаешь, что это никому не нужно. —Дерево помолчало. —Ты должна сиять. Сиять несмотря ни на что. Сейчас источник пробудился в тебе, и ты должна отпустить живущий в тебе свет. Если ты этого не сделаешь, то погубишь себя. Свет спалит тебя изнутри. Ты погибнешь. И мы вместе с тобой.

Ветви опустились и ласково окутали меня.

—Ты должна сиять, —повторило дерево. —Что бы вокруг тебя не происходило, как бы много темноты ты не видела.

Не забывай об этом.

Свет рванулся из глубины, разрывая, меняя что-то во мне. Это было больно. И мучительно. Я чувствовала, как кровь течет из ран, как ломаются оболочки, превращаясь в пепел.

Еще одно усилие—и я закричала.

Потом наступили облегчение и покой. Свет полился легко и ровно, словно изнутри меня пробился родник.

—Ты—источник, —шептало дерево. —Помни об этом.

Листья зашелестели, и мне в ладони упало нечто маленькое и темное.

—Это не плод, —сказало Дерево, —а семя. Пора взрастить еще одно дерево плодов. Посади его рядом со своим домом. Оно для тех, кто тебя окружает. Это напоминание о том, что они должны и для чего рядом с тобой. И предупреждение для тех, кто забыл о своем предназначении. Каждый из них должен испытать себя и встать под него, чтобы понять, той ли дорогой идет.

Свет вспыхнул—и я снова сидела под деревом, сжимая у ладони продолговатое фиолетовое семечко

—Семя, —шептало восторженно голоса вокруг, пока меня, ничего не соображающую, вернули на мою скамью под розовыми ветками.

—Ну, то же, —сказала улитка мягко. —Это конечно, не синее озеро, но покупалась ты знатно.

Я повернулась, чтобы ответить, когда улитка вспыхнула и превратилась в очаровательную синеглазую женщину с

длинными белыми волосами. Она была тонкой словно лунный луч, и такой же невесомой. Я видела, как сквозь нее струится голубой свет, как просвечивает стол, как нежное лицо мерцает словно дымка. Только синие глаза, властные и пронзительные сверкали, утягивая в свою глубину.

—Хозяйка озера, — раздался приглушенный крик, и шумная площадь утихла.

—Госпожа. —Мужчина, который встречал нас, вышел вперед. —Приветствуем тебя. Это большая честь для нас.

В наступившей тишине было слышно, как шумит ветер, обрывая розовые лепестки с куста.

—Мне хотелось посмотреть на ваш праздник, —ответила женщина мягко и, посмотрев на меня, улыбнулась. —Это оказалось интереснее, чем я предполагала. —Она поднялась со скамьи. —Ну что же. Семя ты получила. Может, проводишь меня до озера, как обещала?

Я тяжело поднялась, ощущая невероятную усталость. Тонкая ладонь сжала мои пальцы. Я чувствовала ее прохладу и мягкость, и в то же время видела, как она прозрачна и текуча словно дымка. В полном молчании мы покинули селение.

Едва мы поднялись на невысокий холм, хозяйка озера облегченно вздохнула и полетела к синей глади, увлекая меня за собой. Мы понеслись словно паутинки над зеленой травой, и скоро стояли на белом песке.

—Снимай одежду и ступай в воду, —сказала хозяйка, и

я с огорчением посмотрела на испачканную кровью одежду, руки в потеках и свои слипшиеся волосы.

Сбросив одежду, я вошла в воду, и она сомкнулась надо мной.

Голубые тени обняли меня, и я растворилась в синей воде без остатка. Все, что мучило и болело, все мои сомнения и тревоги разбились о простое нехитрое знание.

Оно было горьким и сладким одновременно.

Все будет так, как должно.

Часть 8. Возвращение домой

На балконе белого дворца плавал солнечный день.

—Я ждал тебя.

Николас стоял, опираясь о перила, и смотрел вниз, где в густой зелени деревьев прятались тихие поляны с земляничкой. Пели птицы и цвели белые цветы. Купол ярко-синего неба уходил в такую высоту, что от одного взгляда на него кружилась голова. Я смотрела на белые широкие одежды, античный профиль сурового лица и думала, что ничего не понимаю в жизни, которую веду. Что тыкаюсь словно слепой щенок в двери и ноги идущих мимо людей, полностью зависимая от дороги, на которую они меня поставили. И даже не уверенная в том, что это именно та дорога, которая мне нужна.

—Мы не пойдем по дороге, —сказал Николас. —Просто полетим.

Он легко прошел сквозь перила и завис в голубом небе. Я последовала за ним. Мы полетели над бескрайним зеленым лесом к синей глади воды, блестящей в лучах невидимого солнца. Я думала, мы ищем какой-то остров, но Николас опустился на белый берег.

У самой воды, глядя на горизонт, сложив руки на груди, стояла женщина в черных одеждах. Это было так непривычно для Равви-а-Ру, что с слегка опешила. Я никогда не виде-

ла здесь никого в черном. Старик тихо позвал ее по имени, и женщина оглянулась.

Она была необычайно красива той особенной красотой, которая оставляет незаживающее чувство собственной неполноценности. Черные густые волосы были собраны в хвост на затылке. Красивые тонкие пальцы левой руки украшало несколько тонких колец, а правую руку — одно большое, с черным камнем. Мягкие розовые губы были плотно сжаты. Ответив негромко на приветствие Николаса, женщина тем не менее даже не взглянула на него. Огромные черные глаза, не отрываясь смотрели на меня.

— Это сестра твоей матери, — сказал Николас и неслышно отошел.

Я застыла, во все глаза уставившись на женщину. Это не была дуэль взглядов. Мы, словно два путника в ночи, встретившиеся на перекрестке дорог, всматривались друг в друга, пытаясь понять, что принесет эта встреча каждому из нас — благословение или проклятие. Наконец, женщина отвела взгляд и, повернувшись в воде, легко провела над ней рукой. Море расступилось, обнажая темный провал ступеней.

— Пойдем. — сказала она негромко и стала спускаться первой.

С трудом преодолев внутреннее сопротивление, я последовала за ней в темноту, чувствуя, как вода смыкается за моей спиной. Чем ниже мы спускались, тем светлее становилось. Наконец, вспыхнул ярчайший белый свет, и я ненадол-

го перестала видеть.

Когда зрение вернулось, я поняла, что стою в маленьком пустынном зале, заполненном мягким голубоватым светом. За большими арочными окнами синела вода и голубело небо, но я не понимала, день это или ночь.

—Это высший уровень, — сказала женщина. — Мир твоей мамы. Ее дом. Здесь все осталось так, как было, когда наша королева покинула нас.

—Я думала вашим миром управляют старейшины.

—Таково было желание твоей мамы, когда она уходила. Она знала, что тебе предстоит трудная дорога, и ты будешь мала и слаба для такой ноши.

Я задрожала и сделала шаг в сторону окна.

—Это ее арфа, — сказала сестра моей мамы с болью.

Я увидела слезы в ее глазах, и вдруг почувствовала ту огромную невыносимую боль утраты, которую она носила в себе. Я подошла к маленькой арфе, протянула руки к струнам, но так и не коснулась их.

—А это пяльцы, — продолжал она, —ее последняя вышивка.

На большом деревянном каркасе, словно картина, было натянуто полотно в нежной белой розой. Я опустилась на маленький резной табурет напротив вышивки и подняла на женщину заплаканное лицо.

—Но зачем? — просила я хрипло. —Зачем она это сделала?

—Чтобы ты родилась, —ответила женщина. —Она покинула нас, упав словно звезда в руки правителю террианцев, чтобы родить тебя, как было предсказано. Он очень любил твою маму, ты родилась в большой любви. Твой отец обожает тебя до дрожи. Он на все готов ради тебя.

—Но я убила ее, —прохрипела я. —Она умерла из-за меня.

—Она отдала тебе все самое лучшее, что имела, —ответила женщина. —Я чувствую в тебе ее силу.

—Ты похожа на нее, —вздыхнула я.

Женщина побледнела и прошептала:

—Вы встречались.

Не отвечая, я коснулась белой розы... И увидела...

Молодая прекрасная женщина подняла золотистую головку и на меня взглянули огромные золотые глаза.

—Вот ты и пришла, доченька, —сказала она и печально улыбнулась. —Я знаю, что мне суждено умереть, когда ты родишься. Но я не могу иначе. Твой отец и я—соединение темноты и света—должны родить ту, кто объединит в себе форму и чувство. Наша жизнь не важна. Главное—это ты.

—Но я не могу... не хочу..., —заплакала я.

—Возьми иглу, —сказала мама.

Я взяла длинную иглу с продетой в нее шелковой розовой нитью, которая лежала на пяльцах.

—Уколи пальчик.

Я проколола подушечку пальца, и капля крови упала на

белую розу.

Картина вспыхнула, заиграла красками, словно живая. Следом за ней вспыхнул маленький зал. Я вдруг совершенно отчетливо увидела хрустальный дворец, каждую его комнату, и коридоры, и большие залы, полные пространства и света.

—Ну вот, — сказала мама. — Теперь все будет хорошо.

И растаяла.

Едва она исчезла, мир вокруг задрожал. Зашатался пол. Развезлось небо. Огромный дворец стал подниматься из глубины моря. Прошло совсем немного времени, и он уже возвышался в центре озера, сверкая хрустальными башнями. Сотни ног хлопотливо забегали по коридорам и залам, словно очнувшись ото сна, как в сказке про спящую красавицу.

Сестра моей мамы радостно рассмеялась—и сбросила черное платье. Высокая прекрасная женщина в золотом нежно обняла меня.

—Добро пожаловать домой, дитя. — сказала она с любовью. — Зови меня Магда.

—Мой отец никогда не согласится, чтобы я жила среди вас.

—Мы знаем, — ответила Магда. — Его любовь велика и болезненна, как и любовь мужчины, который рядом с тобой. В этом они схожи и это их объединяет. Они готовы на все что угодно, лишь бы этого не произошло.

—И что теперь будет?

—Война.

Часть 9. Последнее предупреждение

Я подставила ладонь под голубую струю. Водопад падал широкими уступами в синюю реку и исчезал далеко внизу. Его громкий голос был слышен за километры. Но здесь, на вершине горы, где все только начиналось, вода казалась тихой и неторопливой. От высокого неба кружилась голова. Белая гряда закрывала горизонт, местами обрываясь провалами. Скалы плавали в них, причудливые, похожие очертаниями на диких животных. Далеко внизу по обеим берегам реки шумел лес, в дальше, за разливающимся устьем, сверкал океан. Это мир был прекрасен.

На вершине вспыхнул белый свет, и я обернулась. Мой учитель стоял на краешке белого камня, скрестив руки на груди, и смотрел на океан.

—Ариэль... —я замялась, взглядываясь в хмурое лицо. — Темный правитель сказал мне, что у раввианцев есть легенда о конечности всего живого.

—Да, это так, —ответил Николас. —Мы верим в конечность жизни и никогда не боялись смерти

—Можешь рассказать мне?

Он помолчал.

—В них говорится, что наш творец, когда приходит вре-

мя, останавливает Реку жизни, и тогда все живое умирает. Творец внимательно изучает все, чего достигли живые существа, созданные им, их достоинства и недостатки, чтобы проанализировать допущенные ошибки и исправить их в будущем. Когда Творец поймет, что было хорошо, а что не очень, он снова запускает реку жизни, и жизнь начинается сначала.

—Раввианцы не верят в конечность существования.

—Они считали всегда, что раз их создатель—Великий—бессмертен и бесконечен, то и мир, который он создал, такой же. —отвечал Николас. — Потому для них было большим ударом узнать, что дорога в мир идеального лежит через смерть. —Он посмотрел на меня внимательно и добавил: —Ступай на берег.

Я перенеслась мгновенно. На берегу океана стоял Том, и солнечные зайчики танцевали в его глазах. О молча взял меня за руку, и мы пошли вдоль тихой воды навстречу разгорающемуся дню.

—Нет! —раздался за нашими спинами низкий властный голос. —Нет!

Я обернулась.

На границе мокрого и сухого песка в окружении огромных черных мужчин с бледными лицами, сжимая рукоять меча, стоял Ариэль.

Высокий, черный, страшный.

—Что ты здесь делаешь? —воскликнула я удивленно.

Том молчал, сжимая мою ладонь. Я почувствовала легкий

укол вины, болезненный и неуместный. Я не сделала ничего плохого, и все же понимала, что заслужила упрек. И еще понимала, что мне было плевать на последствия. Но как раз с последним заблуждением мне пришлось расстаться быстро и болезненно.

—Ты. Держишь. Его. За руку, —зарычал Ариэль, и вокруг него заплясали черные смерчи.

—С каких пор это стало преступлением?

—С тех пор, как между раввианцами и террианцами война, —проревел он и поднял меч.

— Что ты собрался делать?!—прошептала я, покрываясь холодным потом.

Мои невинные шалости, кажется, разбудили чудовище.

—Уничтожить здесь все! —проревел он.

—Там, в океане—дом моей матери! Последнее что от нее осталось! Это мой дом! —Я выпустила руку Тома и встала между ними. Потом добавила чуть слышно: —Я раввианка.

—Ты террианка! —завопил Ариэль.

—И террианка, —ответила я, сжимая кулаки. Злость и бессилие смешалась во мне с холодной яростью, которая выплеснулась словно жидкий азот. —Эти два мира—мой дом. Если ты сейчас же не опустишь меч, —зашипела я, —я покину оба и уйду туда, откуда пришла. И вы больше никогда меня не увидите.

—Нет!

Голоса Тома и Ариэля слились в унисон, и Ариэль бес-

сильно опустил меч.

—Уходи, —процедила я устало.

—Я не уйду без тебя, —ответил он угрюмо и опустил на песок на краю прибоа.

Я виновато повернулась к Тому.

—Я столько хотела спросить у тебя. —Я покосившись на темную фигуру. —Но мне кажется, сейчас не очень подходящее время для этого.

—Он обманывает тебя, —отвечал Том с гневом. —Ему и его воинам долго не продержаться здесь. Благословенный мир умеет за себя постоять.

Не знаю, чем бы все это закончилось—нам помешали это выяснить. Берег вспыхнул светом, и я увидела, как по воде к нам идет прекрасная женщина в серебряном платье. Сестра моей матери спокойно обняла мое дрожащее нервное тело и ласково поцеловала в щеку. Потом повернулась к Ариэлю.

—Добро пожаловать в Равви-а-Ру, Великий, —сказала она негромко. —Если желаете, можете осмотреть дворец правительницы. Думаю, Великому будет интересно узнать, в каком месте жила мать его любимой жены.

Ариэль поднялся с песка и стремительно подошел к нам. Его воины последовали за ним. Некоторое время раввианцы и террианцы молча буравили друг друга глазами. Затем Ариэль посмотрел в глаза женщины. Магда, не моргнув, выдержала его тяжелый взгляд и пошла вперед по дороге из солнечного света. За ней двинулся Том, за Томом Ариэль, кото-

рый сжал мою руку так, что у меня заняли пальцы, за нами —трое черных воинов.

Я плохо помню эту экскурсию. У меня болела рука, я постоянно чувствовала на себе мрачный горящий взгляд. Ариэль холодно и вежливо что-то отвечал Магде, задавал вопросы, внимательно осматривал дворец. Я понимала абсурдность ситуации, но была благодарна ему и Магде, что мы все вместе смогли хоть как-то выйти из нее. В одной из заполненных светом комнат она взяла с полки большую тяжелую книгу в голубом бархатном переплете и протянула ее мне.

—Говорят, в Башне Золотой розы очень хорошая библиотека, —сказала она, улыбаясь, —Но такой книги там точно нет. Это наши сказания и предания. Мне бы хотелось, чтобы Стив, твой учитель почитал ее тебе на ночь.

Я крепко прижала книгу к груди левой рукой, потому что правой, кажется, навсегда завладел Ариэль.

—Ступай, дитя. —Магда улыбнулась. —Увидимся позже. Она открыла портал, и мы вошли во дворец Великого. Я молча вырвала руку и, прижав книгу к груди, быстро пошла по сумрачной пустой галерее. Ариэль не остановил меня.

Скоро я уже входила в Башню золотой розы. Кивнув компании, которая толклась на кухне, я поинтересовалась, где Стив.

—В библиотеке, —отвечала Марта, но, когда я рванулась в сторону двери, схватила меня за печи и с силой усадила на стул.

—Ты такая бледная, что сейчас грохнешься в обморок, — заявила она обеспокоенно.

Аристарх испуганно заохал, а Антон стал торопливо рыть в своих запасах и греметь кастрюлями. Все вокруг суетились, дергали меня за руки и заглядывали в глаза. Через минуту меня уже отпаивали какой-то голубой жидкостью, выслушивая между всхлипами и глотками мой сбивчивый рассказ.

—Надо предупредить Совет, — вздохнула Марта и обняв меня, торопливо исчезла.

Наконец, влив в меня пол-литра голубой гадости, меня отпустили, и я поползла в библиотеку. Отдав книгу Стиву и полюбовавшись его изумленным лицом, у тихо исчезла.

Не знаю, что теперь будет. Мне тяжело писать об этом. Вероятно, это война.

Часть 10. Фиолетовый угол

На белой дороге танцевал грустный клоун. Белое раскрашенное лицо, бледный рот, черные глаза—он был странным. Еще более странными выглядели черный костюм-тройка не по размеру и высокий цилиндр, который сползал до ушей.

Когда мы встретились, он сидел на белом камне, настолько высоком, что мне пришлось поднять голову, чтобы рассмотреть его худую долговязую фигуру.

—Что ты там делаешь? —спросила я.

—Стережу тебя. Чтобы не пропустить.

—А почему так высоко?

—Этот переходный мир —самый ближайший к твоему. Не хочу, чтобы кто-то перехватил тебя раньше меня, —ответил он, прыгивая вниз.

И вот теперь клоун танцевал, не давая мне возможности идти вперед.

—Ты похож на гробовщика, —сказала я, наблюдая за очередной серией приседаний, подпрыгиваний и поднятий цилиндра.

Клоун остановился и уставился на меня. В его глазах плавала тьма, до того густая и непрозрачная, что я невольно содрогнулась. Даже не пытаюсь улыбнуться, он спросил:

—Если в комнате плавают синие сумерки, почему один угол у нее фиолетовый?

Я посмотрела на него с недоумением.

—Вероятно, потому, —начала я, — что где-то в этом углу или за стеной имеется источник света.

Едва я это проговорила, дорога исчезла. Я стояла в маленькой квадратной комнате. Густые синие тени пожирали весь свет, только правый угол светился фиолетовым.

—Какого именно? —раздался ниоткуда холодный голос.

—Красного. Синий и красный дают фиолетовый.

—Хоть что-то ты знаешь, —пробормотал клоун. —Багровый. Он даст глубокий темный фиолет. А алый даст более светлый фиолетовый. —Клоун помолчал. —Входи.

Я вошла в багровое. В центре большого, пылающего оттенками грозового заката, зала сидел юноша лет пятнадцати в позе лотоса. Он был очень худ, почти изнеможен, так, что косточки ключиц и таза выпирали словно крылья. Меня поразили его уши, большие, с вытянутыми мочками, которые касались плеч. Вокруг юноши, уткнувшись лицами в пол, неподвижно лежали люди.

—Что они делают? —спросила я, когда мы, перешагивая через склоненные спины, прошествовали к двери, к которой иначе попасть было невозможно.

—Молятся ему.

—Он еще такой юный. Что он может дать им?

Клоун хмыкнул.

—Он подрастет, это же не проблема. Станет взрослым мужчиной. И будет иметь столько женщин, сколько захочет.

—Зачем ему это?

—Зачем мужчине женщины? Хотя бы для того, чтобы поддержать уверенность в себе, —ответил он и язвительно добавил: —Когда мужчина любит одну женщину, неистово и страстно, а она не отвечает ему тем же, он становится нерешителен и осторожен. Он вымеряет каждый шаг и каждое слово, опасаясь чем-то обидеть или рассердить ее. Он боится потерять ее больше, чем свою жизнь.

Я покосилась на него виновато, но ничего не возразила—он открыл дверь. За дверью багровое стало еще темнее. Мы прошли по темно-красной траве мимо гнущихся под сумасшедшим ветром деревьев, роняющих темные листья, и остановились у круглого озера цвета темного вина. Оно выглядело мелководным, это озеро со стоячей водой, такой густой, словно кисель. Не пели птицы, не цвели цветы—этот мир казался больным или мертвым, что, по сути, одинаково угнетало.

На берегу сидел мужчина в коричневом дождевике с надвинутым на глаза капюшоном. Он держал в руках удочку, только вряд ли можно считать рыбаком того, кто не удосужился привязать к удилищу леску. Удочка была бутафорией. Как и все вокруг.

—Какую рыбу ты предпочтешь? —спросил мужчина мелодичным грудным голосом. —Красную или голубую?

Оглянувшись, я поняла, что клоун исчез.

—А какая между ними разница?

Я подошла к странному человеку, не понимая, что происходит.

Перед ним на плоском камне лежало две рыбины—багровая, большая и сильная, и бледно-голубая, более изящная, с отливающей перламутром чешуей.

—Красная сильная. Мощная, безжалостная. Она пожирает мелких рыб и оттого становится еще сильнее. Голубая мечтательная, тонкая, изысканная. Она дает ощущение легкости и доброты.

Кажется, он говорил не о рыбах.

Клоун со своими намеками о мужчинах... Теперь этот странный человек...

—Я не ем рыбу, —ответила я.

Человек вскинул на меня темные глаза с воспаленными белками, и я на мгновение увидела измученное лицо с глубокими морщинами, лицо аскета и мудреца.

—Тебе придется выбрать, —сказал он сурово. —Два мира—террианцев и раввианцев— всегда жили обособленно друг от друга. Они сторонились любых контактов и общений. Теперь они стоят на пороге полномасштабной войны, которая может разрушить обе цивилизации.

—При чем здесь я?

—Ребенок, принадлежащий к обоим мирам, на пороге взросления должен выбрать один из них, чтобы поселиться в нем.

—Почему я должна это делать? Мой отец террианец. Моя

мать реввианка. Я имею право жить в обоих мирах.

—Всегда выбирается только один мир, —покачал головой мужчина. —Если ребенок не может выбрать самостоятельно, его понуждают к этому.

—Каким же это образом?

—Создают ситуацию. Ставят в условия, которые заставляют сделать выбор. —Мужчина замолчал. Потом продолжил: —Твой отец очень любит тебя. И балует. Он возвысил мужчину, которого считает подходящим для тебя... Темный правитель силен, очень силен. Он хладнокровен, справедлив и безжалостен. Из него получится хороший правитель Счастливого мира. Он может защитить тебя от всех и всего. И он любит тебя. Страстно и отчаянно.

—А чем же меня привлекут раввианцы? —спросила я насмешливо. —Пока еще не наблюдалась голубая рыба.

—Может быть, тебе так только кажется? —спросил мужчина, и я сжалась от воспоминания, которое сидело у меня в голове словно крючок.

Помолчав, я спросила:

—И что теперь?

—Ступай в озеро.

—Нет.

Я с отвращением покоилась на густую вязкую жидкость.

—Ступай в озеро, —повторил мужчина сурово и холодно.

Что-то в его тоне излечило меня моментально от желания возражать. Я вошла в воду—и она проглотила меня.

Я стояла в большой багровой пещере. У дальней ее стены раскачивалась металлические шарики, которые жители Земли называют маятником Ньютона.

—Почему останавливается маятник? —спросил женский голос, и из багровых сумерек выплыла высокая фигура в длинном белом платье. —Он ведь мог бы раскачиваться вечно.

—Кажется, из-за противодействующих сил, —ответила я.

—Вот именно, противодействующих сил, —отозвалась женщина. —Два мира, столкнувшиеся друг с другом, способны разрушить жизнь, уничтожить ее. —Женщина помолчала. —Посмотри, он уже замедляется. У тебя осталось очень мало времени.

—А что будет, когда он остановится?

—Тебе придется выбрать.

—Кто вы такие, чтобы ставить мне такие условия? —воскликнула я возмущенно, и в тот же миг оказалась на берегу озера.

—Слуги жизни, —ответил мужчина.

—Мой отец, Великий, называет себя жизнью. Вы служите ему?

—Это не совсем так, —ответил мужчина. —Слуги Жизни находятся вне миров. Мы стоим на границе этих миров, сохраняя и защищая жизнь. Наша задача—соблюдение равновесия. Ни один из миров—Счастливым или Благословенный— не должен стать главенствующим. Они равны и долж-

ны оставаться равными. До сих пор равновесие соблюдалось за счет законов, принимаемых мирами. Их жители соглашались с решениями полукровок, какими бы они не были тяжелыми для одной из сторон.

—И что, по-вашему, случится, если я выберу раввианцев?
—спросила я, помолчав. —Вы в самом деле считаете, что мой отец и Темный правитель примут мой выбор?

—Маятник скоро остановится, —ответил странный рыбак. —Выбор за тобой.

Комментарий к второй главе.

—Странное чувство, дитя мое. Никогда не говорил с тобой о первобытном мире.

—Великий?!

—Но поскольку мы все-таки говорим, может примешь мои извинения за сегодняшний инцидент?

—Я ничего не сделала. Но Ариэль...

—Он очень любит тебя и боится потерять. Тебе следует принять во внимание его состояние и не провоцировать его на необдуманные поступки. Он теперь правит Счастливым миром. И с сегодняшнего дня ведет войну. Теперь уже по-настоящему, а не только обменом пожарами и потерями. Тебе следует понимать, что контакты с врагом следует ограничить.

—Они мне не враги.

—Может быть. Но я бы не был так уверен в этом, дитя мое. Твоя мать мертва. Она—единственное, что тебя связывало с Благословенным миром, и единственная, кому ты могла доверять. Ты не знаешь ни раввианцев, ни того, что у них на уме. Они могут нести спасение своему миру, но это спасение, может статься, обернется твоей смертью.

—О чем ты говоришь?

—О силе, которая расцветает в тебе. Оба наших мира с восхищением и ужасом наблюдают, как она растет с каждым

мгновением. Но эта сила не только твое благословение, но и проклятие. Я бы поостерегся доверять кому бы то ни было в твоём положении.

—А ты? Тебе я могу доверять?

—Я твой отец. И я люблю тебя больше жизни. Я сделаю все что угодно для того, чтобы ты была счастлива.

—Я тебя не помню.

—Понимаю. Но может быть, надо дать нам шанс узнать друг друга получше, прежде чем рубить мосты?

—Хорошо. Я подумаю.

—Благодарю. Ты не пожалеешь.

—Расскажи, почему ваши миры так враждуют между собой? Ведь вам по сути нечего делить. Оривна—пылающая ночь— бесконечна, в ней могут разместиться не только два ваших острова, но и миллионы других островов.

—Она действительно бесконечна. Кроме двух наших миров в ней есть еще более мелкие острова. Королевство серебряной луны—самый большой из близлежащих к нам. Понимаешь, мы не можем далеко путешествовать. пылающая ночь сжигает все, что в нее попадает, и дальние путешествия заканчиваются всегда смертью. Потому мы ограничены количеством соседей. Благословенный мир—самый ближний к нам. Наше развитие шло разными путями. Мы действительно очень далеки друг от друга.

Раввианцы предпочитают демократию. Я не считаю демократию чем-то постыдным, однако мой долгий жизненный

опыт показал, что размывать власть—себе дороже, потому я воздержался от предоставления свободы своим детям. Я люблю их и оберегаю от ошибок. В ответ они платят мне полным подчинением и уважением к моим решениям. Мы построили свои цивилизации богов на основе физических и духовных миров, которые ты называешь вечностью. Вечности и их множественность дают нам энергию и силу. Одна такая вечность как твоя словно батарейка может питать небольшую провинцию на протяжении нескольких периодов.

—А что с ними происходит потом?

—Как и любая батарейка, она рано или поздно выдыхается. К сожалению, еще не создана вечность, которая бы самовосстанавливалась и двигалась вперед, совершенствуя и питая себя. Энергия всегда конечна. Так было всегда. Единственно что бесконечно—это Источник жизни. Но к нему мы только стремимся.

—Хочешь сказать, что в твоём мире все живущие могут создать вечность?

—Не все, но многие. Все мои дети довольно талантливы в этом смысле. И каждый экспериментирует в своих провинциях с созданием новых очагов энергии и силы. Чем больше таких очагов, тем сильнее провинция.

—Если вы используете вечности как батарейки, то что происходит с бедными существами, живущими в них?

—Не надо так расстраиваться, дитя мое. С ними как раз все в порядке. Мы же не высасываем из них энергию. Лю-

бое живое существо в процессе жизни поглощает и излучает энергию. Это естественный процесс обмена. Сжигая одно, рождаешь другое. Если бы человек в твоём мире на охлаждался окружающей средой, он давно бы уже сгорел, потому что процесс выработки энергии идет непрерывно. Мы просто забираем ее излишек, охлаждаем вечность, чтобы она не вспыхнула как факел.

—А что влияет на качество вырабатываемой энергии?

—Мысли и чувства живущих в ней существ.

—А раввианцы? За счет какой энергии существует их мир?

—Все за счет этой же. У них немного другая шкала ценностей, но принцип тот же самый. Они получают энергию из миров, которые создают. Может быть, у них есть еще какой-то источник энергии, но мне о нем ничего не известно.

—А мама разве ничего не рассказывала тебе о своем мире?

—Наши миры никогда не жили дружно. Твоя мама любила свой мир. А я любил твою маму.

—Понимаю. Прости.

—Я очень скучаю за ней, любовь моя, и очень боюсь потерять тебя. Поэтому тебе следует принять мое решение. Тебя будут ограничивать в посещении Благословенного мира.

—Но отец!

—Я так решил.

Глава третья.

Заблудившиеся в пустоте

Часть 1. Остров Золотого света

Мой белый конь шел по пылающей ночи, в мире без времени и дороги, когда неожиданно впереди разгорелась золотая точка. Серебряные копыта застучали по гулкой тишине словно набат—конь рванулся к свету и через мгновение мы стояли у переливающегося всеми красками прочного шара, похожего на мыльный пузырь. Внутри него весело играл свет, там была жизнь. Шар казался огромным —я ощущала его форму, но не могла охватить ее.

Неожиданно в моей голове что-то щелкнуло—и я увидела странное лицо.

—Ну что же ты, —сказало лицо, ласково глядя на меня серебряными глазами, обрамленными длинными белыми ресницами. —Входи, не бойся. Тут тебя никто не обидит.

Я тронула поводья—и мы прошли сквозь тонкую плену. На меня пахло ароматом степи, только что напоенной дождем. Широкая равнина, покрытая ярко-красной травой, уходила к горизонту. В том месте, где кирпичное небо соединялось с землей, поднимался белый город.

—Ты кто такая? —спросил меня тихий голос.

Красивая красно-желтая бабочка величиной с голубя села мне на плечо, и я узнала серебряные глаза.

—Я ... просто путешествую, —ответила я.

—Ищешь новые острова?

—Острова?

—Острова жизни. Капельки, сверкающие капельки жизни среди пылающей ночи.

—Мне просто хотелось побыть одной. Я наткнулась на ваш остров совершенно случайно.

—Ничего не происходит случайно, —ответила бабочка.

—Тебе понравится у нас. Мы живем в мире и согласии, никто никого не обижает, не причиняет боль. Хочешь посмотреть город? Наш остров небольшой, всего несколько ячеек. И один правитель.

—Хочу, —ответила я.

—Тогда лети.

Я не понимала, почему я должна лететь, а не ехать, но все решилось само собой. Когда мой конь сделал следующий шаг, долина растаяла, остался только прозрачный розовый свет. Мы полетели в нем, следуя за ниткой золотого тумана, оставленной бабочкой.

Я увидела город, когда уже устала от полета в розовой пустоте. Он парил как белая птица, вернее, он скорее напоминал сладкую вату—такой же пушистый и плотный, как белое облачко. Мы врезались в него, и я ощутила мягкий захват.

Что-то гибкое и податливое словно резина ласково сжало меня—и через мгновение я увидела белый светлый зал с видом на горы.

У арочного окна спиной ко мне стояла высокая фигура в золотой накидке, очертания которой текли и менялись. Я подошла и встала рядом, глядя на расстилающийся за хрустальными стеклами пейзаж. Мы смотрели на горную страну с высоты птичьего полета, словно дом находился на уступе скалы. Внизу расстилалась долина с высокими деревьями и зеленой травой, а на снежных шапках гор играли солнечные лучи. Я не видела солнца, но ясно ощущала теплоту и мягкость золотистого света, льющегося из невидимого источника.

—Здесь все, как в твоём мире? Привычно для тебя? —спросил мягкий голос.

Фигура обернулась ко мне и стала меняться. Скоро передо мной стоял высокий и красивый мужчина лет сорока с короткими кудрявыми волосами цвета спелой ржи, румянцем во всю щеку и яркими голубыми глазами. На плечах появилась туника, на ногах сандалии.

—Так лучше? —спросил он. —Кажется, этот тип наиболее соответствует твоим ощущениям.

—Спасибо, —ответила я.—Но я бы предпочла ваш естественный вид.

—Это успеется, —отозвался он. —Нам любопытно ощутить мир, откуда ты пришла. —Он внимательно посмотрел

на меня. —Ты очень красива. Это видно даже сквозь оболочку формы. —Он приняхался. —Какой запах! Мед и какой-то цветок.

—Это лилия. Мед и лилия.

—Лилия?

Он мечтательно прижмурился.

—Белые цветы с продолговатыми лепестками.

Он молча кивнул, не сводя с меня глаз.

—Твой внутренний свет напоминает свет нашего источника.

—Источника?

—Наш мир называется Остров Золотого света. Золотой свет—то, что питает остров, дает ему силу, защищает от пылающей ночи.

Мужчина с видимым усилием отвернулся и стал смотреть в окно.

—Надо понимать, это застывшая лава?

Он кивнул в сторону гор.

—Да, —ответила я растеряно.

—А белые шапки —застывший кислород?

—Вода. Она присутствует в разном состоянии.

—Понимаю. Смесь прочих элементов с кислородом. Газ, жидкость, твердое состояние зависит от температуры?

—Да. —Я помолчала потом спросила: —А как выглядит ваш мир?

—Да, как угодно, —ответил он—и комната растаяла.

Я увидела странный город. Он состоял из больших красивых зданий округлой формы. Мягкий податливый материал, вероятно, мог принять любую форму, какую пожелаешь. Может быть, об этом говорил правитель?

—Мы предпочитаем обходиться без прямых углов, — слышался его голос. —Они выглядят неэстетично.

Он взял меня за руку—и мы перенеслись вниз, на зеленый луг. Подойдя к дереву, я положила ладонь на ствол и повернулась к своему собеседнику.

—Не так, — сказала я. —Дерево вырастает конями в землю, которая питает его. По стволу дерева течет сок, который питает листья, цветы и плоды.

Он внимательно выслушал—и под моими руками мертвое дерево ожило. Я почувствовала, как сок течет по стволу, наполняя его жизнью.

—Очень интересно.

Мужчина закивал, оживляя долину, превращая холодный нарисованный мир в яркий и живой.

Мелькнул краешек платья—невысокая белокурая женщина с убранный вокруг головы косой, в очках в тонкой оправе, сквозь которые поблескивали живые серые глаза, пригласила нас к столу. Усаживаясь под деревом в высокое кресло и осторожно касаясь фарфоровой чашки, я спросила:

—Но откуда...?

—Из ваших мыслей, разумеется, —отвечал правитель. — Не волнуйтесь. Всего лишь поверхностные воспоминания.

—Он помолчал, рассматривая темно-коричневый напиток в чашке. —Никто не может прочесть, о чем вы думаете. Что это такое?

—Чай, —ответила я.

Правитель осторожно отхлебнул.

—Очень даже неплохо. —Он улыбнулся. —Тонизирует и горчит немного. А сладость откуда?

—Это сахар.

—Глюкоза?

—Да.

Он кивнул и снова отхлебнул из чашки.

—Еще очень вкусно—клубника со сливками, —сказала я, улыбаясь.

—Клубника? Можете подумать?

Я зажмурилась —и словно в сказке передо мной появилась тарелочка с большими спелыми ягодами, а рядом вазочка со сливками.

Правитель осторожно взял ягодку в рот—и мечтательно прижмурился.

—Великолепно! —воскликнул он. —А как растет эта ягода?

Я объяснила. Он подробно выпросил все, что я могла вспомнить, и скоро вокруг нас сначала расцвели цветы, а затем зазеленели и покраснели ягоды.

Пока мы разговаривали, среди деревьев уже собралось большая толпа жителей города. Радостно блестя глазами,

они осторожно выглядывали из-за стволов, с любопытством рассматривая меня.

—Вы привлекаете их, —сказал правитель. —Ваш запах и свет.

Он посмотрел на меня задумчиво и кивнул женщине. Она обошла поляну, собирая ягоды, и вернулась с большим блюдом, полным клубники.

—Это для служителей золотого света, —пояснил мужчина и поднялся. —Думаю, вам стоит повидаться с ними.

Он взял у женщины блюдо— и мы перенеслись под своды какого-то древнего сооружения, напоминающего индийский храм, немного вычурного, со множеством барельефов и каменных фигур. Поставив блюдо на возвышение у дальней стены, правитель склонился перед чем-то невидимым мне — и исчез. Я осталась стоять рядом с блюдом, наблюдая как стена становится прозрачной и наливается ярким золотом. Неожиданно мир вспыхнул—и исчез.

Я повисла в пустоте, в центре которой бился столб ослепительного золотого света. Он напоминал золотые брызги, фонтан капель, каждая из которых была яркой и живой.

—Как тебя зовут? —спросил тихий низкий голос.

—Илания.

—Я знаю, кто ты. —Голос помолчал. —Спасибо за ягоды.

Они душистые и сладкие. Ты знаешь кто я?

—Жители называют тебя источником золотого света.

—Название не хуже и не лучше любого другого. Так поче-

му бы нет? —отвечал свет. —Я создал этот маленький остров. Заселил его. Я забочусь о процветании и благополучии его жителей. В пылающей ночи есть и другие острова. Они словно пузыри на ее поверхности. За их пределами никто не может жить.

—Ты знаешь о других островах?

—Разумеется. Ты спрашиваешь о раввианцах и террианцах? Мои дети не общаются с ними. Портальные перемещения у нас запрещены. Но они могут переговариваться и знают последние новости. Это как... телевизор, понимаешь? Мы знаем, что острова воюют. Но ты ведь здесь не за этим, не так ли?

—Нет. Мне просто хотелось побыть одной.

—Ты ищешь способ избавиться от настойчивого ухода мужчины, которого не любишь, —сказал свет. —Его любовь тяжела и темна, она словно камень на твоей шее.

—Я пришла сюда не за этим.

—Знаю. —Свет помолчал. —Иногда проблема гораздо серьезнее, чем может показаться на первый взгляд. Я могу помочь.

Мне в ладони упал сгусток света.

—Возьми. Это поможет снять напряжение и успокоит его жажду.

—Спасибо. — Я разжала ладонь. —Я не могу принять. Извини, я не привыкла к чужой помощи. Я тебя совсем не знаю.

—Ты дерзкая, — ответил свет, и шарик исчез. —И смелая. Не принимаешь подарков. —Свет помолчал. —Я все равно помогу тебе. По-другому.

—Как? —вздыхнула я.

—Скоро узнаешь.

—Можно мне обнять тебя? —спросила я.

—Войди, —рассмеялся свет.

Я шагнула в золотистое марево. Оно было теплым, мягким, полным радости.

—Что ты такое? —спросила я с восхищением.

—Энергия, живая энергия, —ответил свет. —Не беспокойся ни о чем, —говорил он, нежно баюкая меня. —Черный конь никогда больше не сможет обидеть тебя.

—Черный клоун? Почему ты называешь его черный конь?

—Его так называют там, откуда он пришел. Ему нравится превращаться в черного коня с золотой гривой.

—Значит, он —не смерть.

—Он обманывал тебя. Смерть—это вид энергии, живой энергии. Как и другие энергии, она циркулирует по вечности. Черный конь просто умеет управлять ею, подчинять себе, использовать в своих интересах. Она останется, как и многое другое. Пока не исчезнет вечность.

Часть 2. Остров дождя

Дождь лил не переставая, серый, унылый, усталый. С тех пор как мы вместе с моим белым конем вынырнули из пылающей ночи и встали на пустынную дорогу, прошло довольно много времени, но дождь даже не думал прекращаться.

Я нашла этот остров случайно, когда искала место, где меня никто не мог найти. Остров появился просто перед нами, и мы врезались в него, словно нож в масло.

По обеим сторонам дороги тянулась серая равнина, сплошная грязь, месиво, в котором ничего не росло. Остовы одиноких деревьев стояли голыми, без листьев. Ни птиц, ни животных—только пелена дождя. Я уже вымокла до нитки, когда впереди показался город.

Он встретил меня тишиной. Редкие прохожие, закутанные в длинные прорезиненные плащи, бросали на меня обеспокоенные взгляды и быстро исчезали в одноэтажных добротных домах, больше подходящих какому-нибудь зажиточному помещику. Я уже добралась до городской площади, где находилось золоченое здание, похожее на храм, окруженное высокой белой стеной, когда один и прохожих поднял голову и посмотрел мне в глаза.

Что-то его поразило во мне. Он отшатнулся и пробормотал:

—Свет, в тебе свет.

Вцепившись в поводья моего коня, он завопил как ненормальный:

—Дитя дурмана! Дитя дурмана!

Вокруг нас чрез мгновение собралась огромная толпа, возбужденная до невозможности.

—Убить ее! —кричали эти люди. —Она рождает напрасную надежду! Она носит в себе солнце, которого никогда не будет!!

Сотни рук потянулись ко мне, и наверное бы стащили с коня, но в этот момент ворота храма открылись, и несколько высоких мужчин в золоченых накидках бросились ко мне.

—Назад! —проревел голос, и толпа нехотя отступила.

Взяв по уздцы моего коня, один из мужчин ввел его внутрь просторного двора, выложенного белым камнем. Остальные, разогнав толпу маленькими светящимися жезлами, последовали за нами, и белые ворота закрылись.

Едва это случилось, дождь прекратился. Подняв голову, я увидела, что храм и территория вокруг него накрыты золотистым куполом, который создает иллюзию солнечного света. Двор был забит людьми. Они сновали по своим делам между храмом и множеством хозяйственных построек. Это был целый комплекс зданий, объединенный куполом и высоченной стеной.

Мужчина помог мне сойти с коня и жестом пригласил войти внутрь храма. Там нас ждали похожие на него высокие бритоголовые мужчины, все находившиеся в расцвете муж-

ской силы и красоты.

—Госпожа, — произнес один из них, низко кланяясь, — мы надеялись когда-нибудь увидеть тебя. Жаль, что это произошло в столь неблагоприятный для нашего острова момент. Наш хранитель покинул нас, и остров умирает. Мы давно не видели ничего, кроме дождя. Здесь, за стенами, мы еще сохранили остатки света, который скопили своими молитвами к хранителю. Мы собираем здесь самые чистые, самые светлые души, отыскивая их в отдаленных уголках острова. Лучших из них мы посылаем туда, за багровую пелену. — Мужчина указал на возвышающуюся в дальнем конце храма стену багрового тумана. — В надежде, что мольбы и молитвы чистого создания умилюстивят хранителя, и он вернется. Но пока все они исчезали в стене безвозвратно.

—А о чем же они просят хранителя? Что могут дать ему? —спросила я задумчиво. —Я ощущаю здесь только страх и надежду. И совсем не чувствую любви.

Большие карие глаза посмотрели на меня с печалью.

—Ты права. Мы все очень боимся. Страх застилает все остальные чувства. Но избранников мы учим самопожертвованию и смирению. Разве не это должен испытывать избранный?

—Не думаю, что жертвенность и смирение нужны вашему хранителю, —ответила я, качая головой. —Хранители— существа высокоэмоциональные и тонко чувствующие. Вряд ли ваше смирение смягчит его.

Повинуясь какому-то неясному порыву, я оставила коня и, накинув предложенный плащ, вышла за ворота храма. Натянув пониже капюшон, я побрела по мокрым, заливаемым дождем, улицам, сама не зная, что ищу. Неожиданно мое сердце пропустило удар— я увидела фигуру в дождевике, которая что-то искала у серой стены. Осторожно, стараясь не привлекать внимания, я подошла к ней и встала рядом, пытаюсь хоть что-то рассмотреть сквозь пелену дождя.

Девушка было совсем молоденькой, лет шестнадцати, не больше. Маленькая, изнеможденная, почти прозрачная, она склонилась над маленьким серым комочком, который поливал дождь. Котенок выглядел таким же несчастным и беспомощным, как и ребенок, который взял его на руки. Девушка прижала малыша к груди и подняла на меня полные слез огромные серые глаза.

—Его выбросили умирать, —прошептала она дрожащим голосом. —Животных нечем кормить, вот их и выбрасывают.

Я шагнула к ней, но она испуганно отшатнулась и прижала жалобно пискнувшего котенка.

—Не бойся меня, —сказала я ласково. —Я не обижу. Твой плащ совсем прохудился. Идите под мой, я провожу вас до дома.

Две пары серых глаз уставились на меня доверчиво и скорбно. Котенок снова запищал и уткнулся носом в маленькую руку. Девочка шагнула ко мне и дрожа, прижалась, та-

кая же мокрая и несчастная, как ее новый друг. Стараясь не заплакать, я накрыла их плащом, и мы молча побрели в сгущающихся сумерках.

Квартал, в котором жила девочка, состоял из невысоких серых домов и выглядел довольно уныло на фоне особняков центральной части города. Она открыла дверь, и мы оказались внутри простого деревенского дома. Лавки у стен, небольшой диван в углу, стол, стулья, деревянный стеллаж с книгами у дальней стены—все выглядело стареньким, но чистым.

—Входите, прошу вас, —сказала девочка и, выбравшись из-под плаща, побежала с котенком к дивану. Уложив малыша на старенькое серое одеяло, она стала бережно вытирать мокрое тельце полотенцем, позабыв обо мне и, кажется, обо всем на свете.

Я стояла на пороге, наблюдая как вокруг меня образуется лужа воды, когда заметила какое-движение в плавающих у стен тенях.

Мне навстречу медленно вышел большой лохматый пес, с темно-коричневой шерстью и разорванным, уже зажившим, ухом. Осторожно поведя ушами, он повернулся и посмотрел на свою хозяйку, которая возилась с котенком, потом на меня. Наконец, решившись, он протопал остаток разделяющего нас пространства и уткнулся мокрым носом мне в ладони.

Это послужило сигналом остальным жильцам странного дома. За псом появился пушистый белый кот с яркими си-

ними глазами, за котом—змея с переливающейся алой кожей. Зашелестели крылья—мне на плечо уселась разноцветная птица, похожая на попугая с длинным хвостом.

—Я их побрала на улице.

Девушка оторвалась от котенка, который, совершенно оправившись, зевал, поглядывая вокруг серыми бусиками глаз.

—А чем ты их кормишь?

—Объедками, которые выбрасывают из богатых домов, — ответила она. —Ничего, нам хватает.

—А где твоя семья?

—Умерли от голода, —ответила девушка и склонила русую головку.

Неожиданно она побледнела и без звука упала на пол маленького бедного дома. Я бросилась к ней и, обхватив худенькое тело, осторожно приподняла голову. Она едва дышала. Птица беспокойно закричала, собака и кот бросились к своей хозяйке, тыкаясь в ее руку. Я обняла девочку, прижала ее к себе и заплакала, надрывно и горько.

Я плакала о мире, в котором умерла любовь. О тех, кто потерял, не уберег ее. Я плакал о девочке, которая может быть последняя на этом треклятом острове, знала, что это такое и которая сейчас умирала у меня на руках.

—Это от голода, —сказал негромкий бархатный голос, и в комнате стало светло. —В тебе столько боли, что я не мог не услышать.

Юноша в расцвете красоты и силы, высокий, золотоволосый, светлоглазый, с нежным румянцем и милыми ямочками на щеках, стоял у порога, сложив на руки на груди, и смотрел на меня с печалью.

Потом он перевел взгляд на девочку, лежащую без чувств у меня на руках. На котенка на кровати. На лохматое и пернатое сообщество, которое таранилось на него вместе со мной – и что-то дрогнуло в его глазах. Переменившись в лице, он, забыв о своей надменности, бросился к девочке и, опустившись перед ней на колени, бережно взял ее из моих рук.

Заливаясь слезами, я смотрела как дрожат его руки, как он жадно и ласково смотрит в нежное девичье лицо. Он осторожно провел ладонью по ее щеке, серые глаза открылись и доверчиво посмотрели в его лицо. Мужчина побледнел так сильно, что я подумала, он упадет. Весь мир сосредоточился во взгляде, которым он смотрел на девочку.

—Кто ты? —спросила она с восхищением.

—Твой муж, дитя мое, —ответил он, нежно целуя ее озябшие руки. Потом поправился и добавил: —Если ты этого захочешь. Я унесу тебя отсюда за багровые облака, туда, где тебя никто никогда не обидит, где тебе никогда не будет больно.

—А мои друзья? —девочка испуганно прижала к себе лохматого пса, который, как замороженный, смотрел на юношу.

—Они пойдут с нами, — рассмеялся юноша, глядя русую головку.

Он поднял на меня сияющее лицо, по которому катились слезы.

—Я искал любовь, — сказал он, — и думал, что никогда уже не встречу ее.

Поцеловав девушку в лоб, он осторожно уложил ее на диван рядом с котенком, потом улыбнулся—и я увидела в его руках маленькую бутылочку с соской на конце. Девушка радостно улыбнулась—и принялась поить котенка.

Юноша провел рукой по ее волосам, забирая остатки холода и слабости, и повернулся ко мне. Поток ярчайшего золотого света рванулся из него, и осветив домик, ударил в потолок.

Я услышала, как на улице радостно закричали люди и выскочила за дверь.

Дождь прекратился. Яркое золотое небо переливалось всеми красками радуги. К домику со всех сторон бежали ошеломленные, обезумевшие от счастья люди. Он падали на колени перед стоящим на пороге юношей, молитвенно протягивая к нему руки.

—Хранитель, — шептали они. —Хранитель вернулся.

Но он не слышал их. Улыбнувшись небу, он обернулся и посмотрел на маленький дом. Ему навстречу, держа на руках котенка, вышла хрупкая девушка в простом сером платье с глазами, полными света. Он бережно прижал ее к себе, об-

легченно вдохнул и спрятал лицо в ее волосах.

Часть 3. Алтарь жизни

Меня убивали холод и снег. Разыгравшаяся ни на шутку вьюга валила с ног. В темноте снежинки казались постелью, белым саваном. Если бы не боль от их колючих игл, я бы, наверное, упала на ледяную корку и уснула. Неожиданно что-то коснулось моей руки. С трудом подняв тяжелые веки, я увидела фигуру, укутанную в белую шубу. За ее спиной маячили очертания трех громадных лохматых животных, похожих на одногорбых верблюдов. Их белые шкуры, запорошенные снегом, едва заметно мерцали словно светлячки.

Фигура с минуту молча стояла надо мной, потом сильные руки подхватили меня. Я почувствовала тепло, мягкую ткань одежды—и потеряла сознание.

Я очнулась от мерного покачивания и поняла, что сижу на странном белом существе, прижатая к груди мужчины. У нас была одна шуба на двоих, потому я не стала вырываться, впитывая странный покой и тепло, которого мне так не хватало. Могучие животные легко ступали по ледяной поверхности, похоже, их совершенно не беспокоили ни вьюга, ни холод. Два других верблюда тоже были с всадниками, укутанными до глаз в лохматые белые шкуры.

Я пошевелилась, и руки крепче прижали меня. Подняв голову, я увидела серые глаза, спокойные и ясные, но ничего не прочитала в них, кроме доброжелательности и интереса.

Потому, успокоившись, закрыла глаза.

Когда я снова очнулась, то поняла, что сижу, укутанная в белый плед, в кресле у камина, в котором ярко полыхает огонь. Кресло оказалось таким большим, что я полулежала в нем, прислонившись спиной к высокой спинке.

—Что она делала, совершенно раздетая, в ледяной пустоши? — говорил тихий холодный голос. — Неужели кто-то бросил ее там умирать?

—Мы не нашли никаких следов чужого присутствия, — ответил мягкий баритон. — Похоже, девушка самостоятельно переместилась сюда.

—Одна? В легком платье? — возразил собеседник баритона с иронией. — Это все происки огненных. Она их шпион.

—Угомонись, наконец, — прервал диалог третий голос, низкий и хриплый.

—Смотрите, она, кажется, очнулась, — вмешался баритон, и надо мной склонился владелец прекрасных серых глаз.

Пришлось признать, что лицо было им под стать. Передо мной стоял красивый бледный мужчина с узкими скулами, властным подбородком и красиво очерченными губами. Волосы, снежные, с серебристым отливом, тускло сияли в свете, идущем от камина. По мере того, как мужчина всматривался в меня, его зрачки расширялись, а глаза потемнели до цвета грозового неба.

—Золотые глаза, — прошептал он восхищенно. — Идеальная.

—Что?

Послышался грохот опрокинутого стула, и надо мной склонились еще две пары серых глаз. Мужчины, несомненно, были братьями. Старший, тот, кто подобрал меня, выглядел спокойнее и уравновешеннее всех троих. Средний, пониже ростом и с более короткими волосами, смотрел доброжелательно и с восхищением. Самый младший из всех, высокий, тонкий, надменный, с более светлыми, почти прозрачными глазами, показался мне самым красивым. Его длинные волосы мерцали словно расплавленное серебро.

Словно дикий зверек, я зарылась в плед, сердито сверкая глазами, и мужчины отступили. Через минуту мне вручили большую кружку с горячим сладким напитком похожим на шоколад. Я погрела об нее руки, но не стала пить. Подняв глаза, я заметила, что мужчины стоят в двух шагах от меня, внимательно меня рассматривая.

Нахмурившись, я сбросила одеяло и встала.

—Золотоглазая, —прохрипел младший мужчина с серебряными волосами, потом нехорошо ухмыльнулся и сделал шаг ко мне.

—Назад, —бросил старший брат холодно. —Еще один шаг и, клянусь, я перережу тебе горло.

В глазах младшего мужчины сверкнул злой огонек, и он замер на месте.

—Что ты делаешь здесь? —спросил старший брат властно. —Одна, без хранителей? Как оказалась в ледяной пусто-

ши?

—Не знаю, —ответила я спокойно и, снова опустившись в кресло, стала смотреть на огонь. —Иногда это происходит помимо моего желания.

—Странно, что ты оказалась именно здесь, и именно сейчас, —продолжал старший брат.

—Почему у вас так холодно? —спросила я, никак не отреагировав на его замечание. —Вы любите зиму?

—Не до такой степени.

Мужчины подвинули к огню кресла и неторопливо уселись в них. Я почувствовала на себе взгляд младшего брата, тяжелый, мутный, жадный и невольно поежилась.

—В ходе войны оболочка острова оказалась в нескольких местах пробита, —пояснил старший брат. —И теперь остров умирает. Все вокруг покрывается льдом. Ты и сама все видела.

—Война? С кем вы воюете?

—С огненными, —ответил средний брат. Я чувствовала его доброжелательность и странную тихую радость, замешанную на надежде. Слово он ждал от меня чего-то, но только я не знала чего. —Наши острова соединены между собой перешейком, дорогой, понимаешь? Это из-за хранителя островов. Он у нас один на двоих. Именно потому очень давно наши острова заключили договор. Мы всегда жили достаточно дружно несмотря на существенные различия в мировоззрении и культуре. —Он помолчал. —До недавнего

времени.

—Хранитель?

—Да. Это большой белый цветок. Он дает островам свет и силу жизни. Он находится на территории ледяных, — пояснил старший брат. — На нашей территории. После начала войны цветок неожиданно покрылся льдом. Мы думали, что он умер, но под тонкой корочкой пульсирует свет. Цветок не откликается ни на наши мольбы, ни на наши слезы.

—А что случилось? Почему началась война?

Младший брат беспокойно зашевелился, но под взглядом старшего замер.

—Это из-за женщины? — догадалась я, заметив, как побледнел младший брат. — Судя по всему, ваш младший брат довольно небрежен в обращении с ними.

—Ты не смеешь..., — взвился серебряноволосый.

—Сядь, — отрезал старший, и младший упал в кресло. — Ты права, — ответил он, прикрыв глаза рукой. — Мой брат неразборчив в связях с женщинами и не терпит отказа. Он похитил девушку на острове Золотых облаков. Она сестра правителя. Ее братья были вне себя. Это и послужило причиной войны.

—Почему вы ее не вернете? Не остановите это безумие?

—Вернуть девушку означает показать свою слабость, — ответил старший мужчина холодно. — Как правитель Острова серебряных облаков я не могу такого позволить.

—Может быть, ваш брат так привязан к ней? — спросила

я.—Или они любят друг друга?

Младший презрительно фыркнул, а двое других посмотрели на меня с жалостью.

—Я уже получил от нее все, что хотел, — процедил младший снисходительно. — Больше она меня не интересуется.

—Могу я увидеть девушку? — спросила я мрачно, оценив холодную безжалостность правителей к несчастной женщине, ставшей игрушкой их непутевого брата.

Они переглянулись и встали.

—Прошу вас, — старший брат подал мне руку.

Воздух в комнате замерцал — и мы очутились на зеленой лужайке, окруженной кустами с фиолетовыми цветами. В дальнем ее конце поднимался белый дворец, очень красивый, уютный и теплый. На фоне ярко-бирюзового неба он казался распустившимся цветком.

—Мы сохраняем в некоторых частях острова прежние условия жизни за счет куполов силы, — пояснил старший брат, заметив мое недоумение.

Мужчины сбросили свои меховые шубы и оказались в одинаковых серебристых костюмах, плотно облегающих стандартные человеческие тела. Они не были накачаны мышцами, но и не имели ни капли лишнего жира. Подтянутые, стройные и гибкие, они напоминали гимнастов. Или космических рейнджеров — на широких поясах у каждого крепились серебряные ножны.

Я думала, что девушку держат в каком-нибудь подземе-

лье, но жестоко ошиблась.

Она тихо брела, опустив голову, словно сомнамбула, среди фиолетовых цветов. Длинные медные волосы пушистым облаком окутывали смуглое лицо с детскими ямочками и мягким овалом подбородка. Она могла показаться милой, если бы не тусклый взгляд. Когда девушка подняла лицо, я ужаснулась — зеленые глаза, вероятно, когда-то яркие и живые, сейчас казались мертвыми, как у дохлой рыбы.

—Что вы с ней сделали? — прошептала я с горечью.

—Те, что обычно делают с непокорными женщинами, — ответил младший, щекоча волосами мое ухо. — Наложил печать подчинения. Теперь она делает все, что я не хочу.

—Тир, — процедил правитель и рванул младшего брата за руку от меня так, что тот чуть не упал. —Что тебе не ясно? Я дважды повторять не собираюсь.

—Я не могу, — ответил Тир, вырывая руку и злобно сверкая глазами. — Прости, но я не знаю, что со мной.

—То же, что и всегда, — припечатал старший брат с яростью.

—Похоже, у вашего брата проблемы с самоутверждением, — сказала я холодно. — Он поднимает свой авторитет за счет подавления слабых. И как правило, ими оказываются женщины. Я так понимаю, принцесса соседнего острова — это не единственный случай.

Девушка во время нашей перепалки стояла молча, опустив голову.

—Она может подойти? —спросила я.

—Мирана, — подало голос младшее чудовище, и девушка вздрогнула. —Подойди ко мне.

Словно заводная кукла, она подошла к мужчине и осталась стоять, не поднимая глаз.

—Подними голову.

Девушка подняла голову. Где-то в глубине зеленых глаз сверкнула такая ненависть, что я отшатнулась. Мужчина презрительно скривил губы и с отвращением посмотрел на девушку.

Кукла... Игрушка... Какая же мразь.

Я опустила голову и сказала глухо.

—Отведите меня к цветку.

—Нет, —ответил старший правитель холодно.

—Отведите меня к цветку, —повторила я в серые холодные глаза.

—Пусти ее, —вмешался средний брат и посмотрел на меня с жалостью. —Это наша последняя надежда.

—Нет, —повторил правитель и, сжав губы, бросил взгляд на поднимающееся на западе белое здание, похожее на пирамиду.

Я подумал, что найду цветок и без него. Потому просто закрыла глаза—и перенеслась, следуя тихому голосу, который звучал где-то в подсознании.

Внутри белой пирамиды царили холод и полумрак. Я прошла по белоснежным плитам в центр, где за невысокой ка-

менной оградой из белого мрамора в голубой почве рос белый цветок. Он напоминал королевскую лилию, только очень большую. Тонкий слой прозрачного льда покрывал изящные лепестки и голубую почву, и спускался изморозью по белым плитам.

Я понимала, что у меня мало времени, и скоро ледяные правители будут здесь. Осторожно стараясь на упасть, я прошла по сколькому льду и остановилась у ограды.

—Здравствуй, — сказала я цветку.

Тонкие лепестки слегка дрогнули, но цветок промолчал.

—Зачем ты убиваешь их? — спросила я. — Ты больше их не любишь?

И почувствовала отрицание как ответ.

—Это из-за войны, которую они ведут?

Меня наполнили горечь утраты и чужая боль. И еще разочарование, смешанное с печалью. Цветок говорил со мной чувствами, а не словами, но мы прекрасно понимали друг друга.

—Но острова — это не только холодные злые правители, которые обижают невинных девушек, — вздохнула я. — Но также милые лохматые существа с белой шерстью. И птицы. И трава. И солнечный свет. Разве они не заслуживают на жизнь?

Я почувствовала печаль. И еще что-то неясное. Неожиданно меня охватило чужое чувство стыда и унижения, и я, наконец, прозрела.

—Это из-за девушки, которую обидели.

Цветок печально вздохнул.

—Чего ты хочешь? —спросила я. —Помирить эти два народа очень трудно. Огненные ненавидят ледяных за оскорбление, нанесенное их сестре.

Я почувствовала, как что-то теплое коснулось моего живота.

—О, нет. —Я похолодела. —Девушка? Она что, беременна?

Цветок вздохнул.

—Ты хочешь, чтобы их поженили? Чтобы они заключили союз?

Тепло снова коснулось моего живота.

—Ради ребенка? Он объединит эти два рода в один? И больше не будет войны? Никогда?

Я почувствовала благодарность и печаль.

—Что ты сделала? —спросил потрясенно голос за моей спиной, и я очнулась.

Сначала я увидела, что земля вокруг цветка оттаяла, почва стала ярко-голубой, а над цветком танцуют искорки голубого света. Обернувшись, я наткнулась на три пары потрясенных глаз.

—Цветок хочет, чтобы они заключили союз, —ответила я, вглядываясь в побледневшее лицо младшего мужчины. —Девушка беременна.

—Что? —Мужчина смотрели на меня с недоверием и шо-

ком. — Это невозможно. У ледяных с огненными не бывает детей.

— Она беременна, — повторила я упрямо. — Так сказал цветок. Этот ребенок — залог мира между островами. И новой эпохи. Теперь у вас будут рождаться дети. И вы станете единым целым.

— Да никогда! — закричал младший брат. — Я не женюсь на ней! Брат! Я не могу! Идеальная... она...

— Заткнись, Тир, — прервал его старший брат с яростью. — Ты женишься. И будешь ей хорошим мужем. А своему сыну — отцом. Или я самолично отправлю тебя в орывну! Довольно с нас твоих выходок! Кто ты такой, чтобы спорить с Цветком! — Он повернулся к среднему брату. — Сколько у нас времени? Когда прибывает делегация огненных?

— Несколько минут, — ответил тот.

— Этого достаточно. — Правитель помрачнел и посмотрел на брата. — Приведи девушку. И пригласи сюда огненных.

Я тихо стояла рядом с цветком, словно слилась с ним в единое целое. Мы наблюдали, как в зал вошла девушка, а за ней — послы огненных. Они были темноволосыми и темноглазыми, у одного волосы отливали медью как у девушки. Их золотые одежды ярко контрастировали с холодным серебряным убранством зала и бледными правителями ледяных.

Все пятеро послы огненных дружно уставились на меня, игнорируя остальных присутствующих.

— Идеальная, — прошептал один из них зачаровано, и

мужчины низко поклонились. —Какая честь для нас.

—Идеальная говорила с Цветком. —Правитель ледяных заговорил невозмутимо и холодно. — Цветок хочет, чтобы мой брат и сестра огненного правителя заключили союз.

Огненные возмущенно зашумели.

Не обращая внимания на их возгласы, старший правитель ледяных повернулся к своему младшему брату.

—Сними с нее печать подчинения.

Младший злобно сверкнул глазами, но я тут же почувствовала силу, которая полилась от него в сторону девушки. Через мгновение зеленые глаза засверкали жизнью и такой яростью, что из них посыпались искры. Девушка закричала и бросилась на серебряноволосого, вцепившись ему в лицо острыми ногтями. Пока она раздирала его, он даже не пошевелился, только закрыл глаза. Остальные молча наблюдали эту сцену, не вмешиваясь.

—Мирана, —произнес мужчина с рыжими волосами, и девушка, словно очнувшись, вздрогнула.

Она повернулась и увидела огненных. Слезы покатались по ее щекам, и она, отпустив незадачливого жениха, бросилась на шею рыжеволосому мужчине и затихла в его объятиях. Он тихо заговорил с ней, бросая взгляды в сторону ледяных. Девушка молча слушала, поджав губы. Потом, выпрямившись, холодная и надменная, оттолкнула брата и встала между серебряными и золотыми фигурами.

—Мирана и Тир, —заговорил торжественно правитель

серебряных. —Подойдите друг к другу.

Бледный как полотно, жених шагнул к невесте и замер рядом с ней.

—По решению Цветка между вами будет заключен союз. Цветок желает, чтобы у вашего ребенка. —Правитель сбился и посмотрел на невесту. —Ты носишь в себе новую жизнь. —Девушка вздрогнула и во все глаза уставилась на правителя, который с трудом закончил: —Были любящие родители.

Он помолчал и добавил патетично:

—Этот ребенок—залог мира и процветания меду нашими островами. И их будущий правитель.

—Но мой брат..., —начала девушка.

—Это только твое решение, Мирана, —отозвался рыжий посл.

Девушка опустила голову и повернулась к Цветку. Вокруг него полыхало голубое пламя. Маленькие трещинки пошли по поверхности тонкого льда. По ее щекам покатались слезы, холодные, злые, прожигающие болью. Она ненавидела своего обидчика так же сильно как любила свой мир. И своего ребенка. Осторожно положив руку на свой живот, она судорожно сглотнула и сказала:

—Я согласна.

—Иди, встань рядом с женой, —обратился правитель ледяных к своему младшему брату.

Из глаза встретились только на мгновение. В глазах младшего сверкала холодная ярость. Они говорили: «Я тебя нена-

вижу». Глаза старшего отвечали спокойно и властно: «Я приказываю». В конце концов свет в глазах младшего брата потух. Он повернулся к девушке, и они встали на колени перед Цветком.

Полились словно незнакомого языка.

Все остальное произошло в одно мгновение. От Цветка полился ослепительный бело-голубой свет. Я чувствовала, как он рвется сквозь стены, обволакивая рваные дыры в облочках обеих островов, как распускаются цветы и зеленеют травы там, где раньше был только лед, как кричат радостно люди и поют птицы— и незаметно вышла и святилища.

На зеленом лугу я нашла лохматых зверей, с которых все началось. Мне в руку ткнулся влажный черный нос. Большие глаза, словно темные сливы, смотрели требовательно и обиженно. Я улыбнулась и, прижавшись к лохматой морде, которая блаженно заурчала, стала гладить шелковистую шерсть.

—Источник, —раздалось за моей спиной.

Обернувшись, я увидела Мирану.

—Прости меня, —сказала я, глядя в зеленые глаза. — Прости. Я знаю, как это—жертвовать собой ради тех, кого любишь. В том нет ни радости, ни удовлетворения, ни счастья. Только горечь. И еще обида и печаль. И мучительное будущее рядом с тем, кто в твоих глазах только чудовище. Те, кто принимает твою жертву, скоро забудут о ней. Но это не важно. Главное, что они будут жить.

—Я знаю, —ответила она и с нежностью погладила живот.

Потом подняла на меня глаза. —Пойду к мужу. Не нужно сейчас оставлять его одного.

Отвернувшись, она легко побежала в сторону дома.

—Она взошла на алтарь жизни, —произнес тихий голос, и рядом со мной возникла фигура рыжего посла. —Пожертвовать собой ради счастья других—что может быть почетней такой судьбы.

Я промолчала. Я меня на этот счет было свое мнение.

—Госпожа моя, —продолжал рыжий мужчина, и зеленые глаза засверкали. —Вам обязательно нужно побывать на Острове золотых туч. Увидеть, как идет золотой дождь, как он оседает на листьях и цветах, как смеются наши дети, как счастье льется через край. Мы всегда будем рады принять вас в своем доме.

Часть 4. Остров танцующих звезд

—Борись, —сказал голос. —Борись, дочь.

—Мама?

Я проваливалась в пучину беспросветного мрака, который душил меня, не давая дышать. Сон земной женщины стал темным, гнетущим. Черные щупальца темноты сдавливали меня, словно тиски. Где-то на задворках сознания я слышала крики, голоса, тяжелый звон мечей, рев драконов. Звуки битвы были только фоном, потому что для меня главное сражение сейчас велось в моей голове.

—Борись. Ты сможешь.

Я рванулась навстречу голосу из последних сил—и вспыхнула...

Когда я очнулась, то поняла, что стою у переливающейся голубой стены. Она была гибкой и тонкой, но очень прочной. В темной комнате не было ничего кроме этой стены. За ней бушевала ночь. Ветер ревел как безумный, и в его голос вплеталось что-то живое. Оно с такой силой билось о стену, что та прогибалась. Усевшись на пол, я обхватила колени руками и стала наблюдать как чужое и черное бьется за ней, разрывая реальность.

Ветер сгустился, стал формой. Высокий мужчина в черном с очень бледным лицом, на котором горели два сумасшедших черных глаза, с трудом сдерживаясь, подошел к

стене и положил на нее узкие ладони.

—Впусти меня, — произнес он хриплым низким голосом.
—Впусти меня, радость моя.

—Зачем? — спросила я холодно, рассматривая мерцающие узоры на его плаще.

Он выглядел худым, но не изнеможенным, скорее гибким. И напряженным как пантера перед прыжком. Короткие черные волосы в беспорядке клубились вокруг головы словно змеи.

—Я не могу дышать без тебя, — ответил он и стал в бешенстве биться о стену. —Впусти! Впусти меня!

Я ждала, пока он успокоится. Потом спросила без всякого выражения:

—Кто ты такой?

—Называй меня Кассий. Я правитель Острова падающих звезд.

—Странное название.

—Это название моей империи. В нее входят семь островов. Никто в вечном мире не может соперничать с ней.

—Мы ничего о тебе не слышали.

Черные глаза мрачно сверкнули. В них загорелись красные огоньки.

—Теперь услышите. Сейчас у стен островов, которые ты знаешь, стоят мои воины. Сначала я ... разберусь с тобой, а потом разрушу все, что ты знаешь и любишь. Как бы не были сильны твои защитники, они сейчас гибнут под стенами

островов, потому что никто не может соперничать с мощью, которую я сосредоточил в своих руках.

—Если ты такой могущественный, зачем тебе я? Тебе что мало женщин?

—У меня достаточно женщин. Мне нужна ты одна.

—Зачем? Не поверю, что ты любишь меня, — усмехнулась я.

—Люблю? Тебя? — Он хрипло рассмеялся. — Тебя невозможно любить. Ты же источник. Тебя можно только использовать. Мне нужны ты и твоя сила.

—Хочешь убить меня?

Он снова рассмеялся и, прислонившись лицом к стене, стал яростно таращиться на меня.

—Убить? О, нет. Напротив. Я хочу, чтобы ты долго жила. Я буду забирать у тебя жизнь по капле. — Он облизнулся. — Сладкой капле. Твоя агония будет длительной и сладостной. Ты знаешь, что такое принадлежать мужчине, как это больно и мучительно.

—Ты безумен, — сказала я и встала.

—Я нормален, — ответил он и заревел, ударяясь об стену: — Иди сюда, тварь! Подойди к мне! Я тебе приказываю! Тебе все равно никуда не деться! Подчинись!

Я поднялась и посмотрела в безумные глаза.

Солнечный свет... Глаза Магды... Одинокая арфа у темного зала... Синие глаза ... Розовые оригоны... Раввинацы и террианцы... Наверное, я бы хотела лучшей судьбы, но уж

какая есть...

—Мене придется убить тебя, —сказала я —и прошла сквозь стену.

Синий свет вспыхнул словно солнце—и Кассий умер.

Я пошла вперед, не останавливаясь. Синее пламя несло впереди меня, и я не знала, кто из нас безумнее—Кассий, решивший завоевать высокий мир, или я, которая пыталась остановить его.

В синий пепел превратилось черное воинство.

Синим пеплом осыпались семь островов. Я шла и шла, полыхая словно факел, безэмоционально наблюдая, как мгновения текут и растворяются в синем свете. Холодно и равнодушно я размышляла, что никто не должен выжить.

Никто.

Чтобы никто не смог вернуться.

Я пришла в себя от тишины. Больше не было слышно криков и звона мечей, рева драконов, не видно вспышек пламени. Я сидела у границы Счастливого мира. Передо мной рядами укладывали погибших. Их было так много, что они заняли огромное поле. Внутри у меня все болело. Там была пустыня, которую выжег синий свет.

Пылающая бедна.

—Не оживляй. —Руки Сэма обняли меня. Я почувствовала его запах, мяты и лимона, смешанный с запахом горячей смолы и нагретого железа, и на мгновение вжалась в него, словно пыталась спрятаться. — Не надо. Это большая честь

—сложить голову во имя великой цели.

Задохнувшись, я вырвалась из его рук и, спотыкаясь, побрела вдоль рядов погибших воинов.

Драконы и синие ангелы... Черные рыцари... Волки... Присягнувшие... Огромные рыцари черного рассвета... Забыв свою вражду, все они встали на защиту мира, который любили. Да, каждый по-своему. Такие разные. И такие похожие...

Неожиданно меня словно ударили в грудь— я рванулась к дракону, над которым склонился Оран. Дракон тяжело дышал. Огромные медные глаза затянуло серой пленкой.

—Нет, —прошептала я и упала на колени. —Учитель! Нет!

Обхватив огромную голову руками, я прижалась к нему и зарыдала.

—Пожалуйста, пожалуйста, —твердила я, и мою грудь разрывала такая боль, что я не могла дышать. —Не уходи. Милый, любимый, самый прекрасный на свете учитель. Пожалуйста, не бросай меня.

Дракон тихо вздохнул и закрыл глаза. Я подняла заплаканное лицо и посмотрела на Орана. Тот покачал головой и отвернулся.

И тогда, прижавшись к холодеющему телу, я закричала в черную бездну, разрываясь от боли, которую не могла вынести. Яркий золотисто-розовый свет рванулся из меня таким мощным потоком, что я потеряла сознание.

Смерти нет. Теперь я точно знаю...

Когда я очнулась, то увидела, как встают мертвые. Сама не своя от радости, я повернулась к учителю и наткнулась на пристальный взгляд глаз цвета расплавленной меди.

—Даже умереть не дашь нормально, —прохрипел он. —
Безобразница.

—Я тебе запрещаю умирать, —улыбнулась я сквозь слезы. — Я хочу, чтобы драконы пошли со мной. Чтобы они построила в мире идеала летающий хрустальный город. Настоящий драконий город. Где будут жить только драконы.

—Хрустальный город драконов? —старейший ухмыльнулся. —А не врешь?

—Нет, —рассмеялась я и прижалась к горячему телу. —
И не отлынивай!

—Ну, раз такое дело. —Он снова ухмыльнулся. —Тогда поживем.

Часть 5. Подвалы

Я осторожно открыла дверь в комнату учителя. В подземном этаже Города синих облаков было на удивление пустынно. Комната была заставлена большими деревянными ящиками. Из-за перегородки доносился какой-то шум. Черная голова всунулась в проем, сверкнула яркая бронза глаз.

—А, это ты, — прорычал учитель. — Пришла заниматься?

—Нет, — ответила я, подпирая стенку. — Узнать, как ты себя чувствуешь.

—Нормально, — ответил он. — Вот, собираюсь.

—Куда?

—Переезжаем на двенадцатый уровень. — Он вошел в комнату, внимательно осматривая меня. — Выглядишь неважно.

—После того, что произошло, кто будет выглядеть нормально, — ответила я мрачно.

Он задумчиво опустил голову. Потом пересек комнату, схватил меня за руку и поволок к двери. Привыкнув к его манере, я, не сопротивляясь, потащилась следом. Мы прошли темными пустыми коридорами и углубились в лабиринты подземелий, без света и воздуха, узких, мрачных, давящих. Наконец, старейший открыл тяжелую дверь, и мы оказались в узком коридоре, освещенном тусклым желтым светом. Вереница дверей уходила куда-то в перспективу. Не знаю, что

на меня нашло, но я прижалась к учителю с суеверным страхом.

—Все правильно, —ответил он на мой взгляд. —Камеры и пыточные. Драконы славятся своей жесткостью, разве ты не знала? Но иногда это единственный способ добиться правды. Пойдем. Я покажу тебе кое-что.

—Пыточную? —круглыми от ужаса глазами я уставилась в драконью морду.

—Нет. Ты не вынесешь этого зрелища. Навестим одного из пленников вчерашнего сражения, из числа тех, кто оказался внутри периметра, когда ты... выпустила синий свет, и поэтому остался жив. Мы всех их переловили. Кому-то повезло больше. —Он помолчал. —Они оказались в подземельях Темного правителя. Он всегда ищет себе новых слуг. А этим... повезло меньше. Они уже никогда не выйдут отсюда.

Он протащил меня по коридору и открыл дальнюю дверь.

В маленькой комнате без окон на низком каменном возвышении сидел человек. Стены неярко светились, и я хорошо рассмотрела его лицо. Это был один из тех, кто пришел с Кассием. Высокий, под три метра ростом, широкоплечий воин сейчас выглядел уставшим. Сложенные на коленях руки были скованы ярко-золотой нитью. Поникие мощные плечи обтягивала черная кожаная рубашка, сбившиеся черные волосы, вероятно, в нормальном состоянии были блестящими и кудрявыми. Когда мы вошли, он выпрямился и уставился на нас ярко-желтыми горящими глазами.

Его трудно было назвать красивым. Но по-мужски он выглядел привлекательно. Тяжелое лицо, словно вытесанное из камня, было холодным и властным, а плотно сжатые губы кривила усмешка.

—Странные гости, — пророкотал он низким мелодичным голосом. — Неожиданно. Решила сама пытаться меня? Это уже ни к чему. Ты и так сделала все, чтобы избавить меня от желания жить. Остров Ориона, мой мир, мертв вместе с остальными островами империи Кассия. Так что не трудись понапрасну. Мне тебе нечего сказать.

—Зачем он это сделал? — заговорила я, и голос прозвучал странно глухо. — Кассий. Зачем напал на Счастливый мир?

—Он был помешан на тебе. — Мужчина болезненно скривился. — Не знаю, что там ему сказала Черная богиня, но он был одержим желанием получить тебя.

—Черная богиня? Кто это?

—Покровительница империи. Она была хранителем одного из небольших остров, который завоевал Кассий. С тех пор он ревностно придерживался культа богини. И все острова империи приняли ее веру. Нам нравилось служить ей. Она давала нам силы и стойкость в бою. Никогда не оставляла нас. — Он помолчал, блеснув глазами. — Пока ты не убила ее вместе со всеми жителями.

—Это темная вера, — пророкотал учитель. — С жертвоприношениями.

—И что с того? — усмехнулся мужчина. — Сейчас в сосед-

них комнатах пытаются моих товарищей. И вряд ли это лучше, чем взойти на алтарь богине. Да, мне нравится убивать. Я с радостью это делал. Я брал все, что мне давала война, убивал мужчин и насиловал женщин. Я был жесток. Я был безжалостен. Я попираю сострадание и мораль. Но разве твои драконы не делают то же самое? И разве, когда закроется за тобой дверь, они не придут за мной, чтобы испытать меня на прочность?

Он помолчал. В темноте яростно сверкали его глаза.

—Ты красивая, — сказал он тихо. —Я понимаю Кассия.

—Откуда он узнал обо мне?

Он усмехнулся.

—Прежде чем нападать, мы провели разведку. Явились в Счастливый мир под чужими личинами. Установили места открытия порталов, искали слабые места в обороне острова. Кассий явился в Темному правителю с дипломатической миссией об установлении военного союза. Мы знали, что он ведет войну с Благословенным миром и будет рад союзнику.

—Темный правитель всегда рад войне, — ответила я. —Но только не в этот раз.

—Разумеется, — усмехнулся мужчина. —Раз покушались на его сокровище. Кассий увидел тебя на одном из приемов. И совсем тронулся. Он просил помощи у темной богини, и она дала ее. Не понимаю, почему на тебя не сработало заклятие обхвата. От него невозможно спастись.

Я пожала плечами. Мне не хотелось говорить об этом.

—Расскажи мне о темной богине.

—Говорят, она пришла из твоего мира. Мира идеала.

Я уставилась на него с ужасом.

—Это невозможно!

—Почему нет? Она слишком долго находилась в вечном мире. Искала тебя. Потом отчаялась и погрузилась в собственное величие. —Он посмотрел на меня с иронией. — Воскреси и спроси ее, зачем она это все устроила.

Он откинулся к стене и закрыл глаза. Потом добавил негромко:

—Ты-то чем лучше ее.

Я вспыхнула, резко развернулась и вышла из комнаты.

—Не стоит так близко принимать его слова, —сказал учитель, запирая камеру. —Ты —причина гибели его мира. Удивительно, что он вообще не бросился на тебя. Что же касается остального...—Он помолчал. —Империя танцующих звезд была заражена темнотой. Все жители как один прияли веру в темную богиню. Она приносили ей человеческие жертвоприношения. Они грабили, мучили и убивали. Ты сделала то, что должна была сделать.

В его глазах блеснул странный огонек.

—Даже и не думай, —остановила его я.—Никаких пыточных...

Потом я сидела в пустоте, далеко от острова, далеко от дома и смотрела как перекатываются прозрачные волны пылающей ночи. Она казались такими манящими. В них мож-

но было утонуть, забыться. Заснуть. Они не знали ни моих проблем, ни моих терзаний.

—Ну, что ты притихла как мышка?

Темнота сгустилась, и мягкие женские руки обняли меня.

—Я убила семь островов, —прошептала я, вдыхая запах спелой малины и горьких цветов.

Усадив меня к себе на колени, Пустота легко коснулась моих волос.

—Если бы ты этого не сделала, они бы погибли от моей руки.

—Я думала, это ты дала силу правителю Острова танцующих звезд.

—Нет. Он вытянул ее из островов, которые завоевал. Пока его империя держалась от тебя в стороне, я не видела в этом никакой проблемы. Было даже занятно, чем все это обернется.

—Он был очень силен. И безумен.

Пустота хрипло рассмеялась.

—Силен, да. Он саккумулировал почти половину потенциала, который ты вложила в высокий мир. Что же касается безумия...—Она помолчала. —Он единственный сказал тебе правду о том, что происходит. Надеюсь, у тебя хватит мудрости и взрослости посмотреть на свое окружение более трезвым взглядом.

—О чем ты говоришь? —встрепенулась я.

—О том, что ты услышала. Вечные существа умны и хит-

ры. Они знают, как ты идеализируешь отношения между мужчиной и женщиной, и стараются соответствовать твоему представлению. Но это совершенно не означает, что они такие, какими ты их видишь. Большинство из них не в состоянии полюбить. Никого. Понимаешь меня? Они так давно живут, что перестали воспринимать чувства как необходимость. Они давно уже вытравили их, заменили холодным расчетом, логикой и целесообразностью. К чему им чувства? Они заставляют менять привычный ритм и образ жизни. Они будоражат, выбивают из колеи. А вечным нравится размеренная жизнь, в которой все распланировано и рассчитано. Вспышки эмоций вызывают в них только раздражение и досаду. —Пустота помолчала. —Я не говорю, что все они такие. Кажется, Ариэль действительно привязан к тебе и любит по-настоящему. Он ведь с тобой еще с тех времен, когда не знал, кто ты, не так ли? Но и он иногда манипулирует твоими эмоциями и заблуждениями относительно психологии вечного существа. Твой романтизм и наивность—твое слабое место.

—Я не могу...

—Я знаю, милая моя девочка. —Она ласково поцеловала меня в макушку и прижала, укачивая как ребенка. —Ты такая, какая есть, без защитной оболочки. Обнаженные чувства. Чистота и свет. Ты и не можешь быть другой, ведь ты—их сосредоточение. Может быть, поэтому ты каждый раз умираешь, —добавила она с горечью. —Не потому, что

должна. А потому, что не хочешь помнить.

—Почему? —спросила я с болью. —Ну почему все так происходит? Почему невозможно построить светлый мир, полны добра и чистоты?

—Может быть, потому что это довольно скучно, как мне кажется, —ответила она задумчиво. —Однородный мир никуда не может развиваться. Ему не с чем бороться. Нечего преодолевать. Не к чему стремиться. Он такой нудный, такой правильный, такой предсказуемый. Каждый день одно и то же. Никто не ссорится. Не враждует. Не отстаивает свою позицию в драке. Никто никого не ненавидит. Сплошная сладость. Никакой горечи. Мне кажется, поэтому ты всегда разбавляешь его этой самой горечью. Чтобы был шанс борьбы, стремления к победе, надежды на перемену. Вся эта россыпь чувств, которыми наполняется высокий мир, имеет под собой надежу найти что-то необыкновенное, которое вырастет в борьбе за право существовать. И это замечательно.

Она долго молчала. потом сказала ласково:

—Я помню все. Все, что ты забыла. Каждый миг, каждое мгновение твоей жизни. Я такая взрослая по сравнению с тобой. Ты всегда остаешься для меня ребенком. Я берегу тебя. Я люблю тебя. У меня нет никого ближе и дороже тебя, моя маленькая проказница. —Она нежно прижала меня. —Моя радость. Смысл моей жизни.

Часть 6. Увидеть рассвет и умереть

Очень высокие мужчины в серо-голубых плащах молча стояли на берегу Вечного моря и смотрели на розовую полосу на горизонте. Они выстроились в ряд словно на параде. Их бледные суровые лица напугали меня.

А на берегу творилось что-то непонятное. Бобер и белый кролик запускали в море черный гроб с восьмиугольной крышкой. Они его толкали в воду, а море возвращало обратно, словно не принимая. Наконец, вода подняла гроб и с силой швырнула его на берег. Крышка отскочила, и из гроба вывалился огромный медведь с длинной темно-коричневой шерстью.

Я подумала, что это опять актеры черного клоуна, но он так и не появился. Я спустилась к воде и, пройдя мимо хмурых мужчин, остановилась рядом с животными, которые печально смотрели на гроб.

—Что здесь происходит? —спросила я, но мне никто не ответил.

—Давай я, —вздыхнул кролик и полез внутрь.

Крышку закрыли, и гроб снова запустили в море. Вода все так же оттолкнула подарок. Кролик выбрался наружу и, печально вздохнув, посмотрел на медведя.

—Попробуем камни, —прорычал медведь, и они стали укладывать внутрь прозрачные тесно-синие камни, очень

смахивающие на сапфиры, которые горкой лежали неподалеку.

Гроб снова опустили на воду. Но все тем же результатом.

—Море не принимает жертву, —раздался холодный голос.

—Жертву? Какую жертву?

Обернувшись, я увидела, что один из странных мужчин стоит рядом со мной.

—Твой прадед был последним таранцем, который ее принес, —продолжал мужчина, хмуро глядя на мечущихся у воды животных. —Один раз в оборот вечности ее приносит таранец, чтобы отблагодарить море.

—Кто такие таранцы?

—Путешествующие между мирами. Они могли легко передвигаться с одного острова на другой, но не так как ты — между сном и явью— а во сне. Однажды они находили мир, который им полюбился, и оставались в нем, исчезая из своего навсегда.

—Хотите меня принести в жертву? —спросила я, с интересом рассматривая суровое неподвижное лицо.

Мужчина повернулся и посмотрел на меня холодно и оценивающе.

—Мы не можем. —В его голосе прозвучало сожаление. —Море любит тебя. И не примет жертву.

—И что теперь? Море рассердится?

Он не ответил.

Задумавшись, я не заметила, как берег исчез. Мне в лицо пахнул ветер, нагретый не солнцем, а пожаром. Он гнал черную пыль по бесконечной равнине, освещенной на горизонте багровым светом. Было сумрачно и душно, словно перед грозой.

—Ты опоздала, —сказал ясный чистый голос, и мне навстречу шагнул мужчина в лиловом плаще. —Еще немного, и было бы поздно.

—Но я... —Я подумала, что не обязана оправдываться перед ним, потом спросила. —Кто ты такой? Что тебе нужно?

—Не надо грубить. —Он поплотнее завернулся в плащ и добавил: —Сейчас не важно, кто я такой. Важно, что черная богиня собирается захватить Счастливый мир.

—Черная богиня? Я думала, она умерла.

—Таких как она трудно убить, —ответил мужчина, сверкнув глазами. —Она покинула свой мир и легко путешествует в оживне.

—И что тебе от меня надо? —спросила я, вглядываясь в надвигающиеся от горизонта низкие тучи.

Но мужчина так и не успел ничего ответить. Вокруг меня замерцал синий свет, он стал струиться и течь, превращаясь в воронку.

—Нет! —закричал мужчина. —Назад! Отойди назад!

Но было уже поздно. В глазах потемнело—и я провалилась.

Я очнулась в небольшой квадратной комнате без окон.

Бледный серый свет неравномерно растекался по ней, словно грязная вода.

—Вот мы и встретились, —раздался рядом негромкий голос, и я увидела высокую очень худую женщину в черном длинном платье, которое обтягивало ее как вторая кожа.

Короткие черные волосы обрамляли тонкое серозное лицо с выступающими скулами и острым подбородком. Она была патологически худа, во впавших глазницах мерцали черные глаза. Она не смотрела на меня. Просто стояла рядом, глядя куда-то за стены маленькой комнаты, словно видела что-то, недоступное мне. Я не чувствовала в ней ни вражды, ни страха. Только усталость и горькую радость.

—Ты черная богиня, —сказала я.

Я пыталась понять, что чувствую, но мои ощущения словно заморозились. Это место странным образом выпивало эмоции, поглощая все подряд, опустошая, но не убивая.

—Так меня называли, —отозвалась она. —В конце концов, я смирилась и приняла его.

—Но зачем, Амия?

Имя сорвалось с моих губ непроизвольно, без всяких усилий.

Женщина вздрогнула и повернула ко мне измученное лицо.

—Ты помнишь, —произнесла она с такой болью, что я задрожала. —Ты не забыла меня. —Судорожно вздохнув, она с трудом отвела от меня взгляд и продолжила: —Когда ты

ушла из мира рассвета, чтобы строить этот мир, я последовала за тобой. Я так любила тебя. Я не могла жить без твоего света. Поэтому я проследила за тобой, и когда ты открыла воронку, я шагнула следом. —Она захрипела, схватившись за горло, и замолчала. Потом собравшись с силами, заговорила снова. —Это было прекрасно—мир, который только родился. Я искала тебя повсюду, но тебя нигде не было. Я все ждала и ждала, когда ты возродишься. —Она замолчала. —Потом я проголодалась. Раньше мне было достаточно света, который ты излучала. Чистый нежный свет—все что мне было нужно.

Она обхватила себя руками, сжав плечи так, что побелели костяшки пальцев.

—Когда голод стал совсем невыносим, я нашла остров и поселилась на нем. Мне нужна была энергия, и я стала принимать жертвы, которые приносили его жители, считав меня богиней. Сначала неохотно, потом жадно. Но чем больше я получала, тем меньше была удовлетворена. Они не могли заменить мне твоего света.

—И ты стала черной богиней, —закончила я с горечью. —Забирала чужие жизни, чтобы жить самой.

—Я искала тебя! Как ты могла оставить меня одну! —Она упала на колени, подползла к мне, и, обливаясь слезами, стала целовать мои ноги. Обхватив мои щиколотки, она судорожно прижалась ко мне, шепча: —Свет. Твой свет. Наконец-то я снова чувствую его.

Слезы полились из моих глаз. Я молчала. Я не знала, что чувствую. Жалость? Печаль? Семь остров погибли в синем пламени, который она разожгла, превратив живых существ в монстров. Неожиданно в голове что-то вспыхнуло, и воспоминания затопили меня.

Я увидела высокую тоненькую девушку с длинными роскошными волосами словно сотканными из лунных нитей. Мы держались за руки и весело кружились среди танцующих белых лепестков. Бездонные голубые глаза смотрели на меня с любовью и нежностью. Горло сдавило. Я с трудом могла дышать.

Моя подруга. Почти сестра.

Она не выдержала бесконечного ожидания. Сколько оно длилось? Сколько существует высокий мир? Бедняжка потеряла надежду и потерялась сама. Превратилась в монстра, пожирающего чужие жизни.

—Я хочу увидеть рассвет, —шептала на словно заклинание, обливая слезами мои ноги. —Я хочу увидеть рассвет.

Я должна была убить ее. Но так и не смогла.

—Пойдем, —сказала я, поднимая ее, и мы перенеслись на берег Вечного моря.

Здесь все оставалось таким же—неподвижные фигуры даже не пошевелились, когда мы проходили мимо них к печально понурившимся животным, сидящим рядом с пустым гробом.

Амия подняла на меня лихорадочно заблестевшие глаза,

и потрескавшихся губ коснулась улыбка.

—Я увижу рассвет, —сказала она и заплакала. —Я люблю тебя.

Выпустив мою руку, она шагнула к гробу. Едва она легла в него, как щели гроба затянулись, и он превратился в единое целое. Звери встрепенулись, с них стала сползать чужая личина. Трое молодых суровых мужчин в серебристо-голубых плащах оттолкнули гроб от берега под заунывную тихую песню, почти молитву. Все стоящие на берегу опустили на колени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.